

Гомер

Илиада

Гомер

Илиада

«Public Domain»

Гомер

Илиада / Гомер — «Public Domain»,

«Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына, Гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам, Много сильных душ героев пославший к Аиду, Их же самих на съеденье отдавший добычею жадным Птицам окрестным и псам. Это делалось, волею Зевса, С самых тех пор, как впервые, поссорясь, расстались враждебно Сын Атрея, владыка мужей, и Пелид многосветлый. Кто ж из бессмертных богов возбудил эту ссору меж ними?..»

Содержание

Предисловие переводчика	5
К пониманию событий, о которых рассказывают «Илиада» и «Одиссея»	9
Песнь первая	13
Песнь вторая	27
Песнь третья	46
Песнь четвертая	56
Песнь пятая	68
Песнь шестая	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Гомер Илиада

Предисловие переводчика

У нас есть два полных перевода «Илиады», читаемых и сейчас. Один старинный (десятих-двадцатых годов прошлого века) – Гнедича, другой более новый (конца прошлого – начала нашего века) – Минского.

Перевод Гнедича – один из лучших в мировой литературе переводов «Илиады». Он ярко передает мужественный и жизнерадостный дух подлинника, полон того внутреннего движения, пафоса и энергии, которыми дышит поэма. Но у перевода есть ряд недостатков, делающих его трудно приемлемым для современного читателя.

Главный недостаток – архаический язык перевода. Например:

Он же, как лев истребитель, на юниц рогатых нашедший,
Коих по влажному лугу при блате обширном пасутся
Тысячи; пастырь при них; но юный, еще не умеет
С зверем сразиться, дабы защитить круторогую краву...

Перевод перенасыщен церковно-славянскими словами и выражениями, пестрит такими словами, как «дщерь», «рек», «вещал», «зане», «паки», «тук», вплоть до таких, современному читателю совершенно уже непонятных, слов, как «скимен» (молодой лев), «сулица» (копье), «глезна» (голень) и т. п.

Гнедич, далее, старается придерживаться в своем переводе «высокого слога. Вместо «лошадь» он пишет «конь», вместо «собака» – «пес», вместо «губы» – «уста», вместо «лоб» – «чело» и т. п. Он совершенно не считает возможным передавать в неприкосновенности довольно грубые подчас выражения Гомера. Ахиллес ругает Агамемнона: «пьяница, образина собачья!» Гнедич переводит: «винопийца, человек псообразный!» Елена покаянно называет себя перед Гектором «сукой», «бесстыдной собакой». Гнедич стыдливо переводит: «меня, недостойную».

Перевод Минского написан современным русским языком, но чрезвычайно сер и совершенно не передает духа подлинника. Минскому более или менее удаются еще чисто описательные места, но где у Гомера огненный пафос или мягкая лирика, там Минский вял и прозаичен.

Когда новый переводчик берется за перевод классического художественного произведения, то первая его забота и главнейшая тревога – как бы не оказаться в чем-нибудь похожим на кого-нибудь из предыдущих переводчиков. Какое-нибудь выражение, какой-нибудь стих или двустиишие, скажем даже, – целая строфа переданы у его предшественника как нельзя лучше и точнее. Все равно! Собственность священна. И переводчик дает свой собственный перевод, сам сознавая, что он и хуже, и дальше от подлинника. Все достижения прежних переводчиков перечеркиваются, и каждый начинает все сначала.

Такое отношение к делу представляется мне в корне неправильным. Главная все оправдывающая и все покрывающая цель – максимально точный и максимально художественный перевод подлинника. Если мы допускаем коллективное сотрудничество, так сказать, в пространстве, то почему не допускаем такого же коллективного сотрудничества и во времени, между всею цепью следующих один за другим переводчиков?

Все хорошее, все удавшееся новый переводчик должен полною горстью брать из прежних переводов, конечно, с одним условием: не перенося их механически в свой перевод, а органически перерабатывая в свой собственный стиль, точнее, в стиль подлинника, как его воспринимает данный переводчик.

Игнорировать при переводе «Илиады» достижения Гнедича – это значит заранее отказаться от перевода, более или менее достойного подлинника.

В основу своего перевода я кладу перевод Гнедича везде, где он удачен, везде, где его можно сохранять. «Илиада», например, кончается у Гнедича таким стихом:

Так погребали они конеборного Гектора тело.

Лучше не скажешь. Зачем же, как Минский, напрягать усилия, чтоб сказать хоть хуже, да иначе, и дать такое окончание:

Так погребен был троянцами Гектор, коней укротитель.

Многие стихи Гнедича я перерабатывал, исходя из его перевода. Например: Гнедич:

Долго, доколе эгид Аполлон держал неподвижно,
Стрелы равно между воинств летали, и падали вой;
Но едва аргивянам в лице он воззревши, эгидом
Бурным потряс и воскликнул и звучно и грозно, смутились
Души в их персях, забыли аргивцы кипящую храбрость.

Новый перевод:

Долго, покуда эгиду держал Аполлон неподвижно,
Тучами копья и стрелы летали, народ поражая.
Но лишь, данайцам в лицо заглянувши, потряс он эгидой,
Грозно и сам закричав в это время – в груди у ахейцев
Дух ослабел, и забыли они про кипящую храбрость.

(XV, 318)

Подавляющее большинство стихов, однако, написано заново, – в таком, например, роде. Приам в ставке Ахиллеса молит его отдать ему тело убитого Гектора.

Гнедич:

Храбрый, почти ты богов! Над моим злополучием сжался,
Вспомнив Пелея родителя! Я еще более жалок!
Я испытаю, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!

Новый перевод:

Сжался, Пелид, надо мною, яви уваженье к бессмертным,
Вспомни отца твоего! Я жалости больше достоин!
Делаю то я, на что ни один не решился бы смертный:
Руки убийцы моих сыновей я к губам прижимаю!

(XXIV, 503).

Я считал возможным вносить в перевод также отдельные удачные стихи и обороты Минского. И если от заимствований качество перевода повысится, то этим все будет оправдано.

Очень труден вопрос о степени точности, с какою следует переводить поэму, написанную три тысячи лет назад. В общем мне кажется, что прежние переводчики слишком уж боялись чрезмерной, по их мнению, близости к оригиналу, уклоняющейся от наших обычных оборотов речи. У Гомера, например: «Что за слова у тебя чрез ограду зубов излетели!» Переводчики предпочитают; «Что за слова из уст у тебя излетели!» Предпочитают «гнева в груди не сдержавши» вместо гомеровского «не вместивши», «лишь тогда б ты насытила злобу» вместо «исцелила свою злобу».

Слово *thymos* (дух) и *psyche* (душа) безразлично переводятся то «дух», то «душа». Между тем у Гомера это два понятия, совершенно различные. «Тимос» (дух) – совокупность всех духовных свойств человека, «психе» (душа) – это заключенная в человеке его тень, призрак, отлетающий после смерти человека в царство Аида, грустное подобие человека, лишенное жизненной силы, настолько лишенное, что, например, душа Патрокла, явившаяся во сне Ахиллесу, способна выразить свою грусть от расставания с другом только писком (XXIII, 101).

Приветствуя друг друга, эллины говорили: «*chaire* – радуйся, будь радостен», где мы говорим «здравствуй, будь здоров». Как переводить это слово – «радуйся» или «здравствуй»? Когда эллинские посланцы приходят к Ахиллесу, он приветствует их словом «*chairete* – радуйтесь!» Но ахейцы разбиты, Гектор у их кораблей, Ахиллес помочь не хочет, чему же тут радоваться? Тем не менее, по-моему, все-таки нужно переводить «радуйтесь». Незнающий пусть из примечания узнает, что «радуйтесь» соответствует нашему «здравствуйте». Но слишком для эллинского жизнеотношения характерно, что при встречах они желали друг другу радости, и стирать в переводе эту черточку нельзя. То же и с излюбленным у Гомера словом «*philos* – милый». «Милым печалуюсь сердцем», «утомились его милые ноги» и даже: «печалится мое милое сердце». Собственно говоря, слово «*philos*» здесь значит просто «свой, собственный». Однако в послегомеровское время слово в этом смысле уж не употреблялось, а для гомеровского времени характерен именно этот оттенок: свое сердце – милое сердце, как города – благозванные, тело – прекрасное, колесница – искусно сделанная и т. д.

И вообще, мне кажется, можно держаться ближе к подлиннику гораздо чаще, чем это делают прежние переводчики, как бы нам ни казались чуждыми и необычными эпитеты и обороты Гомера. Он часто, например, употребляет выражение «однокопытные кони», как будто бывают и двукопытные кони; «увидел глазами»; боги делают герою легкими «ноги и руки над ними». Гомер иногда употребляет прием, носящий название «*hysteron – proteron*» (более позднее – более раннее). Герой, встав от сна, надевает плащ и хитон, хотя, конечно, он надевает раньше хитон (рубашку), а потом уже плащ. Нимфа Калипсо надевает на Одиссея новое платье и делает ему ванну. Конечно, ванну она делает раньше.

Когда мы читаем в каком-нибудь рассказе: «Иван Петрович подошел к столу. Он был очень весел» – мы почитаем себя обязанными спросить – «Кто был весел – стол?» Гомер очень часто употребляет слова «он», «она», «они», когда по смыслу ясно, о ком идет речь, хотя желающий может задать вопрос, подобный вопросу о столе. Я в этом случае считал возможным следовать Гомеру.

Однако идти в точности перевода до конца я не решился. Для Гомера, например, садлицем всех душевных и умственных свойств человека является не мозг, а сердце, еще точнее – грудобрюшная преграда (*phrenes*). Может быть, это отсутствие нужной дерзости, но

у меня не поднялась рука переводить: «гнев охватил его грудобрюшную преграду» или: «я радуюсь всею своею грудобрюшном преградою».

О транскрипция собственных имен. В общем, я старался передавать их в соответствии с оригиналом, но имена, уже получившие у нас право гражданства и ставшие для всех обычными, я оставил в прежней транскрипции: Ахиллес (а не Ахиллей), Гекуба (а не Гекаба), Аякс (а не Аянт), Калхас (а не Калхант). Так же в подготовляемом переводе «Одиссеи»: Цирцея (а не Кирка), циклоп (а не киклоп) и т. д.

То же с ударениями. Правильно было бы: Аполлон, Дионис, Приам, Менелай, Парис и т. д. Я сохранил ударения, ставшие для нас уже обычными.

К пониманию событий, о которых рассказывают «Илиада» и «Одиссея»

У богов был свадебный пир: выдавали «сереброногую» богиню Фетиду, дочь морского старца Нерея, за смертного человека Пелея, царившего над народом мирмидонцев во Фтии, на севере Греции. Случай совершенно необычный. У богов и богинь были нередки мимолетные любовные связи со смертными женщинами и мужчинами. Но чтобы богиню выдавали замуж за смертного человека – этого не бывало. Однако к тому были основательные причины. Фетидою увлекались сам царь богов, громовержец Зевс, и его брат Посейдон, владыка морей. Существовало предсказание, что сын, родившийся от Фетиды, будет много сильнее своего отца. Греческие боги были далеко не всемогущи. Выше их стоял темный, безличный рок, и его решений боги не имели возможности отменить. Чтобы сделать для себя безопасным будущего сына Фетиды, они и выдали ее замуж за смертного. Существо, только более сильное, чем смертный человек, для богов не было опасно. А сильного бога у них были очень основательные причины бояться. Зевс сам воцарился над миром, свергнув с помощью братьев и сестер отца своего Крона и заключив его в подземный Тартар. Крон в свою очередь воцарился, свергнув отца своего Урана, первоначального владыку мира.

На свадебный пир были приглашены все боги за исключением Эриды, богини вражды и раздора. Причина понятна. Эрида обиделась. В середине пира вдруг дверь открылась, и Эрида с порога покатила в пиршественный зал золотое яблоко с надписью: «прекраснейшей». За яблоко возник жестокий спор между тремя богинями: царицей Герой, женой Зевса, Палладой-Афиной, богиней мудрости, и Афродитой, богиней любви и красоты. Каждая требовала яблоко себе, как наиболее прекрасной. Поладить не смогли и обратились за решением спора к красавцу-царевичу Парису, сыну троянского царя Приама. Он в это время пас стада на Гаргаре, одной из вершин горы Иды близ Трои. Обе стороны сразу повели дело начистоту. Гера обещала Парису власть и богатство, Афина – мудрость и славу, Афродита – любовь самой красивой в мире женщины. Парис подобный способ решения спора нашел вполне естественным и стал взвешивать не то, какая из богинь наиболее прекрасна, а то, какое из обещаний наиболее заманчиво. И присудил яблоко Афродите.

На юге Греции, в знаменитой впоследствии Спарте, царствовал Менелай Атрид (то есть, сын Атрея). Он был женат на Елене, дочери Леды. Отцом Елены был сам царь богов Зевс, явившийся к Леде в виде прекрасного лебедя. Эта-то Елена, жена Менелая, и была прекраснейшей женщиной во всем мире. Парис приехал в качестве гостя к Менелаю. Афродита зажгла Елену страстью к Парису, и он увез Елену на своих кораблях вместе со всеми ее сокровищами к себе в Трою. Троя (или Илион) была столицей богатой троянской страны, расположенной на северо-западной оконечности Малоазиатского полуострова, при впадении Геллеспонта (ныне Дарданельский пролив) в Эгейское море.

Похищение Парисом Елены повело, по греческим сказаниям, из которых черпал Гомер, к продолжительной войне греческих народов с Троей, окончившейся разрушением Трои. Троянская война не выдумка, она была действительно, но вызвана она была, конечно, не похищением красивой женщины. Причина войны греческих народов против Трои лежала в благоприятном торговом положении Трои на путях из Европы в Азию, положении, сильно тормозившем торговлю Греции. Это-то и побудило многочисленные мелкие государства Греции, постоянно между собою враждовавшие, объединиться в общую армию и пойти походом на Трою. Нападение же Греции в свою очередь побудило соседние с Троей государства – Ликий, Фракий, Пафлогонию, Мисею и др. – присоединиться союзниками к Трое и вместе

с нею бороться с вторгшимся греческим войском. Нужно кстати заметить, что в то время греки еще не назывались греками. Гомер называет их ахейцами, данайцами или аргиевцами.

Братом Менелая был Атрид Агамемнон, царь «многозлатных» Микен, самый могущественный и богатый из всех ахейских царей. Он горячо откликнулся на обиду, нанесенную Парисом его брату. Откликнулись и другие цари. После долгих сборов ахейская армия собралась у порта Авлиды в количестве около ста тысяч человек. Ополчением каждого царства командовал его царь, а главнокомандующим был избран Агамемнон. Из других предводителей особенно выдавались следующие: Диомед Тидид (сын Тидея), царь Аргоса, самый привлекательный из всех ахейских героев, великодушный, рыцарски благородный, всегда бросающийся в самые опасные места, не боящийся вступать в бой даже с богами; «Великий Аякс», сын Теламона, царя саламинского, огромный, чудовищной силы. Брат его Тевкр был самым лучшим в войске стрелком из лука. Был еще другой Аякс, сын Оилея, предводитель легковооруженных локров, сражавшихся луками и пращами, быстрый на ноги. Часто оба Аякса сражались рядом, плечом к плечу. Самым мудрым и опытным военным советником был старец Нестор, царь песчанистого Пилоса. Сын его Антилох блистал среди молодежи своею удалью. Со «стоградного» Крита привел восемьдесят кораблей с бойцами могучий копьеборец Идомоней. В ахейском войске находился славный стрелок из лука Филоктет, друг Геракла (Геркулеса); умирая, Геракл подарил Филоктету свой лук со смертоносными отравленными стрелами. Одним из самых выдающихся среди вождей ахейского войска был «многохитрый» Одиссей, сын Лаэрты, царь небольшого каменистого острова Итаки, к западу от греческого материка, «стойкий в бедах», отважный воин и умный, находчивый вождь, способный на самые хитрые выдумки.

Таким образом, армия была многочисленная, вожди ее – храбрые и опытные. Но оракул предсказал, что Трои ахейцы не возьмут, если в походе не будет участвовать Ахиллес, сын Пелея и Фетиды, – тех самых, на свадьбе которых произошла ссора трех богинь за золотое яблоко. Фетиде было известно, что судьбою Ахиллесеу предназначено на выбор: либо до глубокой старости прожить в полном благополучии и спокойствии в родной Фтии, либо погибнуть в бою молодым, но получить великую славу. Чтобы уберечь сына от ранней смерти, Фетида скрыла Ахиллеса на острове Скиросе среди дочерей тамошнего царя Ликамеда одетым в женское платье. Многохитрый Одиссей взялся отыскать Ахиллеса. Переодетый купцом, он прибыл на Скирос, разложил перед дочерьми Ликамеда разные женские украшения, а среди них – щит и копье. Вдруг под окнами раздались боевые клики, звон оружия, стоны. Это Одиссей поручил своим спутникам разыграть под окнами как будто нападение врагов. Девушки вскочили и убежали, а Ахиллес схватил щит, копье и бросился в битву. Таким образом он был узнан; Одиссею не стоило большого труда уговорить его присоединиться к походу.

Тут в легенде некоторая хронологическая неувязка. Парис похитил Елену очень, конечно, скоро после произнесенного им приговора, когда Ахиллес даже не успел еще родиться. А на войну Ахиллес отправился уже вполне сложившимся воином, превосходившим силою, отвагою, быстротою в беге и прочими воинскими доблестями всех ахейцев и троянцев. Выходит, сборы ахейцев в троянский поход продолжались двадцать, по крайней мере, лет. Немножко долго. Ахейцы отплыли из Авлиды к Трое на тысяче ста восьмидесяти шести кораблях. Троя лежала километрах в пяти от морского берега, на месте теперешнего турецкого местечка Гиссарлык. Ахейцы вытащили корабли на сушу и расположились станом у моря. Осады города не было. Троянцы выходили из города и сражались с ахейцами на широкой равнине, тянувшейся от Трои к берегу. Ахейцы делали частые набеги на соседние города и ближние острова, грабили их и опустошали.

Сражались медным оружием. Копья, мечи, щиты, панцыри, шлемы – все было из меди. Железо уже было известно, но плавить его и ковать еще не умели, а обрабатывали холодным

способом: сверлили, шлифовали. Гомер называет железо «трудным для выделки». Рядовые воины сражались пешими. Предводители и вообще знатные люди – на колесницах. Колесницы были двухколесные, открытые сзади, с поручнями вдоль передка. Правил возница, но это был не «служитель», не «кучер», а товарищ и обыкновенно близкий друг бойца. Сражался боец с колесницы, но часто для боя он соскакивал наземь и сражался пеший, а возница с колесницей ждал в отдалении на случай преследования врагов или бегства от них. Пикую сражались рукопашно, однако чаще метали ее во врага с некоторого расстояния. Метали также подхваченные с земли большие камни, стреляли из луков и пращей. С убитого победитель тут же, среди боя, спешил снять в качестве трофея его вооружение и нередко падал в это время сам под ударами товарищей убитого.

Царем Трои был Приам, сын Лаомедонта. Он был уже очень стар. Командовал троянскими войсками его старший сын Гектор, самый могучий и храбрый воин среди всех троянцев. Следующий за ним был Эней, сын Анхиза и богини Афродиты, царь Дардании, близ горы Иды. Среди союзников троянских выдавались ликийские цари Сарпедон, сын царя богов Зевса от смертной женщины, и Главк, его двоюродный брат. Прекрасным стрелком из лука был Парис, похититель Елены; он убил стрелами много ахейских героев, в их числе и самого Ахиллеса. Выдающимся стрелком из лука был и его брат Пандар.

В войне деятельное и страстное участие принимали также верховные боги. Они населяли снежную гору Олимп к северу от Греции и потому назывались «олимпийскими». Одни боги стояли за ахейцев, другие за троянцев. Сторону ахейцев держали, конечно, Гера, жена царя богов Зевса, и богиня мудрости Паллада-Афина, обе жестоко обиженные приговором Париса. За ахейцев были бог моря Посейдон, брат Зевса, «земли колебатель»; «благодаеть» Гермес, посланник богов, бог торговцев и воров; Гефест, сын Зевса и Геры, бог огня, искусный мастер-кузнец, хромающий на обе ноги, с могучим туловищем и слабыми ногами, единственный из богов, всегда усердно работающий; им, между прочим, построены все дворцы богов на Олимпе.

На стороне троянцев стоял могучий бог Феб-Аполлон, сын Зевса и пышнокудрой Лето, один из самых почитаемых небожителей, бог гармонии, порядка, света, Дальновержец, без промаха попадающий из серебряного своего лука в намеченную цель; его сестра Артемида, богиня-охотница, тоже дальнострельная; мать их Лето; Арес, сын Зевса и Геры, бурный и кровожадный бог войны; Афродита, дочь Зевса и Дионы, богиня любви и красоты, покровительница Париса.

Более или менее нейтральную позицию занимал сам Зевс, царь богов.

Война ахейцев с троянцами продолжалась девять с лишним лет. На десятом году разыгрался эпизод, послуживший сюжетом для «Илиады». Агамемнон отобрал у Ахиллеса красавицу-пленницу Брисеиду, полученную Ахиллесом при разделе награбленной добычи. Разъяренный самоуправством Агамемнона, Ахиллес отказался сражаться с троянцами и через мать свою, богиню Фетиду, умолил Зевса давать в бою победу троянцам до тех пор, пока Агамемнон не сознается в своей вине и не возвратит Брисеиды. Зевс внял мольбам Фетиды. Могучий Гектор во главе троянцев разбил ахейцев, прорвался к ахейским кораблям и начал их жечь. Любимый друг Ахиллеса Патрокл с трудом умолил Ахиллеса позволить ему, Патроклу, облачиться в доспехи Ахиллеса и во главе свежих войск Ахиллеса отразить Гектора. Он отогнал троянцев от кораблей, но, увлеченный боем, пренебрег строгим предупреждением Ахиллеса не преследовать врагов до Трои. Гектор под стенами Трои убил Патрокла. Ахиллес отбросил свой гнев, разбил на голову троянцев и в единоборстве убил Гектора. Старый царь Приам, отец Гектора, с соизволения Зевса, ночью приехал в ставку Ахиллеса и вымолил у него для погребения труп сына. Описанием похорон Гектора и кончается «Илиада».

Война продолжалась. На помощь троянцам подходили новые союзники. Пришло войско храбрых амазонок, предводимых могучею царицею Пентезилеей, дочерью бога войны

Ареса. Ахиллес смертельно ранил ее в поединке, снял с нее шлем и, изумленный красотой амазонки, влюбился в умирающую. Из Африки на помощь троянцам привел свое войско богатырь эфиопов Мемнон, сын богини Зари. Его тоже убил Ахиллес, но вскоре и сам был убит стрелою Париса, направленною Аполлоном.

Войне не предвиделось конца.

Однажды утром троянцы с изумлением увидели со стен города, что ахейские корабли все спущены на воду и, полные воинами, распустив паруса, уходят от троянского берега в море. Троянцы кинулись к берегу. Среди покинутого стана они с недоумением увидели огромного, с гору, коня, искусно сработанного из дерева. Захваченный в болоте отставший ахеец сообщил, что ахейцы, отчаявшись в победе, отплыли домой, а коня этого соорудили в честь Афины и нарочно построили его таких размеров, чтобы его нельзя было втащить в город, так как если он очутится в Трое, то Азия победит Европу. Боги помutilи троянцам разум. Не обращая внимания на предостережения, троянцы разобрали у ворот городскую стену, ввезли коня в город и поставили его в акрополе. Ночью потайная дверь в брюхе коня раскрылась, и из него спустились по веревке наземь все храбрейшие герои-ахейцы: Одиссей, Менелай, сын Ахиллеса Неоптолем и др. Они открыли ворота воротившемуся из-за острова Тенедоса войску. Троя была разграблена и сожжена, мужчины, в том числе старый царь Приам, перебиты, женщины, в их числе вдова Гектора Андромаха, захвачены в рабство. (Андромаху, по позднейшим преданиям, взял себе в наложницы свирепый сын Ахиллеса Неоптолем, убивший ее малолетнего сына Астианакта и престарелого свекра Приама). Троя была стерта с лица земли.

Из ахейских героев скоро и благополучно вернулись домой очень немногие: Нестор, Диомед, Идомей. Аякс «Великий» погиб вскоре после смерти Ахиллеса. Как самому выдающемуся герою троянской войны, ахейцы присудили вооружение Ахиллеса Одиссею. Обиженный Аякс покончил самоубийством. Другой Аякс, сын Оилея, потерпел в море кораблекрушение. Выбравшись на скалу, он хвастливо заявил, что спасся против воли богов. Посейдон ударил трезубцем в скалу, расколол ее и обрушил осколок с Аяксом в бушевавшее море. Агамемнон, тотчас же по возвращении домой, был убит на пиру Эгистом, любовником его жены Клитемнестры. Менелай возвратился с Еленою домой только после долгих скитаний. Наибольшие испытания выпали на долю Одиссея. Он попал домой только через десять лет по отплытии из Трои и через двадцать лет по отъезде на войну с родного острова Итаки. Дома он оставил жену свою Пенелопу и малолетнего сына Телемаха. Дом его наполнился знатными молодыми людьми с Итаки и соседних островов. Решив, что Одиссей уже погиб, они убеждали Пенелопу выбрать себе из их среды нового мужа, а в ожидании ответа пировали с утра до вечера в доме Одиссея, поедали его скот и опустошали винные подвалы. Целомудренная и верная Пенелопа всяческими хитростями оттягивала ответ женихам. Долголетние странствия Одиссея, его возвращение домой и расправа с наглыми женихами составляют предмет другой поэмы Гомера – «Одиссеи».

Песнь первая Мор. Гнев

Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына,
Гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам,
Много сильных душ героев пославший к Аиду,
Их же самих на съеденье отдавший добычею жадным
Птицам окрестным и псам. Это делалось, волею Зевса,
С самых тех пор, как впервые, поссорясь, расстались враждебно
Сын Атрея, владыка мужей, и Пелид многосветлый.
Кто ж из бессмертных богов возбудил эту ссору меж ними?
Сын Лето и Зевса¹. Царем раздраженный, наслал он
Злую болезнь на ахейскую рать. Погибали народы
Из-за того, что Хриса-жреца Атрид обесчестил.
Тот к кораблям бысролетным ахейцев пришел, чтоб из плена
Вызволить дочь, за нее заплативши бесчисленный выкуп.
Шел, на жезле золотом повязку неся Аполлона,
И обратился с горячей мольбою к собранью ахейцев,
Больше всего же – к обоим Атридам, строителям ратей:
«Дети Атрея и пышнопоножные мужи ахейцы!
Дай вам бессмертные боги, живущие в домах Олимпа,
Город приамов разрушить и всем воротиться в отчизну!
Вы же мне милую дочь отпустите и выкуп примите,
Зевсова сына почтивши, далеко разящего Феба».
Все изъявили ахейцы согласие криком всеобщим
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп.
Лишь Агамемнону было не по сердцу это решение;
Нехорошо жреца он прогнал, приказавши сурово:
«Чтобы тебя никогда я, старик, не видал пред судами!
Нечего здесь тебе медлить, не смей и вперед появляться!
Или тебе не помогут ни жезл твой, ни божья повязка.
Не отпущу я ее! Состарится дочь твоя в рабстве,
В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от отчизны далеко,
Ткацкий станок обходя и постель разделяя со мною.
Прочь уходи и меня не гневи, чтобы целым вернуться!»
Так он сказал. Испугался старик и, послушный приказу,
Молча побрел по песку вдоль громко шумящего моря.
От кораблей удалясь, опечаленный старец взмолился
К сыну прекрасноволосой Лето, Аполлону владыке:
«Слух преклони, сребролукий, о ты, что стоишь на защите
Хрисы и Киллы священной и мощно царишь в Тенедосе!
Если, Сминфей², я когда-либо храм тебе строил на радость,
Если когда пред тобою сжигал многотучные бедра

¹ Сын Лето и Зевса – Аполлон.

² Сминфей – одно из названий Аполлона, значит: «истребитель полевых мышей».

Коз и быков, то услыши меня и исполни желанье:
Пусть за слезы мои отмстят твои стрелы данайцам!»
Так говорил он, молясь. И внял Аполлон сребролукий.
Быстро с вершин олимпийских пошел он, охваченный гневом,
Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый;
Громко крылатые стрелы, трясаясь за плечами, звенели
Вместе с движеньями бога. Он шествовал, ночи подобный.
Сев вдали от ахейских судов, тетиву натянул он;
Страшно серебряный лук зазвенел под рукой Аполлона.
Мулов начал сперва и быстрых собак поражать он,
После того и в людей посыпались горькие стрелы.
Пламя костров погребальных всечасно пылало повсюду.
Девять носились дней аполлоновы стрелы по стану.
В день же десятый созвал Ахиллес народ на собрание,
Это внушила ему белорукая Гера богиня:
Скорбью терзалась она, погибающих видя данайцев.
Стали собираться они, и, когда на собрание сошлись,
С места поднявшись, пред ними сказал Ахиллес быстроногий:
«Видно, придется, Атрид, после долгих скитаний обратно
Нам возвращаться домой, если смерти избежать удастся:
Страшно и гибельный мор, и война истребляют ахейцев.
Спросим однако жреца какого-нибудь иль пророка.
Иль толкователя снов: ведь и сон посылается Зевсом.
Пусть нам поведает он, отчего Аполлон так рассержен:
Гневен ли он за обет неисполненный, за гекатомбу?
Или же дыма от жира баранов и коз без порока
Требует бог, чтобы нас от жестокого мора избавить?»
Так произнес он и сел. И тогда пред собранием ахейцев
Встал Калхас Фесторид, превосходный гадатель по птицам.
Ведал, премудрый, он все, что было, что есть и что будет,
И по просторам морским направлял корабли к Илиону
Силой гадания, данной ему Аполлоном владыкой.
Добрых намерений полный, взял слово и стал говорить он:
«О Ахиллес! Объяснить мне велишь ты, любимец Зевеса,
Гнев Аполлона, далеко разящего бога-владыки.
Я объясню. Но пойми и меня, – поклянися мне раньше,
Что защитит пожелаеть меня и рукою, и словом.
Думаю, сильно придется разгневать мне мужа, который
Аргосом правит, которому все здесь ахейцы послушны.
Страшен для низшего царь, если злобу его он возбудит.
Вспыхнувший гнев он хотя и смирят на первое время,
Но сокровенную злобу, покуда ее не проявит,
В сердце таит. Рассуди ж и скажи мне, спасешь ли меня ты?»
Тотчас Калхасу в ответ сказал Ахиллес быстроногий:
«Смело веление бога открой нам, какое б ни знал ты.
Фебом клянусь я, Зевеса любимцем, которому также
Молишься сам ты, Калхас, открывая веления бога:
Нет, пред судами, покуда живу на земле и смотрю я,
Рук тяжелых, клянусь, никто на тебя не поднимет

В стане просторном данайцев, хоть будь это сам Агамемнон,
Властью нынче верховной гордящийся в войске ахейском!»
Сердцем тогда осмелел и сказал безупречный гадатель:
«Сердится не за обет неисполненный иль гекатомбу
Феб, но за Хриса жреца: обидел его Агамемнон,
Дочь ему выдать назад отказался и выкуп отвергнул.
Этого ради карает нас бог, и еще покарает.
Не отведет от данайцев постыдной он гибели прежде,
Чем быстроглазую дочь отцу не вернете обратно
Даром, без выкупа, – прежде, чем в Хрису святой гекатомбы
Не привезете. Тогда лишь на милость мы бога преклоним».
Слово окончил и сел Фесторид. И с места поднялся
Сын Атрея, герой Агамемнон пространнодержавный.
Гневом пылал он. В груди его мрачное сердце ужасной
Злобой наполнилось. Ярко глаза загорелись огнями.
Прежде всего он Калхасу ответил, зловеще взглянувши:
«Бед предвещатель! Хорошего ты никогда не сказал мне!
Вечно приятно тебе только бедствия людям пророчить.
Доброго слова ни разу ты нам не сказал, не поведал.
Вот и теперь объявляешь ты всем, как речение бога,
Будто бы беды данайцам за то ниспослал Дальновержец,
Что за прекрасную Хрисову дочь я блистательный выкуп
Не пожелал получить. Ну да! Я хочу ее очень
Дома иметь; Я ее Клитемнестре, законной супруге,
Предпочитаю: нисколько не хуже она Клитемнестры
Станом своим и лицом, своими делами и нравом.
Но соглашаюсь: ее возвращу, если требует польза.
Лучше желаю я видеть спасенье, чем гибель народа.
Вы ж мне награду тотчас приготовьте, чтоб я среди ахейцев
Не оставался один безнаградным, – прилично ли это?
Сами вы видите все, что свою я теряю награду».
Так он сказал. И ответил ему Ахиллес быстроногий:
«Сын многославный Атрея, корыстнейший муж между всеми!
Высокодушным ахейцам где взять тебе эту награду?
Мы не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ;
Что в городах разоренных мы добыли, всё поделили;
А отбирать у народа, что было дано, не годится.
Лучше ее возврати в угождение богу. А после
Втрое и вчетверо все мы, ахейцы, за это заплатим,
Если поможет нам Зевс крепкостенную Трою разрушить».
Сыну Пелея в ответ сказал Агамемнон владыка:
«Доблестен ты, Ахиллес, на бессмертных похожий, – однако
Полно лукавить: меня провести иль склонить не сумеешь!
Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я, обойденный,
Так, без нее бы сидел? И велишь, чтобы эту отдал я?
Пусть же ахейцы меня удовольствуют новой наградой,
Столь же приятно сердцу, вполне равноценною с первой.
Если же в том мне откажут, то сам я приду и награду
Или твою заберу, иль Аяксову, иль Одиссея

Дать заставлю; и рад тот не будет, к кому я явлюся!
Все это, впрочем, подробно обдумать мы сможем и после.
Нынче же черный корабль на священное море мы спустим,
Выберем тщательно лучших гребцов, гекатомбу поставим
И Хрисеиду посадим, прекрасноланитную деву.
Станет один во главе кто-нибудь, разумный в советах, –
Идомей, Одиссей ли божественный, храбрый Аякс ли,
Или и сам ты, Пелид, ужаснейший между мужами,
С тем, чтобы жертвою к нам Дальновержца на милость
подвигнуть».

Гневно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Эх, ты, в бесстыдство одетый, о выгоде все твои думы!
Кто из ахейцев захочет твои предложения слушать –
В путь отправляться какой-то иль храбро с врагами сражаться?
Я за себя ли пришел, чтобы против троян-копьеборцев
Здесь воевать? Предо мною ни в чем не повинны троянцы.
Ни лошадей, ни коров у меня ведь они не угнали, –
В счастливой Фтии моей, многолюдной, плодами богатой,
Нив никогда не топтали; безмерные нас разделяют
Горы, покрытые лесом, и шумные воды морские.
Нет, для тебя мы, бесстыдник, пришли, чтобы ты был доволен,
Честь Менелая блюдем и твою, образина собачья!
Ты ж за ничто это все считаешь и все презираешь.
Также и мне ты грозишь, что моей завладеешь добычей,
Подвигов тяжких наградой ахейцами мне присужденной.
Но никогда не имею награды я равной с твоею,
Если ахейцы какой-нибудь город троянский захватят.
Больше всего нас приводят к победе средь сечи жестокой
Эти вот руки мои; но как только дележ наступает,
Дар богатейший – тебе. А я, и немногим довольный,
В стан свой к судам возвращаюсь, трудом боевым истомленный.
Еду теперь же во Фтию! Гораздо приятней вернуться
На кораблях изогнутых домой. Посрамленный тобою,
Не собираюсь тебе умножать здесь богатств и запасов!»
Тут возразил Ахиллесу владыка мужей Агамемнон:
«Что же, беги, если хочешь! Не я умолять тебя стану
Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;
Честь мне окажут они, а особенно Зевс промыслитель.
Всех ненавистней ты мне меж царями, питомцами Зевса.
Только раздоры, война и сраженья тебе и приятны.
Да, ты рукою могуч. Но ведь это дано тебе богом.
В дом возвращайся к себе с кораблями своими, с дружиной.
Правь мирмидонцами там. По тебе я, поверь, не печалюсь,
Гнев твой меня не страшит, а грозить тебе буду я вот как:
Феб-Аполлон у меня Хрисеиду мою отнимает, –
Пусть! Ее на моем корабле и с моею дружиной
Я отошлю; но к тебе я приду и твою Брисеиду
Сам уведу, награду твою, чтобы ясно ты понял,
Силой насколько я выше тебя, и чтоб каждый страшился

Ставить со мною себя наравне и тягаться со мною!»
Так говорил он. И яростный гнев охватил Ахиллеса.
Сердце в груди волосатой меж двух колебалось решений:
Или, острый свой меч обнажив, у бедра его бывший,
В разные стороны всех разбросать и убить Атреида,
Или же гнев прекратить, смирив возмущенное сердце.
В миг, как подобными думами разум и сердце волнуя,
Страшный свой меч из ножен извлекал он, явилась Афина
С неба; послала ее белорукая Гера богиня,
Сердцем обоих любя и равно об обоих заботясь.
Став позади Ахиллеса, коснулась волос его русских,
Видима только ему, никому же из прочих незрима.
Быстро назад обернулся Пелид изумленный; узнал он
Сразу Палладу-Афину; блестели глаза ее страшно.
Громким голосом ей он слова окрыленные молвил:
«Дочь Эгиоха, зачем ты сюда ниспустилась с Олимпа?
Иль пожелалось тебе увидеть Агамемнона наглость?
Но говорю я тебе, и я это намерен исполнить:
Скоро он дух свой чрезмерной своею надменностью сгубит!»
Так отвечала ему совоокая дева Афина:
«Бурный твой гнев укротить я сошла, если будешь послушен,
С неба; послала меня белорукая Гера богиня,
Сердцем обоих любя и равно об обоих заботясь.
Ну, оканчивай ссору, рукою меча не касайся!
Словом, впрочем, ругайся, каким тебе будет угодно.
Вот что тебе я скажу, и все это исполнится точно:
Вскоре тебе здесь дарами такими ж прекрасными втрое
За оскорбленье заплатят. Сдержись же и нам повинуйся!»
Ей отвечая, промолвил тогда Ахиллес быстроногий:
«Вашего с Герою слова, богиня, я слушаться должен,
Как бы духом гнев ни владел, ибо так оно лучше.
Тем, кто послушен богам, и боги охотно внимают».
На рукоятке серебряной стиснув тяжелую руку,
Меч свой огромный в ножны опустил Ахиллес, покоряясь
Слову Афины. Она ж на Олимп воротилась обратно
В дом Эгиоха-Зевеса, в собрание прочих бессмертных.
Сын же Пелея с словами суровыми тотчас к Атриду
Вновь обратился, и в сердце несколько не сдерживал гнева:
«Пьяница жалкий с глазами собаки и с сердцем оленя³!
Ты никогда ни в сражение отправиться вместе с народом,
Ни очутиться в засаде с храбрейшими рати мужами
Сердцем своим не решался. Тебе это кажется смертью.
Лучше и легче в сто раз по широкому стану ахейцев
Грابتь дары у того, кто тебе прекословить посмеет.
Царь, пожиратель народных богатств, – над презренными царь
ты!
Будь иначе, – в последний бы раз ты нахальничал нынче.

³ У эллинов олень считался образцом трусости, как у нас заяц.

Но говорю я тебе и великою клятвой клянуся, –
Этим жезлом я клянусь, который ни листьев, ни веток
Вновь не испустит, однажды в горах от ствола отделенный,
Зелени больше не даст, раз медь уж с него удалила
Листья с корой и ветвями; теперь его носят в ладонях
Судьи, ахейцев сыны, уставы блюдущие Зевса.
Пусть этот жезл тебе будет моею великою клятвой:
Время придет, и ахейцев сыны возжелают Пелида
Все до последнего; горько крушась, ты помочь им не сможешь
В битве, когда под ударами Гектора-мужеубийцы
Будут толпами они погибать; истерзаешь ты скорбью
Сердце свое, что ахейца храбрейшего так обесчестил!»
Так сказал Ахиллес и, стремительно на землю бросив
Жезл, золотыми гвоздями обитый, уселся на место.
Сидя напротив, Атрид бушевал. Тут сладкоречивый
Нестор поднялся, пилосский оратор с голосом звучным.
Слаще пчелиного меда текли с языка его речи.
Два поколения исчезло людей, предназначенных к смерти,
С кем родился он когда-то и вырос в хранимом богами
Пилосе, – третьим уже поколением старик управлял там.
Добрых исполненный чувств, обратился он к ним и промолвил:
«Горе! Великая скорбь на ахейскую землю нисходит!
Как ликовали б владыка Приам и Приамовы дети,
Сколь беспредельную радость троянцы бы все испытали,
Если б узнали, какую вы распрю затеяли оба, –
Вы, меж данайцев в собраниях первые, первые в битвах!
Мой не отриньте совет: ведь на много меня вы моложе.
Знал я когда-то мужей и сильнее, чем вы, и храбрее;
С ними я дело имел, и они не гнушались мною.
Нет, подобных мужей не видал я и ввек не увижу, –
Воинов, как Пирифой и Дриант, предводитель народов,
Иль как Эскадий, Кеней, Полифем, небожителям равный,
Иль порожденный Эгеем Тезей, на бессмертных похожий⁴.
Были то люди могучие, слава сынов земнородных.
Были могучи они, с могучими в битвы вступали,
Горных чудовищ⁵ сражали, ввергая в ужасную гибель.
Был я, однако, и с ними в содружестве, Пилос покинув,
Издалека к ним пришедши: меня они вызвали сами.
Тех побеждал я чудовищ один на один. А сражаться
С ними никто б из людей не осмелился, нынче живущих.
Слушали речи мои и советы мои принимали
Эти люди. Примите и вы. Так было бы лучше.
Ты, Агамемнон, хоть властью силен, не лишай Ахиллеса
Девушки: раньше в награду ему ее дали ахейцы.
Также и ты, Пелеид, с царем перестань препираться:

⁴ Пирифой, Дриант и пр. – лапифы, воинственное фессалийское племя. На свадьбе Пирифоя произошло победоносное сражение лапифов с кентаврами, полулюдьми, полуконями.

⁵ Горные чудовища – кентавры.

Чести подобной, как он, не имел ни единый донине
Царь-скиптроносец, которого Зевс возвеличивал славой.
Пусть ты очень силен, пусть богинею на свет рожден ты,
Все ж тебя выше Атрид: людей ему больше подвластно.
Сердце свое умири, Атреид, я тебя умоляю,
Гнев прекрати на Пелида: сильнейшим он служит оплотом
Всем нам в войне злополучной, которую нынче ведем мы».
Нестору молвил в ответ повелитель мужей Агамемнон:
«Так, справедливо ты все говоришь и разумно, о старец!
Но человек этот всех тут желает собою превысить,
Хочет начальствовать всеми и всеми решительно править,
Хочет указывать всем. Но навряд ли ему подчинятся.
Или вечные боги создали его копьеборцем
Лишь для того, чтобы бранными всех осыпал он словами?»
Речь его перебив, отвечал Ахиллес многосветлый:
«Трусом ничтожным меня справедливо бы все называли,
Если б во всем, что ни скажешь, тебе уступал я безмолвно.
Этого требуй себе от другого кого-нибудь; мне же
Ты не приказывай: я подчиняться тебе не желаю!
Слово иное скажу, и обдумай его хорошенько:
В бой руками вступать из-за девушки я не намерен
Против тебя иль другого кого: вы взяли, что дали.
Но ничего из другого, что есть пред судом моим черным,
Против воли моей захватив, унести ты не сможешь!
Если же хочешь, попробуй, пускай и вот эти увидят:
Черная кровь из тебя вдоль копья моего заструится!»
Так меж собою сражаясь словами враждебными, оба
С мест поднялись и собрание ахейских дружин распустили.
В ставку свою к кораблям равнобоким Пелид богоравный
Шаг свой направил, при нем и Патрокл с мирмидонской
дружиной,
Сын же Атрея на море спустил быстроходное судно,
Двадцать выбрал гребцов, погрузил на него гекатомбу,
Дар Аполлону, и сам прекрасную Хрисову дочь
Взвел на корабль. А начальником встал Одиссей многоумный.
Сели они на корабль и поплыли дорогою влажной.
Сын же Атрея отдал народам приказ очищаться.
Все очищались они и нечистое в море бросали.
В жертву потом принесли у всегда беспокойного моря
Фебу они гекатомбу из коз и быков без порока.
Запах горящего жира в дыму за клубился до неба.
Так они в стане трудились. Атрея же сын Агамемнон
Ссоры кончать не хотел, которой грозил Ахиллесу,
Но обратился со словом к Талфибию и Еврибату, –
Вестники были его и проворные спутники оба:
«В стан отправляйтесь скорей к Ахиллесу, Пелееву сыну,
За руки взяв, уведите прекрасную дочь Брисея.
Если же он вам откажет, то девушку сам заберу я,
С большим пришедши числом, и хуже тогда ему будет».

Так он сказал и послал их, напутствуя строгою речью.
Молча оба пошли вдоль всегда беспокойного моря.
В стан мирмидонцев пришли, к кораблям, и нашли Ахиллеса,
Пред кораблем чернобоким и ставкой своею сидевшим.
Их увидав пред собою, не радость Пелид обнаружил.
Оба смутились они и, стыдясь Ахиллеса, стояли,
Не обращаясь с вопросом к нему и не молвя ни слова.
Их в своем сердце он понял и к посланным так обратился:
«Радуйтесь, други глашатаи, вестники Зевса и смертных!
Ближе идите: Атрид, а не вы предо мною виновны.
Он вас сюда посылает за девою прекраснolanитной.
Богорожденный Патрокл, пойдй приведи Брисеиду,
Дай увести. Но да будут свидетели оба они же
Перед лицом всеблаженных богов и людей земнородных
И пред самым бессердечным царем, если некогда снова
Надобность будет во мне, чтоб от смерти избавить позорной
Прочих ахейцев! Безумствует он в погубительных мыслях,
«Прежде» и «после» связать не умеет, не может придумать,
Как, пред судами своими сражаясь, спастися ахейцам».
Так он сказал. И Патрокл дорогого послушался друга.
Вывел из ставки Пелида прекрасную он Брисеиду,
Отдал послам, и они к кораблям удалились ахейским.
С ними пошла поневоле и женщина. Тотчас покинул,
Весь в слезах, друзей Ахиллес и, от всех в отдалении,
Сел близ седого прибоя. Смотри в винночерное море,
Руки вперед протянул и к матери милой взмолился:
«Мать моя! Так как на свет родила ты меня кратковечным,
Чести не должен ли был даровать мне высокогремящий
Зевс Олимпиец? Теперь же и малой меня он лишает.
Злую обиду широкодержавный Атрид Агамемнон
Мне причинил: отобрал у меня и присвоил награду».
Так он в слезах говорил. И владычица мать услышала,
Сидя в морской глубине у родителя старца Нерея.
Быстро из моря седого, как легкое облако, выйдя,
Села близ милого сына она, проливавшего слезы,
Нежно ласкала рукой, называла и так говорила:
«Что ты, дитя мое, плачешь? Какая печаль посетила
Сердце твое? Не скрывай, расскажи, чтобы знали мы оба!»
Матери, тяжело вздыхая, сказал Ахиллес быстроногий:
«Знаешь сама. Для чего тебе, знающей все, говорить мне?
Мы на священную Фиву, Гетииона город, ходили
И разгромили его, и добычу представили в стан наш.
Все хорошо меж собой ахейцев сыны поделили.
Дочь прекрасную Хриса они Агамемнону дали.
Хрис, священнослужитель без промаху бьющего Феба,
К быстрым пришел кораблям меднолатных ахейцев, желая
Пленную выволить дочь, заплативши бесчисленный выкуп.
Шел, на жезле золотом повязку неся Аполлона,
И обратился с горячей мольбою к собранью ахейцев,

Больше всего же к обоим Атридам, строителям ратей.
Все изъявили ахейцы согласие криком всеобщим
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп.
Лишь Агамемнону было не по сердцу это решение.
Нехорошо жреца он прогнал оскорбительным словом.
В гневе старец обратно пошел. Аполлон дальновержец
Принял молитву его, ибо очень он мил Аполлону.
Злая стрельба началась по ахейцам. Густыми толпами
Воины гибли. Повсюду носились божий стрелы
С края на край по широкому стану. Тогда прорицатель,
Знающий точно глагол Стреловержца, его нам поведал.
Первым я подал совет преклонить к милосердию бога.
Злоба Атрида взяла. Немедленно с места поднявшись,
Стал мне словами грозить. И угрозы свои он исполнил!
В Хрису ахейцы везут быстроглазую девушку эту
В быстром своем корабле и дары посылают владыке.
В ставку ж мою приходили недавно послы от Атрида
И увели Брисеиду, мне данную общим решением.
Если только ты можешь, вступишь за отважного сына!
К Зевсу пойдешь на Олимп, умоли его, если услугу
Сердцу его оказала ты в чем-либо словом или делом.
Часто ребенком в чертогах отца приходилось мне слышать,
Как ты хвалилась, что только тобою одной из бессмертных
Зевс чернооблачный был охранен от беды и позора
В день, как его олимпийцы другие сковать собирались, –
Гера, с ней Посейдон и дева Паллада-Афина.
Ты же, богиня, пришла и от уз избавила Зевса,
Быстро призвав на Олимп многохолмный сторукого в помощь;
Имя ему Бриарей у богов, у людей же – Эгеон.
Силою страшной своею он даже отца превосходит.⁶
Возле Крониона сел он в сознании радостном силы,
Боги в ужас пришли и сковывать Зевса не стали.
Это напомним ему и моли, обнимая колени.
Не пожелает ли он подать свою помощь троянцам
И, избивая ахейцев, прогнать их до самого моря
И до судов, чтоб царя своего распознали ахейцы,
Чтобы узнал и широкодержавный Атрид Агамемнон,
Как погрешил он, ахейца храбрейшего так обесчестив!»
Слезы из глаз проливая, ему отвечала Фетида:
Горе мне, сын мой! Зачем для страданий тебя родила я?
Если бы ты пред судами, без слез, в безопасности полной
Мог оставаться! Недолог твой век, и конец его близок!
Нынче ты вместе и всех кратковечней, и всех злополучней.
Не на веселую долю, дитя, тебя родила я в чертогах!
На многоснежный Олимп я отправлюсь, метателю молний
Все расскажу, и, быть может, его убедить мне удастся.
Ты же теперь оставайся пока при судах быстроходных,

⁶ Бриарей – по Гомеру – сын Посейдона.

Гнев на ахейцев питай, и от битв удержись совершенно.
Зевс к Океану вчера к беспорочным на пир эфиопам
Отбыл, а следом все вместе другие бессмертные боги.
Но на двенадцатый день на Олимп он опять возвратится.
К меднопорожным палатам Кронида тогда я отправлюсь
И, до его прикоснувшись колен, умолю постараясь».
Так сказав, отошла, Ахиллеса оставив на месте
С сердцем, исполненным гнева за женщину с поясом пышным,
Взятую силой и против желанья ее. Одиссей же
Хрисы достиг и святую с собою привез гекатомбу.
В гавань глубокую Хрисы войдя, спустили ахейцы
Вмиг паруса и, свернув их, в черный корабль уложили.
Мачту к гнезду притянули, поспешно спустив на канатах,
Сели за весла и к пристани судно свое подогнали.
Выбросив якорный камень, причальный канат укрепили,
Вышли на берег крутой, многошумным кипящий прибоем,
И гекатомбу с судна Дальновержцу свели Аполлону.
Вслед сошла и дочь жреца на берег родимый.
Деву тогда, к алтарю подведя, Одиссей многоумный
В руки отцу передал и такое сказал ему слово:
«Хрис! Повелитель мужей Агамемнон меня присылает
Дочь тебе возратить и священную здесь гекатомбу
Фебу принести за данайцев, чтоб милостив был к нам владыка,
В гнев великом наставший на нас многостонные беды».
Так он сказал и вручил Хрисеиду. И, радуясь, принял
Дочь дорогую отец. Между тем гекатомбную жертву
Быстро вокруг алтаря разместили ахейцы в порядке,
Руки умыли и зерна ячменные подняли вверх.
Жрец между ними с руками воздетыми громко молился:
«Слух преклони, сребролукий, о ты, что стоишь на защите
Хрисы и Киллы священной и мощно царишь в Тенедосе!
Ты на молитву мою благосклонно на-днях отозвался
И возвеличил меня, поразивши ахейцев бедою.
Так же и ныне молю: на мое отзовися желанье
И отведи от данайцев теперь же позорную гибель!»
Так говорил он, молясь. И его Дальновержец услышал.
Стали ахейцы молиться, осыпали зернами жертвы,
Шеи им подняли вверх, закололи и кожи содрали,
Вырезав бедра затем, обрезанным жиром в два слоя
Их обернули и мяса кусочки на них положили.
Сжег их старик на дровах, багряным вином окропляя.
Юноши, около стоя, в руках пятизубцы держали.
Бедра предавши огню и отведавши потрохов жертвы,
Прочее всё, на куски разделив, вертелами проткнули,
Сжарили их на огне осторожно и с вертелов сняли.
Кончив работу, они приступили к богатому пиру.
Все пировали, и не было в равном пиру обделенных.
После того, как питьем и едой утолили желанье,

Юноши, вливши в кратеры⁷ напиток до самого верху,
Всем по кубкам разлили, свершив перед тем возлиянье.
Пеньем весь день ублажали ахейские юноши бога.
В честь Аполлона пэан прекрасный они распевали,
Славя его, Дальновержца. И он веселился, внимая.
После того же, как солнце зашло и сумрак спустился,
Спать улеглись ахейцы вблизи корабельных причалов.
Но лишь взошла розоперстая, рано рожденная Эос,
В путь они двинулись снова к пространному стану ахейцев.
Ветер попутный ахейцам послал Аполлон Дальновержец.
Белые вверх паруса они подняли, мачту поставив,
Парус срединный надулся от ветра, и ярко вскипели
Воды пурпурного моря под носом идущего судна;
Быстро бежало оно, свой путь по волнам совершая.
После того, как достигли пространного стана ахейцев,
Черное судно они далеко оттащили на сушу
И над песком на высоких подпорках его укрепили.⁸
Сами же все разошлись по своим кораблям и по стану.
Он же враждою кипел, при судах оставаясь быстрых, –
Богорожденный Пелид, герой Ахиллес быстроногий;
Не посещал он собраний, мужей покрывающих славой,
И не участвовал в грозных сраженьях. Терзаясь сердцем,
Праздно сидел, но томился по воинским кликам и битвам.
Срок между тем миновал, и с зарею двенадцатой снова
Вечно живущие боги к себе на Олимп возвратились
Вместе все; во главе их Кронид. Не забыла наказов
Сына Фетида. Поднявшись из волн многошумного моря,
С ранним туманом взошла на Олимп и великое небо.
Там Громовержца сидящим нашла одиноко, без прочих,
На высочайшей вершине горы многоглавой Олимпа.
Села пред Зевсом владыкой, колени его охватила
Левой рукой, а правой его подбородка коснулась
И начала говорить, умоляя Крониона-Зевса:
«Зевс, наш отец! Если в прошлом когда оказала услугу
Я тебе словом иль делом, исполни мое мне желанье:
Сына почти моего, – кратковечнее всех остальных он.
Ныне обидел его повелитель мужей Агамемнон:
Отнял награду и сам, отобравши, добычей владеет.
Так отомсти же за сына, премудрый Зевес олимпийский!
Войску троянцев даруй одоление, покуда ахейцы
Сына почтить не придут и почета ему не умножат».
Так говорила. И ей ничего не ответил Кронион.
Долго сидел он безмолвно. Фетида же, как охватила,
Так и держала колени его и взмолилася снова:
«Дай непреложный обет, головою кивни в подтвержденье
Иль откажи; ты ведь страха не знаешь; скажи, чтобы ясно

⁷ Кратер – большая чаша, в которой смешивалось вино (#) с водою (#); из кратера черпали вино и разливали по кубкам.

⁸ Чтоб не подгнивало дно корабля.

Я увидала, как мало мне чести меж всеми богами». Ей с большим раздражением сказал облаков собиратель: «Дело плохое! Меня принуждаешь ты ссору затеять С Герою. Станет она раздражать меня бранною речью. Вечно она средь богов уж и так на меня нападает И говорит, что в боях помогать я стараюсь троянцам. Но удалися теперь, чтоб тебя не заметила Гера. Сам ко всему приложу я заботу, пока не исполню. Вот, головой я кивну, чтоб была ты уверена твердо. Это – крепчайший залог меж богов нерушимости слова, Данного мной: невозвратно то слово, вовек непреложно И не свершиться не может, когда головою кивну я». Молвил Кронион и иссиня-черными двинул бровями; Волны нетленных волос с головы Громовержца бессмертной На плечи пали его. И Олимп всколебался великий. Так порешив, они оба друг с другом расстались. Фетида Ринулась в бездну морскую с блестящих вершин олимпийских, Зевс же направился в дом свой. Все боги немедля с седалищ Встали навстречу отцу; не посмел ни один из бессмертных Сидя входящего встретить, но на ноги все поднялися. Там он в кресло уселся свое. Белорукая Гера Все поняла, увидавши, как он совещался о чем-то С дочерью старца морского, серебряноногой Фетидой. Тотчас с язвительной речью она обратилась к Зевсу: «Кто там опять из богов совещался с тобою, коварный? Очень ты любишь один, избегая общенья со мною, Тайно решенья свои принимать. Никогда не посмел ты Прямо, от сердца, хоть слово сказать мне о том, что задумал». Гере на это ответил отец и бессмертных и смертных: «Гера! Решенья мои не всегда ты надейся услышать. Тяжки, поверь мне, они тебе будут, хоть ты и жена мне. То, что услышать возможно, никто никогда не узнает Раньше тебя – ни из вечных богов, ни из смертнорожденных. Те же решенья, что я без богов пожелаю обдумать, Не добивайся разведать и ты, и расспросов не делай». После того отвечала ему волоокая Гера: «Что за слова, жесточайший Кронид, ты ко мне обращаешь? Разве тебе я расспросами так уж когда докучаю? Можешь себе преспокойно решать, что только захочешь. Нынче ж я страшно боюсь, что окажешься ты проведенным Дочерью старца морского, серебряноногой Фетидой. Утром сидела с тобою она, обнимала колени; Ей ты, наверно, кивком подтвердил, что почтишь Ахиллеса, И обещался немало мужей погубить пред судами». Гере на это ответил Зевес, собирающий тучи: «Гера, дивлюсь я тебе! Все заметишь ты, все ты узнаешь! Этим, однако, достичь ничего ты не сможешь, а только Больше меня оттолкнешь. И хуже придется тебе же. Если я так поступаю, то, значит, мне это угодно!

Лучше сиди и молчи, и тому, что скажу, повинуйся.
Все божества, сколько есть на Олимпе, тебе не помогут,
Если я, встав, наложу на тебя необорные руки».
Молвил. И страх овладел волоокой владычицей Герой.
Молча сидела она, смилив свое милое сердце.
В негодованьи молчали другие небесные боги.
Славный же мастер Гефест с такой обратился к ним речью.
Мать успокоить хотелось ему, белорукую Геру:
«Горестны будут такие дела и совсем нетерпимы,
Если вы оба начнете вражду меж собой из-за смертных,
Шумную ссору подняв пред богами! Какая же будет
Радость от светлого пира, когда торжествует худое!
Мать, я тебя убеждаю, хоть ты и сама понимаешь, –
Сделай приятное Зевсу родителю, чтобы опять он
Не раздражился и нам не смутил бы прекрасного пира.
Стоит ему захотеть, – и мгновенно Кронид молневержец
Выбьет всех из седалищ: намного ведь нас он сильнее.
Мягкими, мать, постарайся его успокоить словами.
Милостив станет тотчас после этого к нам Олимпийец».
Так он сказал и, поднявшись с сидения, кубок двуручный
Подав матери милой и вновь обратился к ней с речью:
«Мать моя, духом сдержись и терпи, как бы ни было горько,
Чтобы тебя, дорогую мою, под ударами Зевса
Я не увидел. Тогда не смогу я, хотя б и крушился,
Помощь тебе оказать: Олимпийцу противиться трудно!
Он уж однажды меня, когда я вмешаться пытался,
За ногу крепко схватил и с небесного бросил порога.
Несся стремглав я весь день и тогда лишь, когда заходило
Солнце, на Лемнос упал; чуть-чуть только духу осталось.
Там уж меня подобрала немедля синтийские мужи».
Так сказал. Улыбнулась в ответ белорукая Гера
И приняла, улыбнувшись, наполненный кубок от сына.
Начал потом наполнять он и чаши у прочих бессмертных,
Справа подряд, из кратера им сладостный черпая нектар.
Неумолкающий подняли смех блаженные боги,⁹
Глядя, как по дому с кубком Гефест, задыхаясь, метался.
Так целый день напролет до зашествия солнца в весельи
Все пировали, и не было в равном пиру обделенных.
Дух услаждали они несравненной формингою¹⁰ Феба,
Пением Муз, голосами прекрасными певших посменно.
После того же, как солнца сияющий свет закатился,
Спать бессмертные боги отправились, – в дом к себе каждый,
В те места, где Гефест, знаменитый хромец обоногий,
Им построил дома с великим умом и искусством.
А молневержец Зевес к постели пошел, на которой
Спал обычно, когда к нему сладостный сон ниспускался.

⁹ Отсюда выражение: «гомерический смех».

¹⁰ Форминга – струнный инструмент с четырьмя струнами (лира – с семью струнами).

Там он, взошедши, почил, и при нем златотронная Гера.

Песнь вторая

Сон. Испытание. Беотия, или перечень кораблей

Прочие боги Олимпа и коннодоспешные мужи
Спали всю ночь; не владел лишь Кронионом сон благодатный.
Думал все время он в сердце о том, как ему Ахиллесу
Почесть воздать и побольше ахейцев сгубить пред судами.
Вот наилучшим какое ему показалось решение:
Сон Обманный послать Агамемнону, сыну Атрея.
Кликнул Кронион его и слова окрыленные молвил:
«Сон Обманный! Отправься к судам быстролетным ахейцев,
В ставку неслышно войди к Агамемнону, сыну Атрея,
И передай ему точно все то, что тебе поручаю.
Длинноволосых ахейцев¹¹ вели ему с полным стараньем
К бою готовить; скажи – он теперь наконец овладеет
Широкоуличной Троей; об этом уж нет разногласий
Между бессмертных, Олимп населяющих; всех преклонила
Гера своею мольбой. Над троянцами носится гибель».
Так он сказал. И отправился Сон, повеленье услышав.
Быстрым полетом достигнул ахейских судов быстроходных
И к Агамемнону, сыну Атрея, направился. В ставке
Спал он, вокруг же него амвросический сон разливался.
Стал у него в головах, уподобившись сыну Нелея
Нестору, более всех Агамемноном чтимому старцу.
Образ принявши такой, божественный Сон ему молвил:
«Сын укротителя коней, Атрея отважного, спишь ты!
Ночи во сне проводить подобает ли мужу совета?
Судьбы народа – в тебе, и подумать бы надо о многом.
Слушай меня поскорее, к тебе от Зевеса я вестник.
Даже вдали о тебе он печется и сердцем болеет.
Длинноволосых ахейцев велит он тебе со стараньем
К бою готовить. Узнай: ты теперь наконец овладеешь
Широкоуличной Троей; об этом уж нет разногласий
Между бессмертных, Олимп населяющих; всех умолила
Гера. Нависла уже над троянцами гибель от Зевса.
Все это в сердце своем удержи; берегись, чтоб забвенье
Не овладело тобою, лишь сладостный сон удалится!»
Так он сказал и пропал, и оставил Атреева сына
В думах приятных о том, чему не дано было сбыться:
Думал, что в этот же день завоюет он город Приама.
Глупый! Не знал он, какие дела замышляет Кронион:
Снова страданья и стоны в ужасных побоищах новых
Зевс собирался обрушить на Трои сынов и данайцев.

¹¹ Длинноволосые ахейцы. – Ахейцы носили длинные волосы. Многие варварские народы ходили стриженые, фракийцы носили чубы.

Сон отлетел. Но еще разливался божественный голос
В воздухе. Сел Агамемнон и в мягкий хитон облачился,
Новый, прекрасный, и поверху плащ свой широкий набросил;
После к могучим ногам подошвы, прекрасные видом,
Прочно приладил и меч сереброгвоздный накиннул на плечи.
Взял и родительский скипетр, износа не знающий, в руки.
По корабельному стану пошел он со скипетром этим.
Эос богиня меж тем на великий Олимп восходила,
Свет возвещая владыке Зевесу и прочим бессмертным.
Вестникам звонкоголосым тогда приказал Агамемнон
Длинноволосых ахейцев немедля созвать на собрание.
Вестники с кличем пошли. Ахейцы собирались быстро.
Раньше того перед судном владыки пилосцев Нелида
Высокодушных старейшин Атрид усадил для совета.
Всех их созвав, обратился он к ним с предложеньем разумным:
«Нынче, друзья дорогие, божественный Сон мне явился
Средь амвросической ночи. Всех больше Нелееву сыну
Нестору видом, и ростом, и свойствами был он подобен.
Стал у меня в головах и такое мне слово промолвил:
«Сын укротителя коней, Атрея отважного, спишь ты?
Ночи во сне проводить подобает ли мужу совета?
Судьбы народа – в тебе, и подумать бы надо о многом.
Слушай меня поскорее, к тебе от Зевеса я вестник.
Даже вдали о тебе он печется и сердцем болеет.
Длинноволосых ахейцев велит он тебе со стараньем
К бою готовить. Узнай: ты теперь наконец овладеешь
Широкоуличной Троей. Об этом уж нет разногласий
Между бессмертных, Олимп населяющих. Всех умолила
Гера. Нависла уже над троянцами гибель от Зевса.
Все это в сердце своем удержи». И, сказав, улетел он.
Сон меня сладкий оставил немедленно следом за этим.
Как возбудить нам ахейцев на битву? Давайте обсудим.
Я, по обычаю, всех испытаю сначала словами
И предложу им отсюда бежать на судах многовеслых.
Вы же их каждый с своей стороны убеждайте остаться».
Так произнес он и сел. И тогда поднялся пред собранием
Нестор, который народом песчаного Пилоса правил.
Добрых намерений полный, взял слово и стал говорить он:
«О дорогие! Вожди и советники храбрых ахейцев!
Если б другой аргивянин о сне рассказал нам подобном,
Сон за обман мы сочли б и значенья ему не придали б.
Видел же тот, кто по праву гордится, что первый меж нами.
Медлить не станем, пойдем побуждать на сражение ахейцев.»
Так он окончил и первым покинул собрание старейшин.
Все скипетроносцы-цари поднялись, согласившись с Атридом,
Пастырем мудрым народов. Меж тем племена собирались.
Так же, как пчелы, из горных пещер вылетая роями,
Без перерыва несутся, – за кучею новая куча, –
Гроздьями лоз виноградных над вешними вяются цветами,

Эти гурьбою сюда, а другие туда пролетают.
Так племена без числа от своих кораблей и становий
Двигались густо толпами вдоль берега бухты глубокой
К месту собранья народа; Молва между ними пылала,
Вестница Зевса, идти побуждая. Они собирались.
Бурно кипело собрание. Земля под садившимся людом
Тяжко стонала. Стоял несмолкающий шум. Надрывались
Девять глашатаев криком неистовым, всех убеждая
Шум прекратить и послушать царей, вскормлённых Зевесом.
Только с трудом, наконец, по местам все народы уселись
И перестали кричать. И тогда поднялся Агамемнон,
Скипетр держа, над которым Гефест утомился, работав.
Дал этот скипетр Гефест властелину Крониону-Зевсу,
Зевс после этого дал Вожатаю Аргобийце,
Аргобийца Гермес – укротителю коней Пелопсу,
Конник Пелопс его дал властелину народов Атрею,
Этот при смерти Фиесту, овцами богатому, отдал,
Царь же Фиест Агамемнону дал, чтоб, нося этот скипетр,
Многими он островами и Аргосом целым владел бы.
Царь, на него опершись, обратился к собранию с речью:
«О, дорогие герои данайцы, о, слуги Ареса!
Зевс молневержец меня в тяжелейшие бедствия впутал:
Скрытный, сначала он мне обещал и кивнул в подтверждение,
Что возвращусь я, разрушив высокотвердынную Троию.
Нынче ж на злой он решился обман и велит мне обратно
В Аргос бесславно бежать, погубивши так много народу!
Этого вдруг захотелось теперь многомошному Зевсу;
Много могучих твердынь городских уж разрушил Кронион,
Много разрушит еще: без конца велика его сила.
Было бы стыдно для наших и самых далеких потомков
Знать, что такой многолюдный и храбрый народ, как ахейский,
Попусту самой бесплодной войной воевал, и сражался
С меньшею ратью врагов, и конца той войны не увидел!
Если бы вдруг пожелали ахейский народ и троянский,
Клятвою мир утвердивши, подвергнуться оба подсчету,
Если бы все, сколько есть, собрались туземцы-троянцы,
Мы же, ахейский народ, разделивши себя на десятки,
Взяли б троянца на каждый десяток вино разливать нам, –
Без виночерпиев много десятков у нас бы осталось:
Вот, говорю я, насколько ахейцы числом превосходят
В городе этом живущих троян. Но союзники Трои –
В городе с ними, из многих краев копьеборцы; они-то
Все нарушают расчеты мои, не дают мне разрушить,
Как ни желаю душой, Илион хорошо населенный.
Девять уж лет пробежало великого Зевса-Кронида.
Бревна на наших судах изгнивают, канаты истлели.
Дома сидят наши жены и малые дети-младенцы,
Нас поджидая напрасно; а мы безнадежно здесь медлим,
Делу не видя конца, для которого шли к Илиону.

Ну, так давайте же, выполним то, что сейчас вам скажу я:
В милую землю родную бежим с кораблями немедля!
Широкоуличной Трои нам взять никогда не удастся!»
Так он сказал и в груди взволновал у собравшихся множеств
Сердце у всех, кто его на совете старейшин не слышал.
Встал, всколебался народ, как огромные волны морские
Понта Икарского: бурно они закипают от ветров
Евра и Нота,¹² из зевсовых туч налетевших на море;
Или подобно тому, как Зефир¹³ над высокою нивой,
Яро бушуя, волнует ее, наклоняя колосья, –
Так взволновалось собрание ахейцев. С неистовым криком
Кинулись все к кораблям. Под ногами бегущих вздымалась
Тучами пыль. Приказанья давали друг другу хвататься
За корабли поскорей и тащить их в широкое море.
Чистили спешно канавы.¹⁴ До неба вздымались крики
Рвущихся ехать домой. У судов выбивали подпорки.
Так бы, судьбе вопреки, и вернулись домой аргивяне,
Если бы Гера Афине такого не молвила слова:
«Плохи дела, Эгиоха-Зевеса дитя, Атритона!
Да неужели и впрямь побегут аргивяне отсюда
В милую землю отцов по хребту широчайшему моря,
На похвальбу и Приаму, и прочим троянцам оставив
В городе этом Елену аргивскую, ради которой
Столько ахейцев погибло далеко от родины милой?
Мчись поскорее к народу ахейцев меднодоспешных,
Мягкою речью своею удерживай каждого мужа,
Чтобы не стаскивал в море судов обоюдодовесельных».
И совоокая ей не была непослушна Афина.
Ринулась тотчас богиня с высоких вершин олимпийских
На землю, скоро достигла ахейских судов быстролетных;
Там Одиссея нашла, по разумности равного Зевсу.
Молча стоял он пред черным своим кораблем многовеслым,
Не прикасаясь к нему, опечаленный сердцем и духом.
Так обратилась к нему, совоокая дева Афина:
«Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многохитрый!
Да неужели и впрямь вы отсюда домой побежите,
Все побросавшись стремглав в корабли многовеслые ваши,
На похвальбу и Приаму, и прочим троянцам оставив
В городе этом Елену аргивскую, ради которой
Столько ахейцев погибло далеко от родины милой?
К меднодоспешным ахейцам тотчас же идти не медли!
Мягкою речью своею удерживай каждого мужа,
Чтоб не стаскивал в море судов обоюдодовесельных».
Так говорила. И громкий он голос богини услышал.
Бросился быстро бежать, откинув плащ. И, спешивший

¹² Евр – восточный ветер, Нот – южный; здесь разумеется юго-восточный ветер.

¹³ Зефир – западный ветер, в тех краях один из наиболее бурных ветров.

¹⁴ Чистили спешно канавы – по которым вытаскивались из моря и стаскивались в море корабли.

Следом, его подобрал Еврибат, итакийский глашатай.
Сам же он, встретясь в пути с Агамемноном, сыном Атрея,
Скипетр принял отцовский его, не знавший износа,
И к быстролетным судам меднолатных ахейцев пошел с ним.
Если встречал по дороге царя или знатного мужа,
Встав перед ним, удержать его мягкою речью старался:
«Что приключилось с тобой? Не тебе бы, как трусу, пугаться!
Сядь же на место и сам, усади и других из народа.
Что на уме у Атрида, сказать ты наверно не можешь.
Вас он сейчас испытует и скоро, пожалуй, накажет.
Что он сказал на совете старейшин, не все мы слышали.
Как бы с сынами ахейцев Атрид не расправился в гневе!
Гнев же не легок царя, питомца владыки Кронида,
Почесть от Зевса ему, промыслителем Зевсом любим он».
Если же видел, что кто из народа кричит, то, набросаясь,
Скиптром его избивал и ругал оскорбительной речью:
«Смолкни, несчастный! Садись-ка и слушай, что скажут другие,
Те, что получше тебя! Не воинствен ты сам, малосилен,
И не имел никогда ни в войне, ни в совете значенья.
Царствовать все сообща никогда мы, ахейцы, не будем.
Нет в многовластии блага, да будет единый властитель,
Царь лишь единый, которому сын хитроумного Крона
Скипетр дал и законы, чтоб царствовал он над другими».
Так он по стану ходил, отдавая повсюду приказы.
Хлынул обратно народ от судов и становий на площадь
С шумом, подобным такому, с каким ударяются волны
Вечно шумящего моря о берег высокоскалистый.
Вскоре уселись все и остались сидеть на сиденьях.
Яро шумел лишь Ферсит, совершенно в речах безудержный;
Много в груди своей знал он речей неприличных и дерзких,
Попусту рад был всегда нападать на царей непристойно,
Только бы смех у ахейцев нападками этими вызвать.
Самый он был безобразный из всех, кто пришел к Илиону:
Был он косой, хромоногий; сходились горбатые сзади
Плечи на узкой груди; голова у него поднималась
Вверх острием и была только редким усеяна пухом.
Злейший, неистовый враг Одиссея, а также Пелида,
Их поносил он всегда; но теперь на Атрида владыку
С криком пронзительным стал нападать он. Ахейцы и сами
Негодовали в душе и ужасно царем возмущались.
Тот же орал, обращаясь к Атриду с заносчивой речью:
«Чем ты опять недоволен, Атрид, и чего ты желаешь?
Меди полна твоя ставка, и множество в ставке прекрасных
Женщин, – отборнейших пленниц, которых тебе мы, ахейцы,
Первому выбрать даем, когда города разоряем.
Золота ль хочешь еще, чтоб его кто-нибудь из троянских
Конников вынес тебе для выкупа сына, который
Связанным был бы иль мной приведен, иль другим из ахейцев?
Хочешь ли женщины новой, чтоб с ней наслаждаться любовью,

Чтоб и ее для себя удержать? Подходящее ль дело,
Чтоб предводитель ахейских сынов вовлекал их в несчастье?
Слабые, жалкие трусы! Ахейки вы, не ахейцы!
Едем обратно домой на судах! А ему предоставим
Здесь же добычу свою переваривать. Пусть он увидит,
Есть ли какая-нибудь и от нас ему помощь, иль нету.
Вот он теперь оскорбил Ахиллеса, который гораздо
Лучше его, и присвоил добычу, и ею владеет.
Желчи немного в груди Ахиллеса, он слишком уступчив!
Иначе ты никого, Атрид, обижать уж не смог бы!»
Так говорил, оскорбляя Атрида, владыку народов,
Буйный Ферсит. Но внезапно к нему Одиссей устремился,
Гневно его оглядел, и голосом крикнул суровым:
«Глупый болтун ты, Ферсит, хоть и громко кричишь на
собраниях!
Смолкни, не смей здесь один нападать на царей скиптроносных!
Смертного, хуже тебя, полагаю я, нет человека
Между ахейцев, пришедших сюда с сыновьями Атрея!
Брось-ка ты лучше трепать языком про царей на собраниях,
Их поносить всенародно и день сторожить возвращенья!
Знает ли кто достоверно, как дальше дела обернутся,
Счастливо, нет ли домой мы, ахейцев сыны, возвратимся?
Здесь ты сидишь и владыку народов, Атреева сына,
Злобно поносишь за то, что герои-данайцы Атриду
Слишком уж много дают. За это его ты бесчестишь?
Но говорю я тебе, и слова мои сбудутся точно:
Если увижу еще раз, что снова дуришь ты, как нынче, —
Пусть на себе головы одиссеевой плечи не держат,
Пусть я от этого дня не зовуся отцом Телемаха,
Если, схвативши тебя, не сорву с тебя милой одежды,
Плащ и хитон твой и даже, что срам у тебя прикрывает,
А самого не отправлю в слезах к кораблям нашим быстрым,
Выгнав с собрания народного вон и позорно избивши!»
Молвил и скиптром его по спине и плечам он ударил.
Сжался Ферсит, по щекам покатались обильные слезы;
Вздулся кровавый синяк полосой на спине от удара
Скиптра его золотого. И сел он на место в испуге,
Скорчась от боли и, тупо смотря, утирал себе слезы.
Весело все рассмеялись над ним, хоть и были печальны.
Так не один говорил, поглядев на сидящего рядом:
«Право, хоть тысячи доблестных дел Одиссей совершает,
Первый давая хороший совет иль на бой побуждая,
Нынче однако он подвиг свершил изо всех величайший:
Нынче бранчивого он крикуна обуздал красноречье!
Впредь уж наверно навек подстрекать перестанет Ферсита
Дерзкое сердце его на царей оскорбления сыпать!»
Так говорили в толпе. Одиссей, городов разрушитель,
С скиптром в руках поднялся. Своюокая рядом Афина,
Вестника образ принявши, народ призывала к молчанью,

Чтобы и в близких рядах, и в далеких ахейские мужи
Слышали речи его и обдумать могли бы советы.
Добрых намерений полный, взял слово и стал говорить он:
«Царь Агамемнон! Тебе, о владыка, готовят ахейцы
Страшный позор перед всеми людьми, обреченными смерти.
Слово исполнить свое не желают, которое дали,
Конепитательный Аргос для этой войны покидая:
Лишь Илион крепкостенный разрушив, домой воротиться.
Как несмышленные дети, как вдовы, они об одном лишь
Шепчутся горестно, – как бы домой поскорее вернуться.
Трудно, конечно, трудами пресытись, домой не стремиться;
Даже кто месяц один без жены остается, с досадой
Смотрит на многоскамейный корабль снаряженный, который
Зимние бури и моря волнение в пристани держат.
Нам же девятый уж год исполняется круговоротный,
Как пребываем мы здесь. Не могу обвинять я ахейцев,
Что близ судов крутобоких горюют они. Но позорно
Ждать нам и здесь без конца и домой без победы вернуться.
Нет, потерпите, друзья, подождите немного, чтоб знать нам,
Верно ль гадатель Калхас нам предсказывал, или неверно.
Твердо мы помним его прорицанье, – свидетели все вы, –
Все, кто еще не настигнут свирепыми Керами смерти.
Вскорости после того, как ахейцев суда собираться
Стали в Авлиде, готовя гибель Приаму и Трое,
Мы, окружая родник, на святых алтарях приносили
Вечным богам гекатомбы отборные возле платана,
Из-под которого светлой струею вода вытекала.
Знаменье тут нам явилось великое: с красной спиною
Змей ужасающий, на свет самим изведенный Зевесом,
Из-под алтарных камней появившись, пополз по платану.
Там находились птенцы воробья, несмышленные пташки,
На высочайшем суку, в зеленеющих скрытые листьях,
Восемь числом, а девятая мать, что птенцов породила.
Жалко пищавших птенцов одного за другим поглотил он,
Мать вокруг дракона металась, о милых печалуясь детей.
Вверх он взвился и схватил за крыло горевавшую птичку.
После того, как пожрал он птенцов воробьиных и мать их,
Сделало смысл появления его божество очевидным:
Сын хитроумного Крона тотчас превратил его в камень.
Все мы, в безмолвии стоя, дивились тому, что случилось:
Вышло на свет ведь при жертве ужасное чудище божье.
Тотчас тогда, прорицая, Калхас обратился к ахейцам:
«Длинноволосых ахейцев сыны, отчего вы молчите?
Знаменьем этим событие являет нам Зевс промыслитель, –
Позднее, с поздним концом, но которого слава не сгинет.
Так же, как этот сожрал и птенцов воробьиных, и мать их, –
Восемь числом, а девятую мать, что птенцов породила, –
Столько же будут годов воевать и ахейцы под Троей,
Широкоуличный город однако возьмут на десятом».

Так говорил он тогда. И теперь исполняется это.
Что ж, остаемся, ахейцы красивопоножные? Будем
Биться, пока не захватим приамовой Трои великой!»
Так говорил он. И громко в ответ аргивяне вскричали.
Страшным откликнулись гулом суда на всеобщие клики.
Речью, им сказанной, всех восхитил Одиссей богоравный.
Встал пред собранием Нестор, наездник геренский, и молвил:
«Горе! Болтаете вы на собраньи, подобно ребятам, –
Глупым ребятам, которых война не заботит нисколько!
Все соглашения и клятвы, – куда же они подевались?
Или в огонь полетят и решенья, и замыслы наши,
Чистым вином возлиянья, пожатья, которым мы верим?
Без толку здесь на словах состязаемся мы и не можем
Средства найти никакого, а сколько уж времени здесь мы!
Ты, Агамемнон, в решеньях незыблем теперь, как и прежде, –
Над аргивянами будь же начальником в сечах кровавых.
Те же пускай погибают, – один или два из ахейцев, –
Кто замышляет иное; они ничего не добьются.
Нет, не воротимся в Аргос, доколь не узнаем наверно,
Ложно ль нам дал обещанье Кронид-Эгиох иль не ложно:
Я говорю, что успех предсказал нам сверхмощный Кронион
В самый тот день, как на быстрых своих кораблях отплывали
Рати аргивские, смерть и убийство готовя троянцам:
Молнию справа метнул он и вещее знаменье дал нам.
Пусть же никто из ахейцев домой не спешит воротиться,
Не переспавши в постели с плененной женою троянца,
Не отомстивши врагам за печали и стоны Елены.
Если же кто-либо страшно желает домой воротиться,
Черного пусть своего многovesлого судна коснется,
Чтобы скорей, чем другие, найти себе смерть и гибель!
Думай, владыка, и сам, но внимай и чужому совету;
Слово, какое скажу я, не будет достойно презренья:
На племена подели и на фратрии все наше войско;
Фратрия фратрии пусть помогает и племени – племя;
Если ты сделаешь так, и тебе подчинятся ахейцы,
Скоро узнаешь, какой из вождей и какой из народов
Робок иль доблестен: все меж своими ведь будут сражаться.
Также узнаешь, по воле ль богов не берешь Илиона,
Или по трусости войск и незнанью военного дела».
Нестору так отвечал Агамемнон, владыка народов:
«Старец, разумностью речи ты всех побеждаешь ахейцев!
Если б, о Зевс, наш родитель, и вы, Аполлон и Афина,
Десять таких у меня средь ахейцев советников было, –
Скоро бы город Приама властителя в прах превратился,
Нашими взятый руками и нами дотла разоренный!
Но лишь несчастья одни мне Кронид-Эгиох посылает:
В ссоры ненужные, в злую вражду бесполезную вводит.
Мы из-за девушки пленной сражались с Пелеевым сыном
Словом враждебным, и я раздражаться, на горе мне, начал.

Если ж когда-нибудь с ним помиримся мы, то уж не будет
Больше для гибели Трои отсрочки, – малейшей не будет!
Ну, отправляйтесь обедать, а после завяжем сражение.
Каждый копье отточь и свой щит огляди хорошенько,
Каждый коням бысролетным задай пообильнее корму
И осмотри колесницу. Все помыслы – только о битве!
Будем весь день напролет состязаться мы в сече ужасной.
Отдыха в битве не будет, – ни малого даже не будет!
Разве что ночи приход дерущихся храбрость разнимет.
Потом зальется ремень на груди копьеборца, держащий
Всепокрывающий щит, и рука на копье изнеможет,
Потом покроется конь под своей колесницей блестящей!..
Если ж замечу кого, кто вдали от сражения хочет
Близ кораблей крутоносых остаться, – нигде уже после
В стане ахейском ему от собак и от птиц не укрыться!»
Так говорил он. И громко в ответ аргивяне вскричали.
С шумом таким у крутых берегов под порывами Нота
Бьется волна об утес выступающий; нет ей затишья;
Гонят ее и туда и сюда всевозможные ветры.
Встали и двинулись толпы, рассеялись между судами.
Дым за клубился над станом. Садились ахейцы обедать.
Каждый другому из вечных богов возносил свою жертву,¹⁵
Жарко молясь, чтоб избег он ударов Ареса и смерти.
В славу сверхмощного Зевса владыка мужей Агамемнон
Тучного богу быка пятилетнего в жертву зарезал
И пригласил к себе лучших среди всеахейских старейшин:
Нестора прежде всего и властителя Идоменея,
После того двух Аяксов, Тидеева славного сына
И Одиссея шестым, по разумности равного Зевсу.
Громкоголосый же царь Менелай и без зова явился:
Знал хорошо он, как сильно душой его брат озабочен.
Стали они вокруг быка и ячменные подняли зерна.
Начал молиться меж ними владыка мужей Агамемнон:
«Славный, великий Зевес, чернотучный, живущий в эфире!
Дай, чтобы солнце не скрылось и мрак не спустился на землю
Прежде, чем в прах я не свергну чертогов владыки Приама,
Черных от дыма, дверей их огнем не сожгу беспощадным,
Гектора ж тонкий хитон на груди не пронжу, разорвавши
Медью его, а вокруг не лягут другие троянцы,
В пыль головой полетевши и землю кусая зубами!»
Так говорил он. Но просьбы его не исполнил Кронион:
Жертву принял, но ахейцам труды без конца увеличил.
Кончив молитву, герои осыпали зернами жертву,
Шею закинули вверх, закололи и кожу содрали.
Вырезав бедра затем, обрезанным жиром в два слоя
Их обвернули, мясные обрезки на них возложили.
Бедра сожгли на костре из сухих и безлиственных сучьев,

¹⁵ У каждого племени были свои племенные боги.

Потрохи жертвы проткнули и стали держать над Гефестом.¹⁶
После, как бедра сожгли и отведали потрохов жертвы,
Прочее все, на куски разделив, вертелами проткнули,
Сжарили их на огне осторожно и с вертелов сняли.
Кончив работу, они приступили к богатому пиру.
Все пировали, и не было в равном пиру обделенных.
После того, как питьем и едой утолили желанье,
Нестор, наездник геренский, сказал, обратившись к Атриду:
«Сын знаменитый Атрея, владыка мужей Агамемнон!
Больше не будем сейчас у тебя оставаться, не станем
Долго откладывать дела, которое бог нам вверяет.
Пусть же глашатаи меднодоспешных ахейцев немедля
Кличем своим собирают народ к кораблям быстролетным.
Мы же все вместе пойдем по широкому стану ахейцев,
Чтоб разбудить поскорее горячего духом Ареса».
Так он сказал. И охотно словам его внял Агамемнон.
Тотчас отдал приказанье глашатаям звонкоголосым
Длинноволосых ахейцев сзывать на кровавую битву.
Стали глашатаи звать. Ахейцы сбились поспешно.
Быстро цари, вокруг Атрида стоявшие, Зевса питомцы,
Распределяли ахейцев. Меж них появилась Афина
С светлой эгидой, – бессмертной, бесстаростной, ценной
безмерно;
Сотня искусно сплетенных кистей на эгиде висела, –
Чистого золота; каждая кисть – в гекатомбу ценою!
Ею сверкая, богиня ахейский народ обходила,
Всех возбуждая на бой; появилась у каждого в сердце
Сила с врагами упорно, не зная усталости, биться.
В это мгновение всем им война показалась милее,
Чем возвращение в полых судах в дорогую отчизну.
Как на вершинах горы истребитель-огонь сожигает
Лес беспредельно великий и заревом блещет далеко,
Так в проходивших войсках от чудесно сверкающей меди
Блещущий свет доходил по эфиру до самого неба.
Так же, как стаи густые бесчисленных птиц перелетных,
Диких гусей, журавлей иль стада лебедей длинношеих
Возле течений Каистра реки, над Асийской долиной,
Носятся взад и вперед и на крылья своих веселятся,
С криком садятся на землю и шумом весь луг заполняют, –
Так аргиев племена от своих кораблей и становий
С шумом стремились в долину Скамандра; земля под ногами
Грозно гудела от топота ног человеческих и конских.
Остановились они на цветущем лугу скамандрийском, –
Неисчислимы тьмы, как цветы или листья весною.
Словно как мухи без счета, которые тучей густою
В воздухе носятся жарком, слетаясь к пастушьей стоянке
В вешнюю пору, когда молоко наливают в сосуды, –

¹⁶ Над Гефестом – над огнем. Гефест – бог огня.

Столько же длинноволосых ахейцев стояло на поле
Против троянцев, пылая желанием всех уничтожить.
Так же, как разные козьи стада пастухи-козопасы
Очень легко отделяют, когда те смешаются в поле, –
Так, для сражения строя ахейцев, вожди по местам их
Распределяли. Меж всех Агамемнон Атрид выделялся.
Был головой и глазами он схож с молневержцем Зевесом,
Станом – с Аресом, а грудью – с владыкой морей Посейдоном.
Так же, как бык выдается меж всех в многочисленном стаде, –
Мощный бугай, средь коров замечаемый с первого взгляда, –
Сделал таким в этот день Агамемнона Зевс промыслитель,
Так отличил между прочих и так меж героев возвысил.
Ныне скажите мне, Музы, живущие в домах Олимпа, –
Вы ведь богини, вы всюду бываете, все вам известно,
К нам же доносятся слухи одни, ничего мы не знаем:
Кто у данайцев вождями и кто властелинами были?
Всех же бойцов рядовых я не смог бы назвать и исчислить,
Если бы даже имел языков я и ртов по десятку,
Если бы голос имел неослабный и медное сердце, –
Разве что, дочери Зевса царя, олимпийские Музы,
Вы бы напомнили всех мне пришедших под Трою ахейцев.
Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.
Пять предводителей рать беотийских мужей возглавляли:
Аркесилай и Леит, Пенелей, Профоедор и Клоний.
Были вожди они тех, что в Гирии, в Авлиде скалистой
Жили, на лесом заросших холмах Етеона и в Схене,
В Сколе, во Феспии, в Грее, в широких полях Микалесса,
Тех, что окрест обитали Илессия, Гарм и Ерифры,
Что Едеоном владели и Гилою, и Петеоном,
Что в Медеоне, прекрасно построенном городе, жили,
Кто населял Евтресин, голубями богатую Фисбу,
Копы, луга Галиарта, Коронею и Окалею,
Тех, что Платеей владели, и тех, что Глисант населяли,
Что в Гипофивах, красиво построенном городе, жили,
И в посейдоновой роще прекрасной, Онхесте священном,
Тех, что владели Мидеей, лозами богатою Арной,
Нисой священной, лежащим на самом краю Анфеоном.
С ними пошло пятьдесят кораблей мореходных, и в каждом
Храбрых бойцов молодых беотийских сто двадцать сидело.
Кто Асплеоном владел и кто жил в Орхомене минийском, –
Этих вели за собой Аскалаф и брат его Ялмен;
Их родила Астиоха в дому Азеида Актора,
Дева стыдливая, наверх поднявшись в покой свой высокий,
Богу Аресу, ее посетившему тайно в постели.
Выпуклых тридцать судов за ними рядами приплыло.
Схедий с Эпистрофом, дети высокого духом Ифита,
Сына Навболова, шли во главе ополченья фокейцев.
Их племена Кипарисс и скалистый Пифон населяли,
Многосвященною Крисой владели и Анемореей,

И Панопеем с Давлидой, и жили вокруг Гиамполя,
Над берегами Кефиса, священной реки, обитали
И населяли Лилею вблизи от истоков Кефиса.
Сорок судов чернобоких отправилось с ними под Трою.
Оба вождя расставляли ряды ополчений фокейских,
К бою готовясь, на левом крыле, с беотийцами рядом.
Локров же вел ополчение Аякс Оилид скороногий.
Меньше он был, не такой, как Аякс Теламоний могучий, —
Меньше на много его; невысокий, в броне полотняной,
Превосходил же копьем как панэллинов, так и ахейцев.
Вел он с собой племена, населявшие Кинос и Бессу,
Скарфу, Каллиар, Опунт и веселые доли Авгеи,
Тарфу и Фроний, где воды Боагрия быстро катятся.
Сорок судов чернобоких отправилось с ним против Трои
С воинством локров, живущих напротив Евбеи священной.
Дышащих ярою силой абантов, живущих в Евбее, —
Тех, что в Халкиде живут, в Гистиее, богатой лозами,
В городе Дие высоком, в Креинфе, лежащем у моря,
Тех, что Каристом владеют, живут в Эйретрии и Стирах, —
Их предводителем был Елефенор, потомок Ареса,
Сын Халкодонта, начальник высоких душою абантов,
Волосы лишь на затылке растивших, проворных ногами,
Воинов пылких, горящих ударами ясных копий
Медные брони врагов разбивать на грудях рукопашно.
Сорок судов чернобоких отправилось с ними на Трою.
Рать здесь была и мужей, населяющих город Афины,
Край Эрехфея героя; его воспитала Афина,
Зевсова дочь, а на свет родила плодоносная пашня;
В храме своем богатейшем Афина его поселила;
Там, при урочном исходе годов круговратных, приносят
Юноши города жертвы ему из быков и баранов;
Был у афинян вождем Менесфей, Петеем рожденный;
С ним из людей земнородных никто не равнялся в искусстве
Строить к сражениям быстрых коней и мужей-щитоносцев.
Нестор, намного старейший, один с ним соперничал в этом.
Черных судов пятьдесят за собою привел он под Трою.
Мощный Аякс Теламоний двенадцать судов саламинских
Вывел с собою и стал, где стояли фаланги афинян.
В Аргосе живших мужей, населявших Тиринф крепкостенный,
И Гермionу с Асиной, лежащие в бухте глубокой,
И Епидавр, виноградом богатый, Трезен и Эйоны,
Юношей храбрых ахейских, что жили в Эгине, в Масете, —
Всех предводителем их Диомед был могучеголосый,
Также Сфенел, Капанея преславного сын благородный;
С ними и третий был вождь, Евриал, небожителю равный,
Сын Мекистея владыки, Талаева славного сына.
Главным, однако, вождем Диомед был могучеголосый.
Восемь десятков судов отправилось с ними под Трою.
Всех, населявших Микены, прекрасно устроенный город,

Город богатый Коринф и Клеоны в красивых строеньях,
Арефирею, приятную видом для глаза, Орнеи,
Кто населял Сикион, где Адраст воцарился сначала,
Кто в Гипересии жил, в Гоноессе высокоутесной,
Тех, что Пелленой владели и тех, что вокруг Эгия жили,
И по всему Эгиалу, и окрест Гелики пространной, –
Этих на ста кораблях Агамемнон привел повелитель.
Рать многочисленной всех; средь ахейцев храбрейшие мужи
Шли за Атреевым сыном. Сияя сверкающей медью,
Гордо ходил он, средь всех выдаваясь героев ахейских
Саном верховным своим и числом приведенных народов.
Кто между гор в Лакедемоне жил, пропастями богатом,
В Фарисе, в Спарте и в Мессе, любезной стадам голубиным,
Кто в Брисеях обитал и в приятных для глаза Авгеях,
В Гелосе-городе, близко от моря лежащем, в Амиклах,
Тех, что вокруг обитали Ойтила и Лаей владели, –
Их Агамемнонов брат Менелай, громогласный в сраженьях,
Вел шестьдесят кораблей. Он войска свои ставил отдельно,
Сам и в сраженья водил их, на доблесть свою полагаясь,
Воинов сам возбуждал; величайшим пылал он стремленьем
Страшно троянцам отмстить за печали и стоны Елены.
Тех же, что Пилос с Ареной приятной на вид населяли,
Фриос при броде алфейском и славные зданьями Эпи,
Кипариссей с Птелеоном, и Амфигенею, и Гелос,
Также и Дорион, – местность, где некогда Музы богини,
Встретив фракийца Фамира, идущего из Эхалии
От эхалийца Еврита, лишили его песнопений.
Он заявлял, похваляясь, что в пеньи одержит победу,
Если бы даже запели Зевесовы дочери Музы.
В гневе они ослепили его и отняли чудесный
Песенный дар. И забыл он искусство играть на кифаре.
Нестор, наездник геренский, начальствовал этою ратью.
С ним девяносто судов крутобоких приплыло под Трою.
Тех, кто в Аркадии жил, под высокой горою Килленой,
Возле могилы Эпита, – мужи, рукопашные в битвах, –
Кто Фенеос населял, Орхомен, изобильный стадами,
Рипу, Стратию и город, для ветров открытый, Ениспу,
Тех, что Тегеей владели и милой для глаз Мантинеей,
Тех, что владели Стамфилом, в Паррасии жизнь проводили, –
Всех этих вел Агапенор владыка, рожденный Анкеем.
Шло шестьдесят кораблей, и на каждом из них находилось
Много аркадских мужей, понимающих бранное дело.
Им корабли хорошо оснащенные сам Агамемнон
Дал, чтоб на них переплыли они винночерное море:
Сами они о делах мореходных заботились мало.
Те, что в Бупрасии, те, что в Элиде божественной жили,
Жители тех областей, что в себе заключают Гирмину,
С краю лежащий Мирзин, Оленийский утес и Алисский, –
Было у этих четыре вождя, и по десять за каждым

Шло кораблей быстролетных, и много в них было епейцев.
Их за собою вели Амфимах, порожденный Ктеатом,
С Фальпием, сыном Еврита, Акторовы оба потомки.
Третьим вождем был могучий Диор, Амаринком рожденный,
А у четвертых начальником был Поликсен боговидный,
Сын Агасфена владыки, рожденного славным Авгеем.
Рать из Дулихия, рать с островов многочистимых Эхинских,
Против Элиды лежащих и морем от ней отделенных,
Мегес привел Филейд за собою, Аресу подобный,
Сын дорогого богам конеборца Филея, который
Переселился когда-то в Дулихий, с отцом не поладив.
Сорок судов чернобоких направилось с ним против Трои.
Царь Одиссей был вождем кефаленцев, возвышенных духом,
Что обитали в Итаке, в колеблющем листья Нерите,
Что Эгилип населяли суровый, с землей каменистой,
И Крокилеи, и Закинф, и острова Зама округу,
И материк, и живущих на берегу, против лежащем.
Был их вождем Одиссей, по разумности равный Зевесу.
Вместе с собой он двенадцать привел кораблей краснощеких.
Вел за собой этолийцев Фоант, Андремоном рожденный.
Рать из мужей, обитавших в Плевроне, в Олене, в Пилене,
И в Калидонских горах, и в Халкиде, лежащей у моря.
Не было больше на свете сынов удалого Инея,
Умер и сам он давно, был уж мертв Мелеагр русокудрый.
С полною властью ныне Фоант этолийцами правил.
Сорок судов чернобоких отправилось с ним против Трои.
Идоменей, знаменитый боец, был начальником критян, –
Тех, что владели Гортиной, стеной обнесенной, и Кносом,
Городом Ликтом, Милетом и белоблестящим Ликастом,
Кто населял города многолюдные Фестос и Ритий,
И остальных, обитавших повсюду на Крите стоградном.
Идоменей, знаменитый копейщик, начальствовал ими
И Мерион, как убийца мужей Эниалий, могучий.
Восемь десятков судов чернобоких отправилось с ними.
Вместе с собой Тлеподем Гераклид, – и большой, и могучий, –
Неустрашимых родосцев привел с девятью кораблями.
В Родосе жили они, разделенные на три колена, –
Линд населяли, Иелис и мелом блистающий Камир.
Их предводителем был Тлеподем, копьеборец известный.
Был он Геракловой силе рожден молодой Антиохой,
Взятой Гераклом в Эфире, у вод Селлеента, когда он
Много отнял городов у цветущих питомцев Зевеса.
После того, как возрос Тлеподем в благозданном чертоге,
Тотчас любимого дядю отца своего умертвил он,
Уже пришедшего в старость Ликимния, отрасль Ареса.
Быстро суда снарядил он и, много народу собравши,
Скрылся из отчей земли, убегая морями от мести
Всех остальных сыновей и внуков Геракловой силы.
Множество бед претерпев, наконец, он приехал на Родос.

Там поселились пришельцы тремя племенами и были
Зевсом любимы, который царит над людьми и богами.
Их чрезвычайным богатством осыпал владыка Кронион.
Три корабля одинаких Нирей предоставил из Симы.
Этот Нирей был Аглаей рожден от владыки Хиропа,
Этот Нирей средь ахейцев, пришедших с войной к Илиону,
Был человеком меж всеми красивейшим после Пелида.
Был слабосилен однако и с войском пришел невеликим.
Тех же, кто в Нисире жил, в Еврипиловом городе Косе,
На островах Калиднийских, Крапафом владели и Касом, –
Этих вели за собой предводители Фейдипп и Антиф, –
Двое сынов властелина Фессала, Гераклова сына.
Выпуклых тридцать судов за ними рядами приплыло.
Скажем теперь о мужах, в Пеласгическом Аргосе живших,
Тех, что Алопу и Алос, Трехин населяли и Фтию,
Тех, что Элладой владели, отчизной прекраснейших женщин;
Имя им было – ахейцы, и эллины, и мирмидонцы.
Их пятьдесят кораблей с Ахиллесом пришло быстроногим.
Не помышляли однако они о бушующей битве:
Не было мужа, кто грозный бы строй их повел за собою.
Праздно лежал у своих кораблей Ахиллес быстроногий,
В гневе жестоком за Брисову дочь, пышнокудрую деву,
Им уведенную после великих трудов из Лирнесса,
После того как разрушил Лирнесс он и фивские стены.
Там же Эпистрофа он и Минета поверг, копьеборцев,
Двух сыновей властелина Евена, Селепова сына.
В горе по ней он лежал. Но недолго – и встанет он снова!
Живших в Филаке, мужей, населявших участок Деметры,
Пирас, цветами богатый, и мать овец Итонею,
Морем омытый Антрон и Птелей на постели травистой, –
Этих, пока еще жив был, воинственный вел за собою
Протесилай, но уж черной землею теперь был покрыт он.
Он и супругу в Филаке с лицом исцарапанным¹⁷ бросил,
И недостроенный дом. Пораженный дарданцем, погиб он,
Первым из всех аргивян с корабля соскочивши на берег.
Рать без вождя не осталась, но все ж по вожде тосковала,
Ею Подарк в это время начальствовал, отрасль Ареса,
Сын Филакида Ификла, владельца стад густорунных,
Брат однокровный героя, бесстрашного Протесилая,
Более юный годами. Но старше его и сильнее
Протесилай безбоязненный был; потерявши героя,
Рать не нуждалась в вожде, но о доблестном часто вздыхала.
Сорок судов чернобоких отправилось с ним против Трои.
С теми, которые в Ферах близ Бебского озера жили,
С теми, что Бебу, Глафиры, прекрасный Яолк населяли, –
С ними одиннадцать шло кораблей под начальством Евмела,
Сына Адметова; был он рожден наиболе прекрасной

¹⁷ Греческие женщины, как и восточные, в знак горя расцарапывали себе лицо.

Меж дочерями Пелея, – Алкестой, богиней средь женщин.
Тех же, что жили в Мефоне, Фавмакии и в Мелибее,
Тех, во владеньи кого Олизон находился скалистый, –
Вел Филоктет за собою, стрелок превосходный из лука –
Семь кораблей. И на каждом из них пятьдесят находилось
Сильных гребцов, превосходно умевших сражаться стрелами.
Сам он лежал в жесточайших страданиях на острове дальнем,
Лемносе многосвященном, где был он ахейцами брошен,
Мучимый язвою злой, причиненной змеей водяною.¹⁸
Там он, страдая, лежал. Но уж скоро пришлось аргивянам
О Филоктете у черных судов своих вспомнить!
Рать без вождя не осталась, но все ж по вожде тосковала.
Медон над нею начальствовал, сын Оилея побочный:
Рена его родила градоборцу царю Оилею.
Тех же, кто Триккой владел и Ифомой на горных уступах,
Кто населял Эхалию, Еврита эхальского город, –
Тех за собою в поход Подалирий вели с Махаоном,
Славные оба врачи, Асклепия мудрые дети.
Выпуклых тридцать судов за ними рядами приплыло.
Тех, что в Ормении жили и возле ключа Гипереи,
Тех, кто в Астерии жил и на белых вершинах Титана, –
Вел Еврипил за собою, блистательный сын Евемона.
Сорок судов чернобоких отправилось с ним против Трои.
Тех, что Аргиссой владели и что населяли Гиртону
Олооссон, белокаменный город, Елону и Орфу, –
Их предводителем был Полипет, воеватель бесстрашный,
Сын Пирифоя, бессмертным Зевесом рожденного на свет, –
От Пирифоя зачатый женой Гипподамией славной
В самый тот день, как герой покарал волосатых чудовищ,¹⁹
Их с Пелиона прогнал и преследовал вплоть до Эфиков.
Был он вождем не один, а главенство делил с Леонтеем,
Сыном бесстрашного духом Корона, Кенеева сына.
Сорок судов чернобоких отправилось с ними под Трою.
Вел двадцать два корабля за собою Гуней из Кифоса.
Был он вождем эниенцев и храбрых душою перебов, –
Тех, кто дома себе строил вокруг непогодной Додоны,
Тех, что вблизи берегов Титаресия жили прелестных.
В реку Пеней он вливает прекрасноструистую воду,
Но, не мешая ее с серебристой его водовертью,
Поверху катит над тою рекой свою воду, как масло.
Воды Стикса²⁰, ужаснейшей клятвы, ей служат началом.

¹⁸ Филоктет – славный стрелок из лука. Геракл, в награду за оказанную Филоктетом услугу, подарил ему, умирая, свой лук и стрелы. По пути в Трою Филоктет был укушен ядовитой змеею. Рана распространяла невыносимое зловоние. Филоктет непрерывно кричал. Греки оставили его на острове Лемносе. Там он влачил жизнь, полную страданий. На десятый год войны грекам пришлось послать за Филоктетом, так как, по предсказанию оракула, без его стрел Троя не могла быть взята. Махаон излечил Филоктета, тот убил Геракловую стрелою Париса и помог взять Трою.

¹⁹ Волосатые чудовища – кентавры, которые во время свадьбы Пирифоя и Гипподамии попытались похитить невесту.

²⁰ Воды Стикса – подземная адская река Стикс. Клятва Стиксом считалась у богов самой ужасною, нарушить ее никто не осмеливался.

Профой же, сын Тенфредона, начальствовал ратью магнетов.
Окрест Пеней и вокруг Пелиона, шумящего лесом,
Жили они. Предводителем их был стремительный Профон.
Сорок судов чернобоких отправилось с ним против Трои.
Вот у данайцев какие вожди и властители были.
Кто же особо среди них выдавался, скажи мне, о Муза,
Сам ли, конями ль, – из всех, за Атридами следом пошедших?
Между коней выдавались всех более кони лихие
Феретиада Евмела, по скорости равные птицам,
Масти одной, одинаковых лет, одинакого роста;
Их на перейских лугах возрастил Аполлон сребролукий, –
Двух кобылиц, разносящих в сражениях ужас Ареса.
Между мужей выдавался Аякс Теламоний, покуда
Гневом пылал Ахиллес; но тот был намного могучей,
Также и кони, на битвы носившие сына Пелея.
Но Ахиллес меж загнутых своих кораблей мореходных
Праздно лежал, на царя Агамемнона, сына Атрея,
Гнев продолжая питать; а народы у берега моря
Тем забавлялись, что диски метали, и копья, и стрелы;
Лошади их у своих колесниц оставались без дела
И сельдерей, порожденный болотом, и клевер жевали.
А колесничная сбруя лежала, укрытая плотно,
В ставках владык. Мирмидонцы, томясь по вождю удалому,
Вяло бродили по стану туда и сюда, не сражаясь.
Войско ахейское шло, словно пламенем почву ничтожа.
Стоном стонала земля, как под гневом метателя молний,
Зевса владыки в то время, как он вокруг Тифея²¹ бичует
Землю в Аримах, в которых, как думают, ложе Тифея.
Так под ногами идущих ахейцев земля исходила
Тяжкими стонами. Быстро они проходили равнину.
Вестницей в Трою пришла от эгидодержавного Зевса
С грозною вестью Ирида, по скорости сходная с ветром.
Перед дверями Приама кипело речами собрание;
Тесной толпой молодые и старые вместе стояли.
Близко представ, ветроногая к ним обратилась Ирида,
Голос принявши Полита, Приамова сына, который
В тайном дозоре сидел, полагаясь на быстрые ноги,
На высочайшем могильном холме старшины Эсиета
И дожидался, когда от судов устремятся ахейцы.
Вид принявши его, обратилась Ирида к Приаму:
«О, старик, всегда тебе милы ненужные речи
Так же, как в мирные дни. Но теперь ведь война, и какая!
Очень мне часто бывать приходилось в ужаснейших битвах,
Но не видал я такого и столь многолюдного войска:
Нет у им счета, как листьям лесным, как прибрежным песчинкам!

²¹ Тифей, или Тифон – олицетворение подземного вулканического огня, по Гесиоду (Теогония, 820 и сл.) – сын Тартара и Земли, страшное чудовище с сотней змеиных голов, извергавших из пасть огонь. После жестокого боя Зевс победил его и бросил в Тартар.

Двигутся к нам по равнине, напасть собираясь на город.
Гектор, всего тебе больше советую действовать вот как:
Много союзников с нами в великой столице Приама,
Разный язык у различных племен многочисленных этих.
Пусть же начальствует каждый над теми, над кем он властитель.
Пусть соплеменников строит, пусть их за собою выводит».
Кончила. Голос богини узнал безошибочно Гектор.
Вмиг он собрание закрыл. За оружие схватились троянцы.
Настежь раскрылись ворота. Из них выходили отряды
Пешие, конные. Шум поднялся несказанный повсюду.
Есть перед городом Троей вдали на широкой равнине
Некий высокий курган, отовсюду легко обходимый.
Смертные люди курган тот высокий зовут Батиеей,
Вечноживущие боги – могилой проворной Мирины.²²
Там у холма разделились троян и союзников рати.
Был у троянцев вождем шлемоблещущий Гектор великий,
Сын Дарданида Приама. Всех лучше и всех многолюдней
Были войска у него, до копейного жадные боя.
Вел за собою дарданцев Эней Анхизид многомогущий.
Был он рожден Афродитой богиней; на идских вершинах
Ложь она разделила с Анхизом, – богиня со смертным.
Был он вождем не один; при нем Архелок с Акамантом,
Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных.
Тех же, что в Зелее жили под самой подошвою Иды,
Были богаты и пили из Эссепа черную воду,
Племя троянское, – вел их блистательный сын Ликаона,
Пандар, которому лук подарен был самим Аполлоном.
Теми мужами, кто жил в Адрастее и в крае Апесском,
Кто Питиеей владел и высокой горою Тереи, –
Ими начальствовал Амфий в броне полотняной и Адраст,
Оба сыны перкосийца Мeroпа, который прекрасный
Был предсказатель судьбы и сынам не давал позволения
На мужебойную ехать войну; не послушались дети
Старца-отца; увлекали их Керы погибели черной.
Тех же, которые в Сеете, в Перкоте и в Практии жили,
Тех, что владели Арисбой божественной и Абидосом, –
Их предводителем был Гиртакид, властительный Асий, –
Асий Гиртаков; его из Арисбы огромные кони
Огненной масти примчали от быстрой реки Селлеента.
Вел за собой Гиппофой племена копьеборцев пеласгов,
Тех, что в Ларисе живут с плодородной землей комковатой, –
Их за собою вели Гиппофой и воинственный Пилей,
Оба сыны Тевтамида, царя пеласгийского Лефа.
Пейрос герой с Акамантом вели за собою фракийцев,
Тех, чью страну Геллеспонт омывает стремительно-быстрый.
Евфем начальником был копьеборцев бесстрашных киконов, –
На свет рожденный Трезеном, питомцем Зевеса Кеадом.

²² Проворная Мирина – по-видимому, амазонка.

Вел за собою Пирехм криволуких пэонов, далеко
Живших в стране Амидонской, где Аксий струится широкий, –
Аксий, прекрасную воду свою по земле разносящий.
Рать пафлагонцев вело Пилемена суровое сердце, –
Всех, обитавших в Енетах, где водятся дикие мулы,
Тех, что Китором владели и около Сесама жили,
У берегов Парфенийских в отличных домах обитали,
На Ерифинских вершинах, в Эгиале жили и в Кромне.
Рать галидзонов Одий и Эпистроф вели из Алибы;
Месторождение в ней серебра, в той стране отдаленной.
Мисов начальники: Хромий и Энном, гадатель по птицам.
Птицы однако его не спасли от гибели черной:
Пал от могучей руки быстроногого он Эакида
В бурной реке, где и много других перебил он троянцев.
Форкис и богоподобный Асканий, горевшие оба
Жаждой сражаться, фригийцев вели из Аскании дальней.
Антиф и Меофл мэонийских мужей предводители были;
Оба сыны Талемена, Гигейского озера дети;²³
Войско они привели мэонийцев, под Тмолем рожденных.
Наст предводителем был говоривших по-варварски каров;
Город Милет занимали они и лесистую гору
Фтирос, теченья Меандра, высокие главы Микалы.
Их предводители были Амфимах и Наст благородный,
Наст и Амфимах герои, Номиона славные дети.
В золото Наст выражался, как дева, идя и на битву.
Но не спасло и оно от гибели черной безумца:
Смерти предал его в бурной реке Эакид быстроногий,
Золотом всем овладел и унес дорогую добычу.
Войско ликийцев вели Сарпедон с безбоязненным Главком
Из отдаленной Ликии от водоворотного Ксанфа.

²³ Гигейского озера дети – дети нимфы этого озера.

Песнь третья

Клятвы. Обзорение ахейского войска со стены. Единоборство Париса и Менелая

После того, как отряды с вождями построились к бою,
С шумом и криком вперед устремились троянцы, как птицы:
С криком таким журавли пролетают под небом высоким,
Прочь убегая от грозной зимы и дождей бесконечных;
С криком несутся они к океановым быстрым теченьям,
Смерть и погибель готова мужам низкорослым пигмеям;²⁴
В утренних сумерках злую войну они с ними заводят.
В полном безмолвии, силой дыша, приближались ахейцы,
С твердой готовностью в сердце оказывать помощь друг другу.
Так же, как Нот на горе по вершинам туман разливает,
Для пастухов не желанный, но вору приятнее ночи;
Видеть в нем можно не дальше, чем падает брошенный камень;
Так под ногами идущих густейшая пыль поднималась,
Вихрю подобная. Быстро они проходили равнину.
После того, как, идя друг на друга, сошлись они близко,
Вышел вперед из троянских рядов Александр боговидный
С шкурой пантеры и луком кривым на плечах и с висящим
Острым мечом. Колебал он в руке два копья, завершенных
Медными жалами, всех вызывая храбрейших ахейцев
Выступить против него и померяться в схватке ужасной.
Только увидеть успел Менелай многохрабрый Париса
Шагом широким вперед из толпы выступающим гордо,
Радостью вспыхнул, как вспыхнул бы лев перед крупной
добычей,
Вдруг повстречавшись с рогатым оленем иль дикой козю;
Жадный от голода, он пожирает добычу, хоть всюду
Сам окружен молодыми ловцами и быстрыми псами.
Радостью вспыхнул такой Менелай, увидавши глазами
Сына Приама царя. К обольстителю мезью пылая,
Быстро Атрид с колесницы с оружием спрыгнул на землю.
Только увидел его перед строем Парис боговидный,
Милое сердце в груди у него задрожало от страха.
Быстро к товарищам он отступил, убегая от смерти,
Как человек, увидавший дракона в ущелий горном,
Быстро назад отступает и членами всеми трепещет
И устремляется прочь с побледневшими страшно щеками;
Так погрузился обратно в толпу горделивых троянцев,
В ужас придя перед сыном Атрея, Парис боговидный.
Гектор, увидев, корить его стал оскорбительной речью:
«Горе-Парис, лишь по виду храбрец, женолоб, обольститель!

²⁴ Пигмеи – баснословный народ карликов высотой с локоть, жили на далеком юге, на берегу океана.

Лучше бы ты не родился совсем иль безбрачным погибнул!
Это и я бы хотел, и тебе это было бы лучше,
Чем поношением таким и позорищем быть перед всеми!
Длинноволосых ахейцев ты слышишь язвительный хохот?
Видя твой, образ красивый, они полагали, что храбрый
Ты первоборец, а ты – без отваги в душе и без силы!
И вот такой-то, посмел ты однако в судах мореходных,
Море с толпой переплывши товарищей верных, в чужое
Племя проникнуть и в жены красавицу стран отдаленных
Дерзко с собой увезти, – невестку мужей копьеборных,
В горе отцу твоему, государству всему и народу,
В радость большую врагам, а себе самому в поношение!
Что ж не остался ты ждать Менелая, любимца Ареса?
Знал бы, какого ты мужа владеешь цветущей супругой!
Не помогли бы кифара тебе и дары Афродиты,
Пышные кудри и вид твой, когда бы ты с пылью смешался!
Больно уж робки троянцы. Иначе б давно уже был ты
Каменным платьем одет²⁵ за несчастья, какие принес ты».
Гектору быстро в ответ возразил Александр боговидный:
«Гектор, меня ты бранишь не напрасно, за дело бранишь ты.
Сердце твое, как топор, всегда некрушимо и крепко.
Бьет по бревну он, размах усилия руки у того, кто
Для корабля то бревно с великим искусством готовит.
Так же и сердце в груди у тебя неуклонно и твердо.
Но не порочь мне прелестных даров золотой Афродиты.
Нет меж божественных славных даров не достойных почтения:
Сами их боги дают; по желанью никто не получит.
Ну, а теперь, если хочешь, чтоб я воевал и сражался,
Пусть все усядутся наземь, – и Трои сыны и ахейцы;
Я ж в середине сойду с Менелаем, любимцем Ареса,
В бой за Елену вступлю и за взятые с нею богатства.
Кто из двоих победит и окажется в битве сильнейшим,
Женщину пусть уведет за собою с богатствами всеми.
Вы же, взаимную дружбу священной клятвой заверив,
В Трое живите; они же в конях гордящийся Аргос
Пусть уплывают и в славную жен красотою Ахайю».
Так он сказал. С восхищеньем слова его выслушал Гектор.
Вышедши быстро вперед и копье ухватив в середине,
Строй удержал он троянцев. Они, успокоившись, стали.
Вмиг натянули ахейцы свои искривленные луки
Против него, полетели камни и острые копья.
Громко вскричал на ахейцев владыка мужей Агамемнон:
«Стойте, аргивяне, стойте! Стрельбу прекратите, ахейцы!
Слово какое-то хочет сказать шлемоблещущий Гектор».
Так он сказал. И немедленно бой прекратили ахейцы.
И замолчали. И Гектор сказал, между ратями стоя:
«Слушайте, Трои сыны и ахейцы в красивых поножах,

²⁵ Был бы ты каменным платьем одет – то есть побит камнями.

Что говорит Александр, возбудивший вражду между нами:
Он предлагает троянцам и всем меднолатным ахейцам
На многоплодную землю сложить боевые доспехи;
Сам же один на один с Менелаем, любимцем Ареса,
Вступит он в бой за Елену и взятые с нею богатства.
Кто из двоих победит и окажется в битве сильнейшим,
Женщину пусть уведет за собою с богатствами всеми.
Мы же взаимную дружбу священной клятвой заверим».
Так говорил он. Кругом все затихли и молча стояли.
Громкоголосый тогда Менелай обратился к ним с речью:
«Слушайте также меня. Жесточайшая горесть пронзает
Сердце мое; помышляю давно я: пора примириться
Трои сынам и ахейцам. Довольно вы бед претерпели
За преступленье Париса, за распрю, возженную мною.
Кто между нами двумя обречен на погибель судьбою,
Пусть и погибнет. А вы, остальные, миритесь скорее.
В город пошлите за белым барашком и черной овечкой
Солнцу принести и земле; мы другого для Зевса доставим.
Также и силу Приама²⁶ сюда приведите, чтоб клятвы
Сам он заверил (его сыновья вероломны и наглы),
Чтобы никто дерзновенно кронидовых клятв не нарушил.
Носятся вечно по ветру людей молодых помышленья;
Если ж участвует старец, то смотрит вперед и назад он,
Чтоб для обеих сторон наилучше решилось дело».
Так говорил он. И радость объяла троян и ахейцев,
Вера явилась, что близко злосчастной войне окончанье.
Коней поставили в ряд, со своих колесниц соскочили,
Сняли доспехи и все их сложили на землю от вражьих
Близко рядов: разделяла их узкая поля полоска.
Гектор немедленно двух посланцев к Илиону отправил
Пару ягнят принести и Приама призвать на равнину.
Также и царь Агамемнон Талфибию дал приказанье
К вогнутым быстро идти кораблям и ягненка доставить.
И непослушен он не был владыке народов Атриду.
С вестью меж тем к белорукой Елене явилась Ирида,
Образ принявши золовки, жены Антенорова сына,
Знатного Геликаона; женой он имел Лаодику,
Между Приамовых всех дочерей наилучшую видом.
В доме застала Елену; огромную ткань она ткала, –
Плащ тёмнокрасный двойной, и на нем выводила сраженья
Меж конеборных троянцев и меднохитонных ахейцев,
Где от Аресовых рук за Елену они пострадали.
Вставши вблизи, быстроногая так ей сказала Ирида:
«Выйди, жена молодая, взгляни-ка на чудо, какое
Между троян совершилось и меднохитонных ахейцев!
Вел так недавно их друг против друга Арес многослезный,
Жаждали в битвах жестоких сходиться они на равнине.

²⁶ Силу Приама – то есть сильного Приама.

Нынче безмолвно стоят. Прекратилась война. Оперлися
Воины все на щиты. И копья их воткнуты в землю.
А Приамид Александр с Менелаем, любимцем Ареса,
С длинными копьями в бой за тебя окончательный вступят.
Кто из двоих победит, назовет тебя милой супругой».
Так говорила и дух ей наполнила сладким желаньем
Первого мужа увидеть, родителей милых и город.
Тонкою белою тканью покрылась она и поспешно,
Нежные слезы роняя, из комнаты вон устремилась.
Шла не одна она; следом за ней две служанки спешили,
Эфра, Питфеева дочь, с волоокой Клименой.²⁷ Достигли
Вскорости все они места, где Скейские были ворота.
Там над воротами, в башне, с Приамом, Панфоем, Фиметом,
С Лампом и Клитием и Гикетаоном, ветвью Ареса,
Укалегон с Антенором сидели, разумные оба.
Все – многочтимые старцы из лучших старейшин народа.
Старость мешала в войне принимать им участие; но были
Красноречивы они и подобны цикадам, что, сидя
В ветках деревьев, приятнейшим голосом лес оглашают.
Вот каковые троянцев вожди восседали на башне.
Только увидели старцы идущую к башне Елену,
Начали между собою крылатою речью шептаться:
«Нет, невозможно никак осуждать ни троян, ни ахейцев,
Что за такую жену без конца они беды выносят!
Страшно похожа лицом на богинь она вечноживущих.
Но, какова б ни была, уплывала б домой поскорее,
Не оставалась бы с нами, – и нам на погибель, и детям!»
Так говорили. Приам подозвал к себе громко Елену:
«Милая дочь, подойди-ка поближе и сядь предо мною!
Первого мужа увидишь, родных и друзей твоих близких.
Ты предо мной невиновна; одни только боги виновны;
Боги с войной на меня многослезной подняли ахейцев.
Сядь же сюда, назови мне огромного этого мужа, –
Что это там за ахеец, высокий такой и могучий?
Выше его головой меж ахейцами есть и другие,
Но никогда не видал я такого красивого мужа,
С видом почтенным таким. На царя он осанкой походит».
И отвечала Приаму Елена, богиня среди женщин:
«Свекор мой милый, внушаешь ты мне и почтение, и ужас.
Лучше бы горькую смерть предпочла я в то время, как в Трою
С сыном твоим отправлялась, покинувши брачную спальню,
Малую дочку, и близких родных, и пленительных сверстниц.
Но не случилось так, и о том исхожу я слезами.
Это ж тебе я скажу, что спросил и узнать пожелал ты:

²⁷ Эфра и Климена. – Этих двух рабынь Елена привезла с собою из Спарты. Эфра была дочь трезенского царя Питфея, жена афинского царя Эгея, от которого родила знаменитейшего после Геракла греческого героя Тезея. Когда Елена была еще девушкой, Тезей похитил, ее. Братья Елены, Кастор и Полидевк, в отсутствие Тезея освободили Елену, захватили в плен мать Тезея Эфру, и она сделалась рабыней Елены; тогда же братьями была захвачена Климена, сестра Тезеева друга, лапифского царя Пирифоя.

Там пред тобою пространнодержавный Атрид Агамемнон, –
И копьеборец могучий, и доблестный царь вместе с этим.
Деверь он был мне, собаке! Да, был он мне деверь когда-то!»
Так говорила. И старец, дивясь на Атрида, воскликнул:
«О, Агамемнон блаженный, судьбой отличный с рожденья!
Сколько ахейских сынов под твоим я тут вижу началом!
Некогда быть мне пришлось во Фригии, богатой лозами,
Видел я там превеликую рать быстроконных фригийцев,
Видел народы Отрея и равного богу Мигдона.
У берегов сангарийских тогда они станом стояли.
Был я союзником их и средь воинства их находился
В день, как отбили они амазонок, мужчинам подобных.
Столько их не было там, сколько здесь быстроглазых ахейцев».
Дальше, вторым увидав Одиссея, спросил ее старец:
«Ну-ка скажи и об этом, дитя мое милое, кто он?
Хоть головой он пониже, чем славный Атрид Агамемнон,
Но поглядеть – так пошире его и плечами, и грудью.
На многоплодную землю доспех боевой его сложен,
Сам же обходит ряды он ахейцев, подобно барану;
Схожим он кажется мне с густошерстым бараном, который
Через обширное стадо овец белоруных проходит».
И отвечала Приаму Елена, рожденная Зевсом:
«Муж тот, о ком ты спросил, – Лаэртид Одиссей многоумный.
Он в каменистой стране, на Итаке на острове вырос,
В хитростях всяких искусный, во всяких решениях мудрый».
К ней Антенор обратился разумный с такими словами:
«Очень все правильно, женщина, то, что сейчас ты сказала:
Некогда ради тебя посланцами сюда приезжали
В Трою герой Одиссей с Менелаем, любимцем Ареса.
Я их тогда, как гостей, принимал у себя, угощал их.
Смог в это время узнать я и свойства обоих, и разум.
Вместе когда на собраниях троянцев они появлялись,
Если стояли, то плеч шириной Менелай выдавался,
Если ж сидели, казался видней Одиссей многоумный.
В час же, когда перед всеми слова они ткали и мысли, –
Быстро Атрид Менелай говорил свою речь пред собранием,
Очень отчетливо, но коротко: многословен он не был,
Нужное слово умел находить, хоть и был помоложе.
Если ж стремительно с места вставал Одиссей многоумный, –
Тихо стоял и, потупясь, глядел себе под ноги молча;
Скипетром взад и вперед свободно не двигал, но крепко,
Как человек непривычный, держал его, стиснув рукою.
Ты бы сказал, что брюзга пред тобою, к тому же неумный.
Но лишь звучать начинал из груди его голос могучий,
Речи, как снежная выюга, из уст у него устремлялись.
С ним состязаться не мог бы тогда ни единый из смертных,
И уже прежнему виду его мы теперь не дивились».
Третьим увидев Аякса, выпрашивал старец Елену:
«Кто еще этот ахеец, высокий такой и могучий?

Он головой и плечами широкими всех превышает». Длинноодежная так отвечала Приаму Елена: «Это Аякс великан – оплот и защита ахейцев. Там, на другой стороне, словно бог, выдается меж критян Идомений; вокруг него и другие вожди их толпятся. Частым он гостем бывал Менелая, любимца Ареса, В доме у нас, приезжая с далекого острова Крита. Вижу я там же и всех остальных быстроглазых ахейцев, Всех я узнала б легко и по имени всех назвала бы. Двух лишь найти не могу я строителей ратей: не видны Кастор, коней укротитель, с кулачным бойцом Полидевом, Братья родные мои, мне рожденные матерью общей. Либо из Спарты прелестной с другими они не приплыли, Либо, сюда и приплывши на быстрых судах мореходных, В битву мужей не желают мешаться, бояся душою Срама и многих упреков, какие мне пали на долю». Так говорила. Но взяты уж были землей животворной В Лакедемоне далеком они, в дорогой их отчизне. А посланцы уж несли через город для клятвенной жертвы Пару ягнят и вино, веселящее дух человека, Полем возвращенное, в козьих мехах. Идей же глашатай С кубками шел золотыми и с ярко блестящим кратером. Став перед старцем Приамом, его побуждал он словами: «Встань, Лаомедонтиад, зовут тебя лучшие люди Среди конеборных троянцев и меднодоспешных ахейцев Вниз на равнину сойти, чтоб священные клятвы заверить. Ибо твой сын Александр с Менелаем, любимцем Ареса, С длинными копьями вступят за женщину в бой беспощадный. Кто из двоих победит, тот получит ее и богатства. Мы же, взаимную дружбу священной клятвой заверив, В Трое останемся жить. В конями гордящийся Аргос Те уплывут и в Ахайю, славную жен красотой». Так он сказал. Содрогнулся Приам и товарищам тотчас Коней велел запрягать. Проворно приказ был исполнен. Старец взошел и за вожжи взялся, натянувши их сзади; Возле него Антенор на прекрасную встал колесницу. Быстрых коней через Скеи они на равнину погнали; Прибыли к месту, где рати стояли троян и ахейцев, На многоплодную землю сошли с колесницы блестящей И посредине пошли между строем троян и ахейцев. Тотчас тогда поднялись владыка мужей Агамемнон И Одиссеем многоумный. Барашков для клятвенной жертвы Славные вестники к ним подвели и вина намешали В ярко блестящий кратер, и водою им полили руки. Вытащил после того Агамемнон свой ножик, который Подле меча на огромных ножнах он носил постоянно, Волосы срезал с голов у ягнят; и глашатаи оба Роздали волосы лучшим мужам из троян и ахейцев. Руки воздевши, усердно молился богам Агамемнон:

«Зевс, наш родитель, на Иде царящий, преславный, великий!
Солнце, – о ты, что по целой вселенной все видишь и слышишь,
Реки, Земля и подземные боги, которые страшно
Людям почившим отмщают, коварно нарушившим клятву!
Будьте свидетели нам, охраняйте священные клятвы!
Если убьет Александр в поединке царя Менелая,
Пусть у себя он удержит Елену с богатствами всеми,
Мы же обратно домой уплывем на судах мореходных.
Если ж в бою Александра убьет Менелай русокудрый,
Пусть возвратят нам троянцы Елену с богатствами всеми,
Пусть аргивянам и пеню заплатят, какую прилично,
Так, чтобы память о ней и у дальних потомков осталась.
Если ж падет Александр, а Приам и Приамовы дети
Не захотят по условию мне выплатить должную пеню,
Буду за эту я пеню упорно сражаться и дальше,
Здесь оставаясь, пока окончания войны не достигну».
Молвил и горла ягнят перерезал губительной медью;
В судорогах бьющихся он положил их тотчас же на землю,
Дух испускающих: силу они потеряли от меди.
После, вина зачерпнув из кратера в блестящие чаши,
Начали все совершать возлиянья богам и молиться.
Так не один говорил и в ахейских рядах, и в троянских:
«Зевс многославный, великий, и все вы, бессмертные боги!
Первых, которые, клятвы нарушив, проявят враждебность, –
Пусть их мозги, как вот это вино, по земле разольются,
Их и детей их; а жен пусть другие взведут на постели!»
Так говорили. Однако молитв их Кронид не исполнил.
К ним обратился владыка Приам Дарданид со словами:
«Слушайте, Трои сыны и ахейцы в красивых поножах!
Снова теперь я в открытый ветрам Илион удаляюсь.
Сил у меня неостанет глазами смотреть, как сражаться
Будет мой сын дорогой с Менелаем, любимцем Ареса.
Знает один только Зевс и другие бессмертные боги,
Смертный конец в поединке кому из двоих предназначен».
Муж богоравный ягнят положил в колесницу, поднялся
Сам на нее и за вожжи взялся, натянувши их сзади.
Возле него Антенор на прекрасную встал колесницу.
Оба в родимый они Илион возвратились обратно.
Гектор меж тем Приамид с Одиссеем божественным место
Для поединка сначала отмерили, после же, бросив
Жребии в шлем медяной, сотрясали их, чтобы решилось,
Кто из противников первый копье свое медное бросит.
Оба ж народа молились бессмертным и руки вздевали.
Так не один говорил и в ахейских рядах, и в троянских:
«Зевс, наш родитель, на Иде царящий, преславный, великий!
Кто из обоих во всем, что меж нами случилось, виновен,
Сделай, чтоб, насмерть сраженный, в жилище Аида сошел он,
Мы ж меж собой утвердили б священные клятвы и дружбу!»
Так говорили. Потряс шлемоблещущий Гектор великий

Жребии, глядя назад. И выскочил жребий Париса.
Все после этого сели рядами, где каждый оставил
Быстрых своих лошадей и доспехи свои боевые.
Богopodobный Парис же, супруг пышнокудрой Елены,
Стал между тем облекать себе плечи доспехом прекрасным.
Прежде всего по блестящей поноже на каждую голень
Он наложил, прикрепляя поножу серебряной пряжкой;
Следом за этим и грудь защитил себе панцырем крепким
Брата Ликаона,²⁸ точно ему приходившимся впору.
Сверху на плечи набросил сначала свой меч среброгвоздный
С медным клинком, а потом и огромнейший щит некрушимый;
Мощную голову шлемом покрыл, сработанным прочно,
С гривой конскою; страшно над шлемом она волновалась.
Крепкое взял и копье, по руке его тщательно выбрав.
Так же совсем и герой Менелай снаряжался на битву.
После того как в толпе средь своих они к бою оделись,
На середину меж ратей враждебных противники вышли,
Взглядами грозно сверкая. Охватывал ужас смотрящих
Конников храбрых троян и красивопоножных ахейцев.
Близко друг к другу они подошли на измеренном поле,
Копья в руках сотрясая и злобясь один на другого.
Первым Парис боговидный послал длиннотенную пику
В щит, во все стороны равный, ударивши ею Атрида;
Но не смогла она меди прорвать, и согнулося жало
В твердом щите Менелая. Вторым Менелай русокудрый
Медную пику занес и взмолился к родителю Зевсу:
Дай отомстить человеку, кто первый худое мне сделал,
Дай, о владыка, чтоб мною сражен был Парис боговидный,
Чтоб ужасался и каждый из позже родившихся смертных
Гостеприимному злом воздавать за радушие и дружбу!»
Так он сказал и, взмахнувши, послал длиннотенную пику,
В щит, во все стороны равный, ударивши ею Париса;
Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,
Быстро пронзила искусно сработанный панцырь блестящий
И против самого паха хитон у Париса рассекла.
Тот увернулся и этим избегнул гибели черной.
Сын же Атрея, извлекши стремительно меч среброгвоздный,
Грянул с размаху по гребню на шлеме: но меч, от удара
В три иль четыре распавшись куса, из руки его выпал.
И возопил Менелай, на широкое небо взглянувши:
«Нет никого средь бессмертных зловредней тебя, о Кронион!
Я уже думал отмстить Александру за низость, – и что же?
Меч у меня разломался в руках на куски, и без пользы
Пика моя излетела из рук. И его не убил я!»
Ринулся он на Париса, за шлем ухватил коневласый
И потащил, повернувшись, к красивопоножным ахейцам.

²⁸ Панцырь брата Ликаона. – Сам Парис как легко вооруженный стрелок из лука вышел на поле битвы без тяжелого панцыря.

Стиснул узорный ремень Александрову нежную шею,
Под подбородком его проходивший от шлема, как подвязь.
И дотащил бы его Менелай, и покрылся бы славой,
Если б остро не следила за всем Афродита богиня:
Подвязь из кожи быка, убитого силой, порвала,
Шлем лишь один очутился в могучей руке Менелая.
В воздухе шлем Менелай закружил и швырнул его быстро
К пышнопоножным ахейцам; и шлем тот друзья подобрали.
Бросился вновь он вперед, поразить Александра желая
Медным копьем. Но неожиданно его унесла Афродита,
Очень легко, как богиня, сокрывши под облаком темным.
В сводчатой спальне душистой его усадила, сама же
Быстро пошла, чтоб Елену позвать, и нашла ее вскоре
В башне высокой; вокруг же троянки толпою сидели.
Дернула тихо богиня ее за нектарное платье,
Древнерожденной старухе обличем своим уподобясь,
Пряхе, которая в дни, как жила еще в Спарте Елена,
Шерсть ей пряха превосходно и очень Елену любила.
Ей уподобившись, так Афродита богиня сказала:
«В дом возвратись поскорее, тебя Александр призывает.
Он уже в спальне сидит на кровати точеной, сияя
И красотой, и одеждой; и ты никогда б не сказала,
Что из сраженья он с мужем пришел, но что хочет идти он
На хороводы иль сел отдохнуть, с хороводов пришедши».
Так ей сказала и душу Елены в груди взволновала.
Лишь увидала Елена прекрасную шею богини,
Прелести полную грудь и блистание глаз ее ярких, –
В ужас пришла; обратилась к богине и так ей сказала:
«О, для чего обольстить меня снова, жестокая, хочешь?
Может быть, дальше меня, в многолюдный какой-нибудь город
Фригии или прелестной Меонии хочешь увлечь ты?
Может, и там средь людей, предназначенных к смерти, нашелся
Милый тебе? Побезден Александр боговидный Атридом;
Хочет со мною, мерзавкой, домой Менелай возвратиться.
Вот из-за этого ты и явилась с кознями в мыслях.
Шла бы к Парису сама! От путей отрекися бессмертных,
Больше ногой никогда не касайся вершин олимпийских,
Оберегай его вечно, терпи от него, и в награду
Будешь женою ему или даже наложницей только!
Я же к нему не пойду. И позорно совместное ложе
Мне для спанья оправлять. Надо мной все троянские жены
Будут смеяться. Довольно и так мне для сердца страданий».
Вспыхнувши гневом, ответила ей Афродита богиня:
«Дерзкая, смолкни! Меня не серди или я тебя брошу,
Возненавижу с такою же силой, как прежде любила;
Лютую злобу к тебе разожгу и у тех, и у этих,
В ратях троян и данайцев, и злою ты смертью погибнешь!»
Так ей сказала. Елена, Зевсова дочь, испугалась
И, серебристо-блестящим одевшись покровом, в молчаньи,

Скрытно от женщин троянских, пошла; божество перед нею.
Вскоре пришли они обе к прекрасному дому Париса.
Быстро опять за работу взялись служанки. Она же
В спальню высокую молча вступила – богиня среди женщин.
Стул тут взяла Афродита улыбкалюбивая в руки,
Перенесла и, – богиня! – поставила близ Александра.
Дочь Эгиоха-Зевеса Елена на стул тот уселась
И, отведя глаза, упрекала супруга словами:
«С боя пришел ты? О, лучше бы, если бы там и погиб ты,
Мужем сраженный могучим, что был мне когда-то супругом!
Прежде не сам ли ты хвастал, что силой, копьем и рукою
Ты превосходишь царя Менелая, любимца Ареса?
Что ж, возвращайся обратно! Иди, вызывай Менелая
Снова сойтись в поединке. Но, впрочем, советую лучше
Повоздержаться, и впредь с Менелаем, любимцем Ареса,
Не воевать безрассудно войною и боем не биться,
Иначе быстро тебя укротит его крепкая пика!»
И, отвечая Елене, такие слова он промолвил:
«Не отягчай мне, жена, оскорблениями тяжкими душу!
Нынче меня победил Менелай при поддержке Афины,
Завтра же я его: есть и у нас покровители боги!
Ну, а теперь мы с тобой на постели любви предадимся!
Страстью такой у меня никогда еще ум не мутился,
Даже тогда как впервые на быстрых судах мореходных
Лакедемон мы прелестный покинули и на скалистом
Острове соединились с тобою любовью и ложем.
Нет, и в то время со страстью такою тебя не любил я!»
Так он сказал и к постели пошел, а за ним и супруга.
Рядом друг с другом они улеглись на кровати сверленной.²⁹
Сын же Атрея метался по толпам, как зверь разъяренный,
Взоры бросая кругом, не увидит ли где Александра.
Но ни единый из храбрых троян или союзников славных
Мощному сыну Атрея не мог указать Александра.
Прятать из дружбы никто бы не стал его, если б увидел:
Всем одинаково был он, как черная смерть, ненавистен.
К ним обратился тогда повелитель мужей Агамемнон:
«Слух преклоните, троянцы, дарданцы и рати союзных!
Видимо всем торжество Менелая, любимца Ареса.
Вы аргивянку Елену с богатством ее увезенным
Выдайте нам, заплатите и пеню, какую прилично, –
Так, чтобы память о ней и у дальних потомков осталась».
«Дружно одобрили слово его остальные ахейцы.

²⁹ Сверленная кровать. – В просверленных дырках кровати укреплены были ремни, заменявшие в постели наш матрац.

Песнь четвертая

Нарушение клятв. Агамемнонов обход

Боги в чертоге с полом золотым возле Зевса сидели
И меж собой совещаенье держали. Владычица Геба
Нектар богам разливала. Они золотыми друг другу
Кубками честь воздавали, на город троянцев взирая.
Вдруг задеть захотелось Зевесу державному Геру
Речью язвительной. Так он супруге сказал, насмехаясь:
«Две тут заступницы есть средь богинь за царя Менелая:
Гера аргивская вместе с Алалкоменидой Афиной.³⁰
Обе однако сидят себе здесь, наблюдают и тешат
Души свои. С Афродитой улыбкалюбовивой – иначе:
Вечно она при Парисе, от смерти его охраняет;
Вот и сегодня: спасла, когда умереть он уж думал.
Но ведь победа-то все ж за царем Менелаем осталась.
Следует нам обсудить, как дела эти дальше направить:
Снова ли злую войну возбудить и ужасную сечу,
Иль меж обеих сторон заключить соглашение и дружбу?
Если покажется мысль моя всем вам приятной и милой,
Пусть государство владыки Приама останется целым,
Царь Менелай же домой возвратится с аргивской Еленой».
Так он сказал. Негодуя, вздыхали Афина и Гера.
Рядом сидели они, измышляя несчастья троянцам.
Слушала молча Афина, ни слова в ответ не сказала;
Лютою злобой она волновалась в гневе на Зевса.
Гера же, гнева в груди не вместивши, сказала Крониду:
«Что за слова, жесточайший Кронид, ты ко мне обращаешь!
Как же ты можешь желать неоконченным сделать и тщетным
Труд мой и пот мой, каким я потела в трудах? Истомила
Я и коней, на Приама с детьми собирая ахейцев.
Действуй; но прочие боги тебя тут не все одобряют».
С гневом великим ответил ей Зевс, облаков собиратель:
«Странная ты! Ну, какое Приам и Приамовы дети
Зло причиняют тебе, что о том ты и думаешь только,
Как бы сгубить Илион, прекрасно построенный город!
Если бы, вторгшись в ворота и стены высокие Трои,
Ты бы живьем пожрала и Приама с детьми, и троянцев
Всех остальных, – лишь тогда бы ты злобу свою исцелила!
Делай, как хочешь. Не стоит, чтоб этот раздор между нами
В будущем создал большую вражду между мной и тобою.
Слово иное скажу я, и в сердце обдумай то слово:
Если и я пожелаю какой-нибудь город разрушить, –
Город, в котором мужи обитают, тебе дорогие, –

³⁰ Алалкоменида – прозвище Афины по городку Алалкомены в Беотии; там находился древнейший ее храм.

И моего не задерживай гнева, а дай мне свободу;
Так и тебе ее дать я согласен, в душе несогласный.
Меж городами людей, на земле беспредельной живущих,
Сколько на свете ни есть их под солнцем и звездами неба,
Сердцем всех больше моим Илион почитался священный,
И повелитель Приам, и народ копьеносца Приама.
Там никогда мой алтарь не лишался ни жертвенных пиршеств,
Ни возлияний, ни дыма, что нам от людей подобает».
Зевсу сказала в ответ волоокая Гера богиня:
«В мире три города есть наиболее мне дорогие:
Аргос великий, Микена широкодорожная, Спарта.
Их истребляй, если станут тебе чем-нибудь ненавистны;
Я не вступаюсь за них, не завидую. Если бы даже
Стала завидовать я и противиться их истреблению, –
Малого б тем я достигла: меня ты намного сильнее.
Нужно, однако, труды и мои не напрасными делать.
Бог я такой же, как ты, одного и того же мы рода;
Более старшей на свет произвел меня Крон хитроумный;
Честь мне двойная: за род и за то, что твоею супругой
Я называюсь; а ты над бессмертными властвуешь всеми.
Будем же в этом с тобою уступчивы друг перед другом, –
Я пред тобою, а ты предо мной, чтоб и прочие боги
Нам подражали. Теперь же скажи поскорее Афине,
Чтобы спустилася к битве кровавой троян и ахейцев
И соблазнила троянцев нарушить предательски клятву,
Только что данную ими гордящимся славой ахейцам».
Не был богине родитель мужей и богов непослушен
И со словами крылатыми так обратился к Афине:
«К войску троян и ахейцев отправься как можно скорее
И соблазни-ка троянцев нарушить предательски клятву,
Только что данную ими гордящимся славой ахейцам».
То, что велел он Афине, давно и самой ей желалось.
Бросилась быстро Афина с высокой вершины Олимпа,
Словно звезда, чрез которую сын хитроумного Крона
Знаменье шлет морякам иль обширному войску народов,
Яркая, окрест нее в изобилии сыплются искры.
В виде таком устремилась на землю Паллада-Афина.
Пала в средину полков. Изумленье объяло глядевших
Конников храбрых троян и красивопоножных ахейцев.
Так не один говорил, поглядев на стоявшего рядом:
«Верно, начнутся опять и война, и кровавые сечи!
Либо же, может быть, дружбу кладет меж обоих народов
Зевс-Эгиох, человеческих войн вседержавный решитель!»
Так не один говорил и в ахейских рядах, и в троянских.
Вид Лаодока приняв, Антенорова храброго сына,
Зевсова дочь Афина в толпу замешалась троянцев,
Пандара, равного богу, повсюду ища, – не найдет ли.
Вскоре нашла. Беспорочный и доблестный сын Ликаонов
Пандар стоял средь могучих рядов щитоносного войска,

Им приведенного в Трою от быстрых течений Эсепа.
Став близ него, устремила богиня крылатые речи:
«Сын Ликаона разумный, послушал бы ты, что скажу я!
Если б решился ты быстрой стрелой поразить Менелая,
В Трое у каждого б ты приобрел благодарность и славу,
Более ж всех у царя Александра, Приамова сына.
Не поскупился бы первый же он на дары дорогие,
Если бы вдруг увидал, как, твоею стрелой пораженный,
Доблестный царь Менелай на костер поднимается грустный.
Ну, так пусти же скорее стрелу в Менелая героя,
Давши обет Аполлону ликийскому, славному луком,
Из первородных ягнят принести гекатомбную жертву,
Только домой ты вернешься, в священные стены Зелеи!»
Так говорила Афина и ум убедила безумца,
Снял он с плеча полированный лук из рогов козерога
Резвого; некогда сам он ему из засады в то время,
Как со скалы он прыгнуть собирался, стрелой своей острой
В грудь угодил и спиною его на скалу опрокинул;
Из головы поднимались рога на шестнадцать ладоней.
Мастер друг к другу приладил рога, обработав искусно,
Вылощил лук и к концу золотое кольцо приспособил.
Лук свой пригнувши к земле, тетиву на него натянул он,
Сам укрываясь пока за щитами товарищей храбрых,
Чтобы с земли не вскочили Аресовы дети ахейцы
Раньше чем пустит стрелу в Менелая, любимца Ареса.
Сняв после этого крышку с колчана, стрелу из него он
Новую, в перьях, достал, – виновницу черных страданий;
Горькую эту стрелу наложил на изогнутый лук свой,
Давши обет Аполлону ликийскому, славному луком,
Из первородных ягнят принести гекатомбную жертву,
Только домой он вернется в священные стены Зелеи;
За тетиву и за корень стрелы одновременно взявшись,
Он до соска притянул тетиву и до лука – железо.
После того как великий свой лук круговидный согнул он,
Лук загудел, тетива зазвенела, стрела понеслася,
Острая, в гущу врагов, до намеченной жадная жертвы.
Но про тебя, Менелай, не забыли блаженные боги,
Прежде же прочих – Афина добычица, дочь Эгиоха.
Став пред тобою, стрелу она острую прочь отклонила,
С тела ее согнала, как в жаркую пору сгоняет
Мать надоедную муху со спящего сладко младенца.
В место стрелу согнала, где, сходясь, золотые застёжки
С панцырем пояс смыкают, двойную броню образуя.
В пояс, вокруг панцыря плотно сомкнутый, стрела угодила,
Пышно украшенный пояс мгновенно насквозь пронизала,
Панцырь искусной работы пробила, достигла повязки,
Бывшей под ним, – охраны для тела, преграды для копий,
Лучшей защиты героя; ее она также пронзила
И по поверхности кожи скользнула, ее оцарапав.

Тотчас же черная кровь потекла из рассеченной раны.
Как для нащечников конских кариянка иль меонийка
Пурпуром красит слоновую кость и нащечники эти
В доме своем сохраняет; желало бы конников много
Их для себя получить; но лежит про царя украшение,
Для лошадей красота, для возничих – великая слава.
Так у тебя, Менелай, обагрились пурпурной кровью
Стройные бедра и голени вплоть до красивых лодыжек.
В ужас пришел Агамемнон владыка, как только увидел
Черную кровь, что струей побежала из братниной раны.
В ужас и сам Менелай многославный пришел. Но когда он
Зубья стрелы и завязки на шейке увидел вне тела,
Прежняя бодрость в груди пробудилась немедленно снова.
Тяжко стена и брата за руку держа, Агамемнон
Так между тем говорил, и кругом их стенала дружина:
«Милый мой брат, на погибель тебе договор заключил я,
Выставив против троян одного из ахейцев сражаться!
Ими ты ранен. Попрали троянцы священную клятву!
Все ж не напрасными будут кровавые жертвы и клятвы,
Чистым вином возлиянья, друг другу пожатые руки.
Если сейчас не воздаст Олимпиец за гнусное дело,
Все же позднее воздаст; за обман свой заплатят троянцы, –
Женами, жизнью детей, головами своими заплатят!
Я хорошо это знаю, – рассудком и духом я знаю:
День придет, – и погибнет священная Троя. Погибнет
Вместе с нею Приам и народ копьеносца Приама.
Зевс громовержец, живущий в эфире, высоко царящий,
Мрачной эгидою сам затрясет над народом троянцев
В гневе за их вероломство. И все это так и свершится!
Но величайшее горе доставишь ты мне, Менелай мой,
Если сегодня умрешь, окончания жизни достигнув!
В Аргос безводный придется вернуться мне с тяжким позором;
Тотчас тогда об отчизне покинутой вспомнят ахейцы.
На похвальбу и Приаму, и прочим надменным троянцам
Здесь мы оставим Елену аргивскую. В поле под Троей
Кости истлеют твои. Несвершенным останется дело.
И на высокий могильный курган Менелая героя
Вспрыгнет какой-нибудь наглый троянец и скажет со смехом:
«Если бы так и над всеми свой гнев утолял Агамемнон!
Он к Илиону ахейскому рать приводил бесполезно
И с кораблями пустыми обратно домой воротился,
В отчую землю, оставивши здесь храбреца Менелая».
Скажет он так, и тогда – расступись ты, земля, подо мною!»
Дух, ободряя его, отвечал Менелай русокудрый:
«Брат, ободрися и в страх не вводи ополчений ахейских!
В место попала стрела неопасное; пояс сначала
Пестроузорный ее удержал, а потом и передник
С медной повязкой, – над ней кузнецы потрудились немало».
Брату немедля в ответ сказал Агамемнон владыка:

«О, когда б так и было, возлюбленный брат мой!
Рану ж исследует врач и лекарство, какое потребно,
К ране приложит твоей, чтобы черные боли исчезли».
Был им немедленно позван божественный вестник Талфибий:
«Сколько, Талфибий, возможно, скорей позови Махаона, –
Мужа, родитель которого – врач безупречный Асклепий,
Чтобы пришел осмотреть Менелая, любимца Ареса.
Кто-то его из троянских искусных стрелков иль ликийских
Ранил стрелою на славу себе и на горесть ахейцам».
Так Агамемнон сказал. И его не ослушался вестник.
Быстро идя через войско ахейцев, высматривал зорко
Он Махаона героя. Его он увидел стоящим
В гуще могучих рядов щитоносных племен, что из Трики
Конепитающей следом за ним к Илиону явились.
Став близ него, он к нему обратился с крылатою речью:
«Асклепиад, поспеши! Агамемнон тебя призывает,
Чтоб осмотрел ты вождя Менелая, Атреева сына;
Кто-то его из троянских искусных стрелков иль ликийских
Ранил стрелою на славу себе и на горесть ахейцам».
Так говорил он и душу в груди Махаона встревожил.
Быстро сквозь толпы пошли по великому войску ахейцев.
К месту пришли, где, задетый стрелой, Менелай находился.
Лучшие люди из ратей ахейских вокруг собрались.
Тотчас, бессмертным подобный, вошел Махаон в середину
И попытался стрелу из атридова пояса вынуть;
Но заостренные зубья обратно ее не пускали.
Пояс узорный тогда расстегнул он, а после – передник
С медной повязкой, – немало над ней кузнецы потрудились.
Рану увидел тогда, нанесенную горькой стрелою,
Высосал кровь и со знаньем лекарствами рану посыпал,
Как дружелюбно родитель его был обучен Хироном.³¹
Так хлопотали они вокруг владыки царя Менелая.
А уж густые ряды щитоносцев троян наступали.
Вспомнив о бое, ахейцы поспешно надели доспехи.
Тут не увидел бы ты Агамемнона, сына Атрея,
Дремлющим, или трусливым, иль кинуться в бой не хотящим.
Всею душою к мужей прославляющей битве рвался он.
Коней оставил Атрид с колесницей, пестреющей медью.
Яро храпящих, держал в стороне их возница Атрида,
Евримедонт, Птолемеом рожденный, Пиреевым сыном.
Близко держаться ему приказал Агамемнон на случай,
Если, давая приказы, усталость почует он в членах.
Сам же пешком обходил построения ратей ахейских.
Тех быстроконных данайцев, которые в бой торопились, –
Их ободрял он словами и с речью такой обращался:
Воины Аргона, дайте простор вашей удали буйной!

³¹ Хирон – мудрый кентавр, воспитатель Ахиллеса, Кастора, Полидевка и других героев; он обучал их на горе Пелионе музыке, врачеванию, гимнастике и прорицанию.

Зевс, наш отец, никогда вероломным защитой не будет.
Тех, кто священные клятвы предательски первый нарушил, –
Будут их нежное тело расклевывать коршуны в поле,
Их же цветущих супруг молодых и детей малолетних
В плен увезем мы в судах, как возьмем крепкостенную Троию».
Если же видел, что кто уклониться желает от боя,
Тех Агамемнон бранил, обращаясь с разгневанной речью:
«Жалкие трусы, бахвалы! Ужель вам, ахейцы, не стыдно?
Что, растерявшись, стоите вы здесь, как пугливые лани?
Лани, когда утомятся, бежав по широкой равнине,
Кучей теснятся, и нет никакой у них смелости в сердце.
Так, растерявшись, и вы здесь стоите и в бой не идете!
Ждете ль, покамест троянцы прорвутся до мест, на которых
Наши стоят корабли у берега моря седого,
Чтобы увериться, вас ли рукой покрывает Кронион?»
Так, раздавая приказы, ряды обходил Агамемнон.
К критянам он подошел, через встречные толпы пробравшись,
В бой снаряжались они вокруг отважного Идомея.
Храбростью вепрю подобный, в передних рядах он держался.
Вождь же другой, Мерион, назади возбуждал ополченья.
Радость почувствовал, их увидавши, Атрид Агамемнон.
К Идомею тотчас обратился он с ласковой речью:
«Идомей, между всех быстроконных данайцев тебя я
Чту наиболее, – как на войне и в делах всевозможных,
Так и на наших пирах, где аргивские лучшие люди
Воду мешают в кратерах с почетным вином искрометным.
Ибо, где прочие длинноволосые мужи-ахейцы
Мерою пьют, никогда ты пустым, как и я, не оставишь
Кубка, – сейчас же наполнишь и пьешь, если дух твой прикажет.
В бой же! И доблесть яви, каковой ты и раньше гордился».
Идомей ему, критян начальник, сказал, отвечая:
«Славный Атрид, неизменно тебе я товарищем верным
Буду, как раньше когда-то тебе обещал и поклялся.
Длинноволосых однако других возбуди-ка ахейцев
Битву начать поскорее. Нарушили клятву троянцы!
В будущем черная смерть и жестокие бедствия ждут их:
Первыми клятв не сдержали они и обеты попрали».
Радуясь сердцем, Атрид Агамемнон отправился дальше.
К войску Аяксов пришел, пробираясь сквозь встречные толпы.
В бой снаряжались они, окруженные тучею пеших.
Так же, как если с вершины скалистой огромную тучу
Козий пастух приметит, гонимую с моря Зефиром;
Издали взору его, как смола, представляясь черной,
Мчится над морем она и ведет ураган за собою;
С ужасом смотрит пастух и стада свои гонит в пещеру.
Схожие с тучей такой, за Аяксами к жаркому бою
Юношей, Зевсом вскормленных, стремились густые фаланги, –
Черные, грозно щетинясь щитами и жалами копий.
Возвеселился душой Агамемнон, увидев и этих.

Громко к обоим он им обратился с крылатою речью:
«Храбрые мужи Аяксы, вожди аргивян меднолатных!
Нет вас нужды ободрять, никаких не даю вам приказов.
Сами прекрасно народ вы ведете в упорную битву.
Если б, о Зевс, наш родитель, Афина и Феб дальновержец, –
Если б у каждого в сердце подобное мужество было,
Скоро пред нами поник бы Приама властителя город,
Нашими взятый руками и в прах уничтоженный нами!»
Так произнесши, оставил он их и к другим устремился.
Встретился Нестор ему, звучногласый оратор пилосский.
Строил товарищей он и сердца распалял их на битву.
Рядом стояли огромный Пелагонт, Аластор и Хромий,
Знатный и храбрый Гемон и Биант, предводитель народов.
Конных мужей впереди с колесницами Нестор построил,
Сзади же пеших поставил бойцов, – многочисленных, храбрых,
В битве оплотом служить, а трусливых загнал в середину,
Чтоб и тому, кто не хочет, сражаться пришлось поневоле.
Прежде всего ездовых наставлял он, приказывал строго
Коней рядами держать и нестройной толпой не тесниться:
«Чтобы никто, на искусство и силу свою полагаясь,
Против троян впереди остальных в одиночку не бился,
Чтоб и обратно не правил! Себя вы ослабите этим.
Если же кто колесницей своею на вражью наедет,
Пику наставь наперед: наилучший для конника способ.
Предки таким же путем города разгромляли и стены,
Разум и волю такие ж в груди у себя сохраняли».
Так возбуждал их старик, издавна уже опытный в войнах.
Радость Атрида взяла и тогда, как его он увидел,
К Нестору громко с словами крылатыми он обратился:
«Если б, о старец, как дух неослабный в груди твоей милой,
Ноги служили тебе и осталась бы в свежести сила!
Но утесняет тебя неизбежная старость. О, если б
Мужи другие старелись, а ты б оставался меж юных!»
Нестор, наездник геренский, ему отвечая, промолвил:
«Очень и сам я желал бы, Атрид, оставаться, каким я
Некогда был, убивая Еревфалиона героя.
Сразу, однако, всего не даруют бессмертные людям;
Юношей был я, теперь же мне спутницей сделалась старость.
Но и таким я пойду между конными, их направляя
Словом своим и советом: вот честь, что осталась для старцев.
Копьями ж будут сражаться мужи помоложе, какие,
Позже родившись, чем я, на свою полагаются силу».
Радуюсь сердцем, Атрид Агамемнон отправился дальше.
Встретил наездника он Менесфея, Петеева сына.
Он средь афинян стоял, возбудителей бранного клича.
Там же, вблизи Менесфея, стоял Одиссей многоумный;
Вкруг же него кефалленцев ряды, не бессильных в сраженьях,
Праздно стояли. Никто не слышал еще бранной тревоги:
Только что подняты были и шли друг на друга фаланги

Конников быстрых троян и ахейцев. Они же стояли, –
Ждали, когда, наступая, другая колонна ахейцев
Против троянцев ударит, чтоб тотчас в сражение ввязаться.
Их увидав, на обоих набросился царь Агамемнон,
Громко позвал и с словами крылатыми к ним обратился:
«Сын скиptronосца Петя, питомца Крониона Зевса,
Также и ты, хитродей, преисполненный злого коварства!
Что вы стоите тут, ежась от страха, других выжидая?
Вам надлежало б обоим в передних рядах находиться,
Первыми в жаркую битву бросаться, других увлекая.
Первыми вы от меня ведь о пиршествах слышали наших,
Если собирались пир мы, ахейцы, задать для старейшин.
Было приятно тогда насыщаться вам жареным мясом,
Пить, сколько хочет душа, медосладкие вина из кубков?
Здесь же вы рады смотреть, когда впереди перед вами
Хоть бы и десять ахейских колонн воевало с врагами!»
Гневно взглянув на него, отвечал Одиссей многоумный:
«Что за слова у тебя сквозь ограду зубов излетели!
Мы, говоришь ты, от битв уклоняемся? Только ахейцы
Ярость Ареса поднимут на коннодоспешных троянцев, –
Если захочешь и нужно тебе, то увидишь, как первым
Милый отец Телемаха ворвется в фаланги густые
Конников храбрых троянцев. Слова ты пускаешь на ветер!»
Гневым увидев его, улыбнулся Атрид Агамемнон,
Взял свое слово обратно и так отвечал Одиссею:
«Богорожденный герой Лаэртид, Одиссей многоумный!
Ни упрекать чересчур, ни приказывать я не намерен.
Знаю и сам я, что дух твой намерений дружеских полон
В милой груди, и что ты одинаково мыслишь со мною.
В бой же! А если сегодня что сказано было плохое, –
После уладим. Пусть боги для нас это сделают вздором!»
Так он сказал, и оставил их там, и к другим устремился.
Встретил Тидеева сына, лихого душой Диомеда.
Он в запряженной стоял колеснице, сколоченной крепко.
Подле него находился Сфенел, Капанеем рожденный.
Также на сына Тидея набросился царь Агамемнон,
Громко окликнул его и крылатое вымолвил слово:
«Мужа бесстрашного сын, укротителя коней Тидея!
Что ты от страха присел, что глазеешь на поле сраженья?
Так трепетать и робеть не в обычае было Тидея;
Он далеко впереди пред фалангами бился с врагами.
Так говорили, кто видел дела его; сам я не видел,
С ним не встречался; но всех, говорят, превышал он геройством.
Некогда он, – не с войной, а как гость, – появился в Микенах
Вместе с подобным богам Полиником, войска собирая:
Шли на осаду они священной твердыни фиванской.
Дать им союзников славных просили они у микенцев.
Те соглашались дать, отнеслись с одобрением к просьбе;
Знаменьем грозным однако от этого Зевс удержал их.

Вышли вожди из Микен и в дорогу отправились дальше
И берегов травянистых достигли заросшей осокой
Речки Асопа; оттуда ахейцы послали Тидея
Снова послом. И пошел он, и в Фивах увидел не мало
Кадма сынов, пировавших в доме Этеокловой силы.
Там конегонщик Тидей, хоть и был чужестранец, нисколько
Не испугался, один оказавшись средь многих кадмейцев.
На состязанья он вызвал их всех и во всех состязаньях
Очень легко победил. Помогала герою Афина.
Злостью к Тидею зажглись погонятеля коней кадмейцы;
При возвращении засаду ему подготовили тайно;
Ждало его пятьдесят затаившихся юношей храбрых,
С ними вожди их, – Меон Гемонид, на бессмертных похожий,
И Полифонт, Автофоном рожденный, в сражениях твердый.
Но и для этих Тидей жесточайший коней уготовил;
Всех перебил, одному лишь позволил домой воротиться:
Знаменью вечных богов покоряясь, не тронул Меона.
Вот был какой этолиец Тидей! А вот сына родил он
В битвах похуже, чем он, а получше в одних лишь собраниях!»
Так он сказал; и ему ничего Диомед не ответил;
С полным почтеньем упреки царя он почтенного слушал;
Сын Капонея Сфенел же немедля ответил Атриду:
«Ложь, Агамемнон, оставь! Ведь прекрасно ты истину знаешь!
Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы храбрее.
Мы овладеть и седалищем Фив семивратных³² сумели,
В меньшем числе подступивши под более крепкие стены,
Знаменьям веря богов и надеясь на зевсову помощь.
Наши ж отцы безрассудным нечестьем себя погубили.
Славы отцов не равняй, Агамемнон, со славою нашей!»
Гневно взглянув на него, возразил Диомед многомогущий:
«Дяденька, смолкни-ка лучше и выслушай то, что скажу я!
Я не могу на Атрида, владыку народов, сердиться,
Если на бой побуждает он пышнопоножных ахейцев:
Ждет Агамемнона слава великая, если троянцы
Будут разбиты и Троей священной мы овладеем;
Горе великое ждет, если будут разбиты ахейцы.
Ну же, так вспомним с тобою мы оба кипящую храбрость!»
Так он сказал и в доспехах спрыгнул с колесницы на землю.
Страшно вокруг груди владыки прыгнувшего медь зазвенела,
В ужас пришел бы, увидев его, и храбрейший из смертных.
Так же, как быстрые волны о берег морской многозвучный
Бьются одна за другою, гонимые ветром Зефиром;
В море сначала они вырастают, потом, наскочивши

³² Семивратные Фивы – в Беотии, в отличие от стовратных Фив в Египте. Было два легендарных похода аргивских героев против Фив. В первом («поход семи против Фив») участвовали герои Адраст, Полиник, Тидей, Капаней и др. Но они погубили себя «безрассудным нечестьем». Во время штурма города Капаней, взойдя на стену, кощунственно закричал, что даже молния Зевса не сгонит его со стены. Зевс сверг его со стены и обратил все войско в бегство. Второй поход против Фив («поход эпигонов») был предпринят сыновьями упомянутых героев, – Эгиалеем, Ферсандром, Диомедом, Сфенелом и др. Они взяли Фивы и разорили их.

На берег, с громом ужасным дробятся, и выше утесов
Скачут горбатые волны и пеной соленой плюются, –
Так непрерывно одна за другою фаланги ахейцев
Двигались в бой на троянцев. Начальник давал приказанья,
Каждый – своим. Остальные молчали, и было бы трудно
Даже подумать, что голос имеет вся эта громада.
Молча шагали, вождей опасаясь своих; и сиянье
Шло от узорных доспехов, которые их облекали.
Так же, как овцы в овчарне богатого мужа, когда их
Многими сотнями доят, своим непрерывным блеяньем
Воздух кругом наполняют, на голос ягнят отзываясь, –
Крики такие по всей раздавались рати троянской.
Но не у всех одинаков был крик, одинаковы речи:
Много смешалось здесь языков разнородных народов.
Этих Арес возбуждал, а данайцев – Паллада-Афина,
Ужас и Страх и ничем ненасытная Распря-Эрида,
Мужеубийцы Ареса родная сестра и товарищ.
Малой вначале бывает она, но потом головою
В небо уходит, ногами же низом, землею шагает.
В толпы врагов замешавшись, и тут она равною злобой
Тех и других распаляла, чтоб тяжкие стоны умножить.
Вот уже в месте едином сошлись враждебные рати.
Сшиблись разом и щитные кожи, и копья, и силы
Меднодоспешных мужей. Ударялись щиты друг о друга
Выпуклобляшные. Всюду стоял несмолкающий грохот.
Вместе смешалось все, – похвальбы и предсмертные стоны
Тех, что губили и гибли. И кровью земля заструилась.
Так же, как две наводненных реки, по ущелистым руслам
С горных вершин низвергая шумящие грозно потоки,
В общей долине сливают свои изобильные воды;
Шум их пастух издалека с утеса нагорного слышит, –
Так от смешавшихся ратей и шум разливался, и ужас.
Первым поверг Антилох у троянцев воителя мужа,
Храброго, между передних, Фалисия ветвь, Эхепол.
В гребень косматого шлема троянца он первый ударил.
Лоб пронизавши, вбежала глубоко во внутренность кости
Медная пика. И тьмою глаза Эхепол покрылись.
Башней высокой он рухнул на землю средь схватки могучей.
За ноги тело упавшего царь ухватил Елефенор,
Сын Халкодонта, начальник высоких душою абантов.
И потащил из-под копий и стрел, чтоб как можно скорее
Латы совлечь. Но недолго его продолжались старанья.
Видя, как тащит он труп за собой, Агенор крепкодушный
В бок, при наклоне его под щитом обнажившийся прочным,
Острою медною пикой ударил и члены расслабил.
Только он дух испустил, как вокруг загорелось дело
Жаркое между троян и ахейцев. Как волки, бросались
Мужи одни на других; человек с человеком сцеплялся.
Сын Анфемииона юный, подобный богам Симоесий,

Теламонидом Аяксом убит был. Спустившись с Иды
С матерью вместе, с отцом, чтоб взглянуть на овечьи отары,
Некогда мать родила его близ берегов Симоента.
Вот почему он звался Симоесием. Но за заботы
Милым родителям он не успел отплатить; кратковечной
Жизнь его стала под пикой великого духом Аякса.
Выступил первым вперед он, и в грудь ему пика попала,
В правый сосок; и насквозь через плечо пробежало наружу
Медное жало. И на землю в пыль он свалился, как тополь,
Выросший в низменном месте, в середине широкой долины,
Гладкий и ровный, на самой вершине раскинувший ветки.
Мастер его колесничный блистающим срезал железом,
Чтоб на ободья согнуть для колес колесницы прекрасной;
Там на речном берегу распростерт он и медленно сохнет.
С топодем схожий, лежал Симоесий, от лат обнаженный
Богорожденным Аяксом. В Аякса внезапно ударил
Острым копьем из толпы сын Приама, Антиф пестролатный,
Но промахнулся. Попал же он в пах Одиссееву другу,
Храбром Левку, тащившему труп в это время из свалки.
Левк возле трупа свалился, и труп из руки его выпал.
Гневом вспылал Одиссей, увидавши убитого друга.
Вышел вперед из рядов, облеченный сверкающей медью,
Стал очень близко от тела и, зорко вокруг оглядевшись,
Бросил блестящую пикку. Назад отступили троянцы
Перед метнувшим. И пикку метнул Одиссей не впустую:
В Демокоонта попал он, побочного сына Приама,
От табунов лошадиных прибывшего из Абидоса.
Пикой его Одиссей, раздраженный за друга, ударил
Прямо в висок, и с другой стороны головы из виска же
Вышло ее острие, и глаза его тьмою покрылись.
Грянулся на землю он, и доспехи на нем зазвенели.
Взад подались передних ряды и блистательный Гектор.
Крикнули громко ахейцы, убитых к себе оттащили
И устремились вперед. Негодуя, смотрел из Пергама
Бог Аполлон дальнострельный. И громко вскричал он троянцам:
«Конники Трои! Смелее, вперед! Не сдавайте ахейцам
Поле сраженья! Ведь кожа у них не железо, не камень!
Острою медью ударишь – удара она не задержит!
И не свирепствует здесь Ахиллес быстроногий сегодня:
Всё пред судами свой гнев переваривать он продолжает».
Так к ним из города бог обращался ужасный. Ахейцев
Зевсова дочь возбуждала, преславная Тритогея,³³
К каждой толпе подходила, где люди на бой не спешили.
Тут Амаринкова сына Диора судьба оковала.
Камнем зубристым он был поражен возле щиколки самой
В правую голень; его поразил предводитель фракийцев
Пейрос, Имбрасом рожденный, прибывший под Трою из Эны.

³³ Тритогея – по объяснению древних, рожденная на берегу беотийской лесной речки Тритона.

И сухожилия оба, и кость раздробил совершенно
Камень бесстыдный. И навзничь Диор повалился на землю.
К милым товарищам обе руки простирал он с мольбою,
Дух испуская. Но тот подбежал, кто пустил в него камнем, –
Пейрос могучий, и пику в пупок погрузил. И на землю
Вылилась внутренность вся, и глаза его тьмою покрылись.
Пейроса, ринувшись, пикой Фоант этолиец ударил
В грудь повыше соска. И в легких пика застряла.
Близко к нему подбежал Фоант и огромную пику
Вырвал из ребер, и, острый свой меч обнаживши, фракийца
В самый живот посредине ударил и душу исторгнул.
Снять же доспехов не мог: фракийцы чубатые грозно
Тело вождя обступили, уставивши длинные копья;
Как ни огромен он был, и могуч, и достоин почета, –
Прочь отогнали его. И Фоант отступил содрогаюсь.
Так распростерлись в пыли окровавленной рядом друг с другом
Оба вождя – и фракийцев, и меднодоспешных эпейцев.
Много вокруг и других там погибло троян и данайцев.
Этого дела хулить ни один человек не решился б,
Если б, еще невредимый, не раненный острою медью,
Стал он ходить средь бойцов и его бы водила Афина,
За руку взяв и от копий летящих и стрел охраняя.
Много в тот день и троян конеборных, и храбрых ахейцев
В пыль головою упало и рядом друг с другом простерлось.

Песнь пятая Подвиги Диомеда

Тут Диомеду Тидиду богиня Паллада-Афина
Силу и смелость дала, чтобы он отличился меж прочих
Храбрых ахейцев и славой украсился самой великой.
Пламень ему вокруг щита и вокруг шлема зажгла неугасный,
Блеском подобный звезде той осенней,³⁴ которая в небе
Всех светозарнее блещет, омывшись в водах океана.
Плечи и голову светом таким озарила Тидиду
И устремила в средину, где гуще кипело сражение.
Был меж троянцев Дарес, богатством владевший немалым,
Жрец непорочный Гефеста. И были сыны у Дареса, –
Двое: Фегес и Идей, в разнородных искусные битвах.
Оба они, отделившись, помчались навстречу Тидиду
На колеснице, а он по земле на них бросился пеший.
Только что, друг наступая на друга, сошлись они близко,
Первым троянец Фегес метнул длиннотенную пику.
Близко над левым плечом Диомеда она пролетела,
Но не попала в героя. Тогда Диомед многомогущий
Пикой взмахнул. И метнул не впустую он острую пику:
В грудь меж сосков поразил он Фегеса и сбил с колесницы.
Спрыгнул Идей, побежал, колесницу прекрасную бросив,
И не посмел защитить даже трупа убитого брата.
Также и сам не избегнул бы тут он погибели черной,
Если б Гефест не унес и не спас, окружив его ночью,
Чтобы не вовсе старик сокрушался печалью о детях.
Коней меж тем изловив, Диомед, воеватель могучий,
Отдал товарищам их, чтоб угнали к судам изогнутым.
Как увидали троянцы, что оба Даресова сына, –
Тот, испугавшись, бежит, а другой с колесницы низвергнут,
Духом смутились все. Совеокая дева Афина,
За руку буйного взявши Ареса, к нему обратилась:
«Слушай, Арес, о Арес любодбоек, твердынь сокрушитель,
Кровью залитый! Оставим-ка мы и троян, и ахейцев
Спорить, кому из них славу присудит отец наш Кронион.
Мы же, давай, удалимся, чтоб зевсова гнева избегнуть».
Так говоря, увела из сражения буйного бога
И посадила его на крутом берегу над Скамандром.
Храбрых троянцев сломили ахейцы. Низвергнул по мужу
Каждый начальник. И первым владыка мужей Агамемнон
Мощного сбил с колесницы вождя гализонов Одия.
Первому пику ему, обращенному в бегство, всадил он,
В самую спину меж плеч и сквозь грудь ее выгнал наружу.

³⁴ Осенняя звезда – Сириус в созвездии Большого Пса.

Грянулся на землю он, и доспехи на нем зазвенели.
Идомений поразил меонийца, рожденного Бором,
Феста, который из Тарны, страны плодороднейшей, прибыл.
Пикой огромной в плечо его правое с силой ударил
Идомений копьеборец, когда в колесницу входил он.
Тот с колесницы свалился и взят был ужасною тьмою.
Спутники Идоменея доспехи с убитого сняли.
Строфиев сын, многоопытный муж в звероловстве, Скамандрий,
Был изостренной пикой убит Менелая Атрида, –
Славный стрелок, обученный самой Артемидой богиней
В разную дичь попадать, вскормленную лесом нагорным.
Не помогла тут однако ему ни сама Артемиды,
Ни дальнometность, которою он до того отличался:
В спину его Менелай, знаменитый копейщик, ударил
Острою пикой в то время, когда перед ним убегал он.
Пику меж плеч он вонзил и сквозь грудь ее выгнал наружу.
Наземь троянец упал, и доспехи на нем зазвенели.
Сын Гармонида Тектона Ферекл умерщвлен Мерионом.
Был он руками во всяких художествах очень искусен,
Так как, средь всех отличая, его возлюбила Афина.
Он и Парису когда-то суда равнобокие строил, –
Бедствий начало, погибель навлекшие и на троянцев,
И на него: не постигнул судеб он богов всемогущих.
Гнал Мерион пред собою его и, настигнувши, пикой
В правую сторону зада ударил; глубоко проникло
Острое жало в пузырь под лобковую кость; на колени
С воплем упал он, и смерть отовсюду его охватила.
Мегес Педея убил, Антенорова сына; побочным
Сыном он был у отца, но его воспитала Феано
Нежно, с своими детьми наравне, в угождение мужу.
Близко нагнавши его, Филейд, знаменитый копейщик,
В голову острою пикой ударил Педея с затылка;
Медь, меж зубов пролетевши, подсекла язык у Педея;
Грянулся в пыль он и стиснул зубами холодное жало.
Евемонид Еврипил поразил Гипсенора героя,
Долопионова сына; служителем бога Скамандра
Был его храбрый отец и, как бог, почитался народом.
Гнался за ним Еврипил, блистательный сын Евемона,
И на бегу по плечу его правому смаху ударил
Острым мечом, и отсек Гипсенору тяжелую руку.
Наземь кровавая пала рука, и глаза Гипсенору
Быстро смежила багровая смерть с многомогущею судьбою.
Так подвизались вожди аргивян в том сражении могучем.
Но о Тидиде узнать не сумел бы ты, с кем он дерется, –
Держит ли руку троян конеборных, иль храбрых ахейцев.
Он по равнине носился подобно реке многоводной,
Вспухшей от зимних дождей, разрушающей бурно плотины;
Бега ее задержать никакие плотины не в силах,
Бьет через ограды она виноградников, пышно растущих,

Разом нахлынув, когда Молневержец дождем разразится.
Много в ней гибнет прекрасных творений людей работающих.
Так пред Тидидом густые фаланги троян рассыпались
И не могли устоять перед ним, хоть и было их много.
Только лишь Пандар, блистательный сын Ликаона, увидел,
Как, по равнине носясь, пред собою он гонит фаланги,
Тотчас из гнутаго лука наметившись в сына Тидея,
В правое прямо плечо поразил набегавшего мужа,
В выпуклость панцыря. Панцырь стрела Диомеду пробила
И пронизала плечо напролет, окровавив доспехи.
Громко воскликнул, ликуя, блистательный сын Ликаона:
«Духом воспряньте, троянцы, коней погонятeli быстрых!
Ранен храбрейший ахеец! Недолго, я думаю, сможет
Он со стрелою бороться могучею, ежели в Трою
Вправду меня из Ликии прибыть побудил Дальневержец!»
Так говорил он, хвалясь. Но Тидида стрела не смирила.
Он отступил к лошадям и к своей колеснице блестящей,
Стал возле них и сказал Капанееву сыну Сфенелу:
«Встань, дорогой Капанид, на мгновенье сойди с колесницы,
Чтобы стрелу у меня из плеча заостренную вынуть».
Так он сказал. И Сфенел соскочил с колесницы на землю,
Стал за спиной и стрелу из плеча его вытянул сзади.
Кровь побежала ручьем через панцырь плетеный Тидида.
Громко взмолился тогда Диомед, воеватель могучий:
«Неодолимая дочь Эгиоха-Зевеса, внемли мне!
Если ты мне и отцу благосклонно когда помогала
В битве пылающей, будь и теперь благосклонна, Афина!
Дай мне убить, подведи под копье мое мужа, который
Ранить успевши меня, горделиво теперь возглашает,
Что уж недолго придется мне видеть сияние солнца».
Так говорил он, молясь. И его услышала Афина.
Сделала легкими члены, – и ноги, и руки над ними:
Стала вблизи и к нему обратилась с крылатою речью:
«Смело теперь, Диомед, выходи на сражение с врагами!
В грудь я тебе заложила отцовскую храбрость, какую
Славный наездник Тидей отличался, щита потрясатель.
Мрак у тебя я от глаз отвела, окружавший их прежде;
Нынче легко ты узнаешь и бога, и смертного мужа,
Если какой-нибудь бог пред тобой, искушая, предстанет,
Против бессмертного бога не смей выступать дерзновенно,
Кто бы он ни был. Но если Зевесова дочь Афродита
Ввяжется в битву, без страха рази ее острою медью!»
Так говоря, отошла совоокая дева Афина.
Сын же Тидея немедля в ряды замешался передних.
Если и прежде пылал он желаньем с троянцами биться,
Втрое теперь у него, как у льва, увеличилась сила, –
Льва, что в деревне, ограду двора перепрыгнув, слегка лишь
Ранен среди шерстоносных овец пастухом. Только больше
Силы прибавилось в нем, и пастух, защитить их не смея,

Спрятаться в доме спешит, покидая смятенное стадо.
Грудами по двору всюду лежат распростертые овцы.
Лев распаленный назад чрез высокую скачет ограду.
Так ворвался Диомед распаленный в фаланги троянцев.
Был Астиной им повергнут и пастырь народов Гипейрон.
Первого в грудь над соском он сразил медножальною пикой,
А у второго, огромным мечом по ключице ударив,
Вмиг от спины и от шеи плечо отрубил. И немедля,
Бросивши их, Диомед на Абанта напал с Полиидом,
Евридамантом рожденных, разгадчиком снов престарелым.
Им пред отходом отец их не смог разгадать сновидений.
Наземь поверг их Тидид многомогущный и снял с них доспехи.
После пошел он на Ксанфа с Фооном, рожденных Фенопом,
Нежно любимых отцом. Удручаемый старостью грустной,
Сына другого Феноп не родил, чтоб наследство оставить.
Их Диомед умертвил и у братьев, – того и другого, –
Милую душу отнял, а родителю-старцу оставил
Мрачную скорбь и рыданья. Детей, возвратившихся с битвы,
Он не увидел живыми. Наследство осталось дальним.
Там же на двух он напал сыновей Дарданида Приама,
Хромия и Ехемона, в одной колеснице стоявших.
Так же, как в стадо коровье ворвавшийся лев сокрушает
Шею корове иль телке, пасущимся в месте лесистом,
Так беспощадно низверг Приамидов Тидид с колесницы,
Как ни противились оба, и снял боевые доспехи.
Быстрых коней же товарищам дал, чтобы гнали к судам их.
Видел Эней, как троянцев ряды Диомед истребляет.
Быстро пошел он сквозь сечу, сквозь всюду грозящие копья,
Пандара, равного богу, повсюду ища, не найдет ли.
Вскоре нашел безупречного он Ликаонова сына,
Остановился пред ним и такое сказал ему слово:
«Пандар, скажи ты мне, где же твой лук и крылатые стрелы?
Где твоя слава? Никто состязаться с тобой тут не станет,
И не похвалится в целой Ликий, что лучше тебя он.
Руки к Зевесу воздешь и пусти-ка стрелу свою в мужа,
Кто бы он ни был, могучий: погибели много принес он
Ратям троянским, и многим, и сильным расслабил колени.
Он уж не бог ли какой, на троянский народ раздраженный,
Гневный за жертвы? Ужасно для нас раздражение бога!»
Быстро Энею ответил блистательный сын Ликаона:
«Храбрый Эней, благородный советник троян меднолатных!
Я бы сказал, что Тидиду могучему всем он подобен.
Щит я его узнаю, узнаю я и шлем дыроокий,
Вижу его лошадей. Но не бог ли то, верно не знаю.
Если же он, как сказал я, и сын многомогущный Тидея, –
Все ж не без бога свирепствует он, но какой-то бессмертный
Близко стоит при Тидиде, окутавши облаком плечи.
Самые меткие стрелы куда-то он вбок направляет.
Я ведь в него уж стрелял и в плечо его правое ранил;

Выпуклость панцыря, ясно я видел, стрела пронизала;
К Аидонею, я думал, уж сверг я Тидеева сына, –
Нет, не сразил его! Есть, без сомнения, бог прогневленный!
Нет здесь со мною коней, для сражения нет колесницы.
У Ликаона в дому их одиннадцать, – новых, прекрасных,
Только что сделанных; вокруг колесниц тех висят покрывала;
Подле же каждой по паре стоит лошадей двухъяремных;
Полбу и белый ячмень мы даем лошадям этим в пищу.
В доме прекрасном своем старик Ликаон копьеборец
Часто советовал мне, как в поход я сюда отправлялся:
На колесницу с конями взошедши, – наказывал мне он, –
В схватках кровавых с врагами начальствовать ратью троянской.
Я не послушал отца, а намного б то было полезней.
Я пожалел лошадей, чтоб у граждан, в стенах заключенных,
В корме они не нуждались, привыкнувши сытно питаться.
Дома коней я оставил и пеший пришел к Илиону,
Твердо на лук полагаясь. Но помощи не дал мне лук мой.
В двух предводителей лучших стрелял я из меткого лука, –
В сына Тидея и в сына Атрея; того и другого
Ранил и кровь их пролил я, и только сильней раззадорил!
Злая судьба мне внушила с гвоздя прочно сложенный лук мой
Снять в злополучный тот день, как решился я в милую Трою
Двинуться с ратью троянской, чтоб Гектору радость доставить.
Если домой я вернусь и глазами своими увижу
Землю родную, жену и отеческий дом наш высокий,
Пусть иноземец враждебный тотчас же мне голову срубит,
Если в огонь я пылающий этого лука не брошу,
В щепы его изломав: бесполезным он спутником был мне!»
Пандару тотчас Эней, предводитель троянцев, ответил:
«Не говори так. Не будет и дальше иначе, покуда
Мы с колесницей, с конями не выступим оба навстречу
Мужу тому и на нем не испробуем наше оружие.
Встань же ко мне в колесницу; тогда, каковы, ты увидишь,
Тросовы кони,³⁵ как быстро умеют они по равнине
Мчаться равно и туда, и туда, – и в погоне, и в бегстве.
Также и в город они нас спасут, если выйдет, что снова
Славу дарует Зевес Диомеду, Тидееву сыну.
Ну, так бери ж поскорее и бич, и блестящие вожжи,
Я же войду в колесницу, чтоб в битву вступить с Диомедом.
Иль Диомеда возьми на себя, я ж останусь с конями».
Сыну Анхиза ответил блистательный сын Ликаона:
«Лучше уж сам бы, Эней, за коней ты взялся и за вожжи!
Много быстрее с возницей привычным они понесутся,
Если придется бежать нам пред мощным Тидеевым сыном.
Если ж не будет тебя, заартачатся кони и с поля

³⁵ Тросовы кони – Трос – царь троянский; от него получила свое имя Троя. Зевс похитил его молодого красавца-сына Ганимеда, дал ему бессмертие и сделал своим виночерпием на Олимпе. В возмещение отцу, Зевс подарил ему легконогих коней, «на которых бессмертные ездят» (см. гомеровский гимн к Афродите, 211).

Не пожелают умчать нас, знакомого крика не слыша.
Быстро тем временем сын многомогущий Тидея нагрянет,
Нас умертвит и угонит коней твоих однокопытных.
Сам ты возмись управлять колесницей своей и конями,
Я же, как он налетит, изостренным копьем его встречу».
Так сговорясь меж собою и в пеструю встав колесницу,
Вскачь на Тидеева сына пустили коней они быстрых.
Только увидел Сфенел их, блистательный сын Капанеев, –
Быстро Тидееву сыну слова он крылатые молвил:
«Храбрый Тидид Диомед, о мой друг, драгоценнейший сердцу!
Вижу могучих мужей, налетающих биться с тобою!
Неизмерима их сила. Один из них – лучник известный,
Пандар, гордящийся тем, что бесстрашным рожден Ликаоном.
С ним же там рядом – Эней; родитель его знаменитый –
Великосердный Анхиз, а мать – Афродита богиня.
Стань в колесницу, отступим. Зачем так неистово биться
В самых передних фалангах? Погубишь ты милое сердце!»
Грозно взглянув на него, отвечал Диомед многомогущий:
«Не говори мне о бегстве, меня на него ты не склонишь.
Нет, не в породе моей, чтоб позорно бежать из сраженья
Иль приседать от испуга. Крепка у меня еще сила!
На колесницу всходить подожду я. Пешком им навстречу
Выйду я в бой. Трепетать не велит мне Паллада-Афина.
Их в колеснице обратно не вынесут быстрые кони.
Оба от нас не уйдут, если нынче один и спасется.
Слово иное скажу, и в сердце обдумай то слово.
Если убийством вот этих обоих добыть себе славу
Мудрая даст мне Афина, то наших коней быстроногих
В сторону ты отведешь, натянувши на поручнях вожжи.
Сам же к энеевым кинься коням, – хорошо это помни! –
И от троянцев гони их к красивопоножным ахейцам.
Кони те из породы, которую Зевс громовержец
Тросу отдал в награждение за сына его Ганимеда.
Лучших коней не увидишь нигде под зарей и под солнцем.
Эту породу похитил Анхиз, повелитель народа,
Тайно от Лаомедонта своих кобылиц подославши.
Шесть лошадей той породы родилось в доме у Анхиза.
Он четырех удержал для себя и вскормил их у яслей,
Двух же Энею отдал, разносящему ужас в сраженьях.
Если коней тех захватим, получим великую славу».
Так Диомед и Сфенел меж собою вели разговоры.
Скоро примчались те двое, гоня лошадей быстроногих.
Первым сказал Диомеду блистательный сын Ликаона:
«Славным Тидеем рожденный, бестрепетный, духом могучий!
Быстрой моею стрелой не смирен ты, – стрелой моей горькой.
Нынче копьем попытаюсь, не лучше ли им попаду я!»
Так он сказал и, взмахнувши, послал длиннотенную пику
И по щиту Диомеда ударил. И щит пронизало
Острое жало копья и со звоном ударилось в панцырь.

Громко вскричал Диомеду блистательный сын Ликаонов:
«Ранен ты в пах, и насквозь! Уж недолго теперь ты, надеюсь,
Сможешь держаться. А мне ты великую славу доставил!»
Мало смутившись, ответил ему Диомед многомогущий:
«Нет, ошибаешься! Мимо попал ты! Но вы, я надеюсь,
Оба уйдете из боя не раньше, чем тот или этот
Кровью своею насытит бойца-щитоносца Ареса».
Так он сказал и метнул. И Афина направила пику
В нос недалеко от глаза. И, белые зубы разбивши,
Несокрушимая пика язык ему в корне отсекала
И, острием пролетевши насквозь, замерла в подбородке.
Он с колесницы упал, и доспехи на нем зазвенели, –
Пестрые, светлые. В страхе шарахнулись быстрые кони
В сторону. Так у него и душа разрешилась, и сила.
Спрыгнул на землю Эней со щитом и с огромною пикой,
В страхе, чтоб пандаров труп как-нибудь не забрали ахейцы.
Он возле трупа ходил, словно лев, свою мощь сознающий,
Пикой вперед выставляя и щит, во все стороны равный,
Голосом страшным убить угрожая того, кто посмеет
Выйти навстречу. Но камень схватил Диомед многомогущий –
Тяжесть великую! Двое его понести не смогли бы
Ныне живущих людей; но легко им махал и один он.
Камнем таким поразил он Энея в бедро, где головка
Входит в сустав тазовой, именуемый иначе чашкой.
Чашку удар раздробил, сухожилия оба порвавши;
Также и кожу тот камень зубристый сорвал у героя.
Он на колено упал и стоял, опираясь о землю
Крепкой рукой. И глаза его черная ночь осенила.
Тут бы погиб неизбежно Эней предводитель народа,
Если б остро не следила за всем Афродита богиня,
Мать, что когда-то его родила волопасу Анхизу.
Бережно белые локти вокруг милого сына обвивши,
Спереди складкою пеплос блестящий пред ним распростерла,
Кроя от копий и стрел, чтоб какой-нибудь конник данайский,
Грудь ему медью пронзивши, души у него не исторгнул.
Так выносила богиня Энея из битвы кровавой.
Сын Капанея Сфенел между тем не забыл приказаний,
Только что данных ему Диомедом могучеголосым:
Однокопытных своих лошадей он поставил подальше
От бушевавшего боя и, вожжи к скобе привязавши,
Бросился быстро к коням пышногривым героя Энея,
Их отогнал от троянцев к красивопоножным ахейцам
И передал Деипилу, товарищу, с кем наиболее
Был он из сверстников дружен и в мыслях всех ближе сходил,ся,
Чтобы к судам крутобоким коней отогнал он. Герой же
На колесницу взошел и, схвативши блестящие вожжи,
Быстро погнал к Диомеду коней своих крепкокопытных.
Сын же Тидея Киприду преследовал гибельной медью:
Знал, что она не из мощных божеств, не такая богиня,

Что боевыми делами людей заправляет на войнах,
Не Энио, города разносящая в прах, не Афина.
Скоро богиню догнал, прорываясь сквозь толпы густые,
Сын многомогущий Тидея и острую пику наставил,
И налетел, и ударил ей медью блестящею в руку
Слабую. Пеплос бессмертный, самими Харитами тканый,
Медная пика пронзила и около кисти рассекла
Кожу. Ручьем заструилась бессмертная кровь у богини, —
Влага, которая в жилах течет у богов всеблаженных:
Хлеба они не едят, не вкушают вина, потому-то
Крови и нет в них, и люди бессмертными их называют.
Вскрикнула громко богиня и бросила на землю сына.
На руки быстро его подхватил Аполлон дальновержец.
Облаком черным закрыв, чтоб какой-нибудь конник данайский
Медью груди у него не пронзил и души не исторгнул.
Громко могучеголосый Тидид закричал Афродите:
«Скройся, Зевесова дочь! Удались от войны и убийства!
Иль не довольно тебе, что бессильных ты жен обольщаешь?
Хочешь и в битвы мешаться? Вперед, полагаю я, в ужас
Битва тебя приведет, лишь услышишь ее издалека!»
Так он сказал. Удалилась она, вне себя от страданья.
В болях ужасных Ирида ее увела из сраженья,
За руку взяв. Почернело от крови прекрасное тело.
Слева от битвы нашла она буйного бога Ареса.
Там он сидел, подведя лошадей и копье прислонивши
К темному облаку. Пала она на колени пред братом
И умоляла его одолжить ей коней златосбруйных:
«Дай мне твоих лошадей, помоги мне, о брат дорогой мой,
Чтобы могла я достигнуть Олимпа, жилища бессмертных.
Слишком я стражду от раны, мне смертным сейчас нанесенной,
Сыном Тидея, который и с Зевсом готов бы сразиться».
Так говорила. И отдал Арес ей коней златосбруйных.
Милым печалуясь сердцем, она поднялась в колесницу;
С ней поднялась Ирида и, вожжи руками забравши,
Коней стегнула бичом. Полетели послушные кони.
Быстро достигли жилища богов на Олимпе высоком.
Там удержала коней ветроногая вестница Зевса,
Их отпрягла от ярма и амвросии бросила в пищу.
Пала Киприда, сойдя с колесницы, в колени Дионы,
Матери милой. В объятья Диона ее заключила,
Нежно ласкала рукой, называла и так говорила:
«Кто так неправо с тобой поступил из потомков Урана,
Дочь моя, словно бы зло ты какое открыто свершила?»
И отвечала улыбкалюбивая ей Афродита:
«Ранил меня Диомед, предводитель надменный аргосцев, —
Ранил за то, что унести я хотела из боя Энея,
Милого сына, который всех больше мне дорог на свете.
Нынче уже не троян и ахейцев свирепствует битва,
Нынче уже и с богами бессмертными быются данайцы!»

Ей отвечала на это Диона, в богинях богиня:
«Милая дочь, потерпи и сдержись, как ни горестно сердцу!
Многим из нас, на Олимпе живущим, терпеть приходилось
От земнородных людей из-за распрей взаимных друг с другом.
Много Арес претерпел, как его Алоеевы дети
От с Эфиальтом³⁶ могучим сковали крепчайшею сетью.
Скован, томился тринадцать он месяцев в бочке медяной.
Верно бы так и погиб там Арес, ненасытный войною,
Если бы мачеха их, Ерибея прекрасная, тайно
Не известила Гермеса. Гермес из темницы похитил
Уж изнемогшего в тяжких цепях, ослабевшего бога.
Много терпела и Гера в то время, как сын многомогущий
Амфитриона³⁷ стрелою трезубою в правую грудь ей
Метко попал. Несказанной терзалась болью богиня.
Даже Аид потерпел, меж богами ужасный, от раны,
Острой стрелой нанесенной все тем же Зевесовым сыном
Возле ворот средь умерших, и тяжкие муки изведаль.
К зевсову дому отправился он на вершины Олимпа,
Сердцем печалась, от боли страдая. В плече его мощном
Крепко сидела стрела роковая и мучила сердце.
Боль утешающим средством осыпавши рану, Пэеон
Скоро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Дерзкий, неистовый! Он, не страшась, совершал злодеянья,
Луком богам досаждал, на Олимпе великом живущим.
Этого ж против тебя подстрекнула Паллада-Афина.
Глупый! Сердцем не знает того Диомед дерзновенный,
Что краткожизненны люди, с богами посмевающие биться.
Не назовут его папой, не сядут к нему на колени
Дети, когда он с войны возвратится из битвы ужасной.
Пусть же подумает нынче Тидид, хоть и очень могуч он,
Как бы с ним кто-нибудь в бой не вступил, кто тебя посильнее,
Как бы Адрастова дочь, многоумная Эгиалея
Не разбудила домашних когда-нибудь воплем полночным
В скорби о муже законном, храбрейшем герое ахейском, –
Твердая духом жена Диомеда, смирителя коней».
Так говорила и влагу бессмертную вытерла с кисти.
Тяжкая боль унялась, и мгновенно рука исцелилась,
Все это видели Гера богиня с Палладой-Афиной.
Речью насмешливой стали они подстрекать Эгиоха.
Первою речь начала совоокая дева Афина:
«Зевс, мой отец, не рассердишься ты на слова, что скажу я?
Верно, какую-нибудь из ахейнок снова Киприда
Переманила к троянцам, ужасно ей милыми ставшим.
Не оцарапала ль, эту ахейнку нежно лаская,
Слабую руку свою золотою булавкой богиня?»
Так говорила. Отец и людей, и богов улыбнулся

³⁶ От и Эфиальт – внуки Посейдона, великаны чудовищной силы.

³⁷ Сын Амфитриона – Геракл.

И, подозвав золотую к себе Афродиту, сказал ей:
«Дочь моя, дело совсем не твое заниматься войною.
Лучше устраивай браки, – приятное самое дело!
Этими ж всеми делами займутся Арес и Афина».
Так меж собою вели разговоры бессмертные боги.
Громкоголосый Тидид между тем порывался к Энею,
Зная, что сам Аполлон свою руку над ним простирает.
Он не страшился и бога великого. Рвался душою
Смерти Энея предать и доспех его славный похитить.
Трижды бросался Тидид, умертвить порываясь Энея,
Трижды в блистающий щит ударял Аполлон Диомеда.
Но лишь в четвертый он раз устремился, похожий на бога,
Голосом страшным ему загремел Аполлон дальновержец:
«В разум приди, отступи и не думай равняться с богами,
Сын Тидеев! Подобными ввек не окажутся племя
Вечных богов и племя людей, по земле ходящих».
Так он сказал. И назад подался Диомед ненамного,
Гнева желая избегнуть далеко разящего Феба.
Феб-Аполлон же Энея, из яростной вынесши схватки,
В храме прекрасном своем положил, в Пергаме священном.
Сыну Анхиза в великом святилище том возвратили
Мощь и пригожесть Лето с Артемидою стрелолюбивой.
Создал обманчивый призрак меж тем Аполлон сребролукий,
Схожий с Энеем самим, совершенно в таких же доспехах.
Около призрака сшиблись фаланги троян и ахейцев.
И разбивали друг другу ударами кожи воловьи
Круглых тяжелых щитов и легких щитов окрыленных.
Феб-Аполлон обратился к Аресу, свирепому богу:
«Слушай, Арес, о Арес любодобоец, твердынь сокрушитель,
Кровью залитый! Не сгонишь ли с поля ты этого мужа,
Сына Тидея, который готов и с Зевесом сразиться?
Прежде богине Киприде он руку поранил у кисти,
После и против меня устремился, похожий на бога».
Так произнеся, воссел Аполлон на высотах Пергама.
Грозный Арес же фаланги троян возбудить устремился,
Образ приняв Акаманта, вождя удалого фракийцев.
Крикнул он детям владыки Приама, питомцам Зевеса:
«Дети владыки Приама, вскормленные Зевсом великим!
Долго ль народ избивать вы позволите гордым ахейцам?
Может быть, ждете, чтоб к самым воротам они подступили?
Воин повержен, у нас почитавшийся так же, как Гектор, –
Великосердным Анхизом рожденный Эней знаменитый!
В бой же, вперед! И спасем благородного друга из свалки!»
Так говоря, возбуждал он и силу, и мужество в каждом.
К Гектору тут Сарпедон обратился с обидною речью:
«Гектор, куда у тебя подевалась бывалая храбрость?
Ты говорил, что один, без народов, без ратей союзных
Город спасешь, лишь с зятьями и братьями. Где ж твои братья?
Здесь ни единого я не могу ни найти, ни приметить.

Все, как собаки вокруг льва, трясутся от страха и мнутя.
Мы же сражаемся здесь, хоть всего лишь союзники ваши.
Также союзник и я, к вам пришедший совсем издалека,
Ибо Ликия моя и течения Ксанфа не близки.
Там я жену дорогую оставил, младенца-ребенка,
Много богатств, до которых жадны неимущие люди.
Все ж и при этом веду я ликийцев и сам в поединке
Рад сразиться с врагом, хоть и нет ничего здесь такого,
Что бы могли у меня увести иль унести аргивяне.
Ты ж неподвижно стоишь и войскам не даешь приказаний
Не отступать пред врагом и за жен своих храбро сражаться.
Не оказаться бы всем вам, как будто попавшимся в петли
Всеуловляющей сети, – добычей врагов беспощадных!
Скоро погибнет тогда ваш прекрасно построенный город!
Должен ты был бы об этом заботиться денно и ночью,
Должен просить бы вождей многославных союзников ваших,
Чтоб помогли вам, и делом мой жесткий упрек опровергнуть!»
Гектора сердце глубоко кольнули слова Сарпедона.
Вмиг со своей колесницы в доспехах он спрыгнул на землю,
Острые копья колебля, пошел по широкому войску,
Всех возбуждая на бой. И возжег жесточайшую сечу.
Оборотившись назад, на ахейцев они налетели.
Те же, сомкнувши ряды, дожидались врагов не робея.
Так же, как ветер разносит при веяньи хлеба мякину
Всюду по гумнам священным, когда золотая Деметра
Под дуновеньем ветров от мякины зерно отделяет,
И от мякины все бело вокруг, – так тогда и ахейцы
Белыми стали от пыли, которую между бойцами
До многомедного неба вздымали копытами кони,
Перемешавшись друг с другом. Ворочали в бой их возницы.
Воины рук своих силу несли на врагов. Непроглядный
Сумрак разлил над сраженьем Арес, помогая троянцам,
Всюду с поддержкой спеша, исполняя приказ Аполлона,
Золотомечного Феба, который ему заповедал
Дух у троян возбуждать, лишь увидел, что с поля уходит
Дева Паллада-Афина, дававшая помощь данайцам.
Сам Аполлон же Энея из многобогатого храма
Вывел и силою грудь преисполнил владыки народов.
Между друзей появился Эней. И пришли они в радость,
Видя, что снова живой, невредимый, блистающий силой
Он перед ними стоит. Но спросить ни о чем не успели:
Труд их заботил иной, на который их звал Сребролукий
И любобоец Арес с ненасытною Распрей-Эридой.
Оба Аякса меж тем, Одиссей и Тидид многомогущий
Ревностно в бой возбуждали данайцев. Однако данайцы
Сами ни силы троян не страшились, ни их нападения.
Ждали, подобные тучам, которые Зевс молневержец,
В тихий, безветренный день на высокие горы надвинув,
Держит недвижно на месте в то время, как спит непробудно

Сила Борея и прочих ветров, что дыханием бурным
С шумом большим разгоняют тенистые тучи по небу.
Так ожидали данайцы троян неподвижно, без страха.
Сын же Атрея, ходя по рядам, отдавал приказанья:
«Будьте мужами, друзья, и возвысьтесь бестрепетным духом!
В схватках сражаясь могучих, стыдитесь друг перед другом.
Воинов, знающих стыд, спасается больше, чем гибнет,
А беглецы не находят ни славы себе, ни спасенья!»
Молвил и пику метнул, и ударил в переднего мужа,
Деикоонта, Пергасом рожденного, друга Энея.
Чтили троянцы его наравне с сыновьями Приама.
Был он проворен на то, чтоб сражаться средь самых передних.
Пикою в щит поразил его царь Агамемнон могучий;
Не задержал ее щит, но насквозь его медь пронизала,
Пояс пробила и в нижнюю часть живота угодила.
С шумом на землю он пал, и доспехи на нем зазвенели.
Двух тут Эней ниспровергнул храбрейших мужей меж данайцев,
Крефона и Орсилоха, рожденных на свет Диоклеем.
Жил Диоклей, их родитель, в красиво построенной Фере;
Благами жизни богатый, свой род от Алфея реки он
Вел, что широко теченья струит через землю пилосцев.
Этот Алфей Орсилоха родил, повелителя многих;
Тот Орсилох был отцом Диоклея, высокого духом;
Двух сыновей-близнецов произвел Диоклей знаменитый –
Крефона и Орсилоха, во всяческой битве искусных.
Оба они, возмужавши, на черных судах быстроходных
К Трое, богатой конями, с ахейскою ратью приплыли,
Славных Атрея сынов, Агамемнона и Менелая,
Честь защищая. Но смертный конец тут покрыл их обоих.
Словно два мощные льва, на вершинах возросшие горных,
В чаще дремучего леса вскормленные матерью-львицей,
Тучных овец и волов круторогих из стад похищая,
Опустошают людские дворы до поры, как и сами
Мертвыми лягут от рук человеческих под острою медью, –
Так и они, многомогущим Энеем сраженные насмерть,
Рухнулись оба на землю, подобные соснам высоким.
Стало повергнутых жаль Менелая, любимцу Ареса.
Выступил он из рядов, облеченный сияющей медью,
Острым копьем потрясая. Арес возбудил его храбрость
С тайною мыслью, что будет сражен он рукою Энея.
Но увидал его Несторов сын, Антилох благородный;
Выступил он из рядов, опасаясь, чтоб пастырь народов
Не пострадал и не сделал бы этим весь труд их напрасным.
И Менелай и Эней уж и руки, и острые копья
Друг поднимали на друга, пылая желаньем сразиться.
Вдруг близ Атрида, владыки племен, Антилох очутился,
Был хоть и быстр в нападеньи Эней, но подался обратно,
Видя, что рядом друг с другом два мужа его ожидают.
Эти же двое к ахейским рядам оттащили убитых,

В руки товарищам трупы обоих несчастных отдали,
Сами ж вернулись и стали сражаться меж самых передних.
Был Пилемен ими наземь повергнут, подобный Аресу,
Вождь щитоносных мужей-пафлагонцев, не знающих страха.
Этого мужа Атрид Менелай, знаменитый копейщик,
Пикой, стоявшего, сбил, поразивши его под ключицу.
Мидон, Атимниев сын, пилеменов возничий и спутник,
Был Антилохом сражен, как коней поворачивал к бегству.
В локоть он камнем ударил его. Из руки ослабевшей
Вожжи, слоновою костью блиставшие, наземь упали.
Прыгнул вперед Антилох и мечом по виску его грянул.
Мидон со вздохом тяжелым с прекрасной упал колесницы
В пыль придорожную вниз головою, на темя и плечи.
В очень глубокий песок он попал и стоял так, доколе
Кони, рванувшись, его не свалили на пыльную землю.
Коней стегнул Антилох и угнал их к ахейскому стану.
Гектор, обоих в рядах увидавши, на них устремился
С криком; за ним понеслись и фаланги могучих троянцев.
Ими начальствовал грозный Арес с Энио досточтимой.
Эта вела за собою смятение бесстыдное в битве;
Тот же, в могучей руке потрясая огромную пику,
То перед Гектором шел впереди, то за Гектором следом.
В ужас пришел, увидавши Ареса, Тидид многомогущий
И, как беспомощный путник, идущий широкой равниной,
Вдруг цепенеет пред быстрой рекою, впадающей в море,
Видя шумящую пену, и робко назад убегает, –
Так же тогда Диомед отшатнулся и крикнул народу:
«Можно ль тому удивляться, друзья, что божественный Гектор
Так в копьеборстве искусен и так безбоязнен в сраженьях?
Вечно при нем кто-нибудь из богов и беду отражает.
Вот и теперь с ним Арес под обличем смертного мужа!
Оборотившись все время к троянцам лицом, отступайте
С поля сраженья и в битву вступать не держайте с врагами!»
Так он сказал. Но уж близко на них наседали троянцы.
Гектор двоих конеборцев убил, многоопытных в битве,
Бывших в одной колеснице, Менесфа и с ним Анхиала.
Стало повергнутых жаль Теламонову сыну Аяксу.
Близко он к ним подошел и, взмахнувши сияющей пикой,
В Амфия ею ударил, Селагова сына, который
В Пезе богатством большим и полями владел, но судьбою
Был завлечен на войну за Приама с его сыновьями.
В пояс его поразил многомогущий Аякс Теламоний, –
В нижнюю часть живота длиннотенная пика проникла.
С шумом на землю упал он. Аякс подбежал знаменитый,
Чтобы доспехи совлечь. Но посыпались, ярко сверкая,
Острые копья троянцев; немало их щит его принял.
Он же, ногой наступив на сраженного, медную пику
Вырвал назад; но других не успел драгоценных доспехов
С плеч его снять: осыпали Аякса крылатые стрелы.

Он побоялся в могучем кольце очутиться троянцев:
Много отважных врагов наступало, наставивши копья,
Как ни огромен он был, и могуч, и достоин почета, –
Прочь отогнали его. И Аякс отступил, содрогаясь.
Так подвизались вожди аргиев в том сражении могучем.
Вождь Тлеподем Гераклид, огромный и ростом, и силой,
Был с богоравным сведен Сарпедоном могучей судьбою.
После того, как, идя друг на друга, сошлись они близко, –
Сын знаменитый и внук собирателя туч Молневержца,³⁸ –
Первым из них Тлеподем к Сарпедону царю обратился:
«Что у тебя за нужда, Сарпедон, советчик ликийцев,
Ежиться здесь и дрожать? Ничего ведь в боях ты не смыслишь
Кто это лжет, будто сын ты эгид о державного Зевса?
Нет, несравненно слабее мужей ты, которые раньше
На свет родились от туч собирателя Зевса-Кронида,
И каковым, говорят нам, великая сила Геракла
Был мой родитель, герой дерзновеннейший, львиное сердце.
Некогда прибыл сюда за конями он Лаомедонта
Только с шестью кораблями, с значительно меньшим отрядом, –
И разгромил Илион ваш, и улицы сделал пустыми.
Ты же душой трусоват и народ свой ведешь на погибель.
Ты никакой, я уверен, защитой троянцам не будешь,
Бросил Ликию напрасно, и, будь ты хоть много могучей,
Все ж отойдешь, этой пикой сраженный, к воротам Аида!»
Сыну Геракла сказал Сарпедон, предводитель ликийцев:
«Так, Тлеподем, – разорил твой родитель священную Трою
Из-за безумия мужа, преславного Лаомедонта.
Много добра ему сделал Геракл,³⁹ а его разбранил он
И лошадей не отдал, для которых тот шел издалека.
Ты же немедленно черную смерть от меня и погибель
Здесь получишь и, пикой моею поверженный, славу
Дашь мне, а душу свою – конеславному богу Аиду!»
Так говорил Сарпедон. Тлеподем ясеновую пику
Поднял. И разом из рук у обоих бойцов полетели
Пики огромные. В шею попал Сарпедон Тлеподему;
Боль приносящая пика насквозь ему шею пробила;
Черною, мрачною ночью покрылись глаза Тлеподема.
А Тлеподем своей пикой в бедро поразил Сарпедона, –
В левое; тело пронзивши, ударилось бурное жало
В кость. Но покамест отец⁴⁰ защитил от гибели сына.
Равного богу царя Сарпедона друзья торопливо

³⁸ Сарпедон – был сын Зевса, Тлеподем – сын Зевсова сына Геракла.

³⁹ У троянского царя Лаомедонта (Приамова отца) была дочь Гесиона. Он должен был отдать ее на съедение морскому чудовищу. Геракл убил чудовище и освободил Гесиону. В награду Лаомедонт обещал ему подарить знаменитых Тросовых коней (см. примеч.³⁵), но обманул и коней не отдал. Геракл приплыл с войском к Трою, разорил город и убил Лаомедонта.

³⁵ Тросовы кони – Трос – царь троянский; от него получила свое имя Троя. Зевс похитил его молодого красавца-сына Ганимеда, дал ему бессмертие и сделал своим виночерпием на Олимпе. В возмещение отцу, Зевс подарил ему легконогих коней, «на которых бессмертные ездят» (см. гомеровский гимн к Афродите, 211).

⁴⁰ Отец – Зевс.

Из тесноты выносили. Влачилась огромная пика
Следом и сильно его удручала. Никто не подумал,
Не догадался извлечь из бедра его пику, чтоб мог он
Вместе с другими идти: до того все кругом торопились.
А на другой стороне тлеполемово тело ахейцы
Из тесноты выносили. Тотчас же все это увидел
Стойкий душой Одиссей. Разъярилось в нем милое сердце.
Он между помыслов двух колебался умом и душою:
Прежде настигнуть ли сына громами гремящего Зевса,
Или ликийцев, мужей рядовых, уничтожить побольше.
Но не ему, Одиссею герою, дано было роком
Острою медью низвергнуть могучего Зевсова сына.
Сердце его на ликийский народ обратила Афина.
Койрана тут умертвил он, Аластора мужа, Алькандра,
Хромия, Галия, также Ноемона и Пританиса.
Много еще бы ликийцев убил Одиссей богоравный,
Но издалека увидел его шлемоблещущий Гектор.
Ринулся он сквозь передних, покрытый сияющей медью,
Ужас данайцам неся. Увидав, что приблизился Гектор,
В радость пришел Сарпедон и печальное слово промолвил:
«Гектор, не дай, умоляю, лежать мне добычей ахейцев,
Но защити! И пускай уже в городе вашем покинет
Жизнь мое тело. Я вижу, что нет никакой мне надежды
В дом возвратиться к себе, в дорогую отцовскую землю,
Радость принести и супруге любимой, и малому сыну».
Так говорил он. Но Гектор ему ничего не ответил.
Бурно пронесся вперед, чтоб как можно скорее ахейцев
Прочь отогнать и у многих копьем своим души исторгнуть.
Равного ж вечным богам Сарпедона друзья посадили
В поле, под дубом прекрасным эгидодержавного Зевса.
Вытащил вон из бедра ясеновую острую пика
Мощный Пелагон, который товарищем был его милым.
И отлетела душа, и глаза его тьмою покрылись.
Вскоре однако вздохнул, и дыхание ветра Борей
Дух его вновь оживило, дышавший нечасто и тяжело.
Перед Аресом ахейцы и Гектором меднодоспешным
К черным своим кораблям быстроходным назад не бежали,
Но и вперед не бросались в бой; отступая, все время
Медленно шли, лишь узнали, что грозный Арес меж троянцев.
Кто же был первый и кто был последний, оружием которых
Гектор, рожденный Приамом, и медный Арес овладели?
Богу подобный Тевфрант, с ним вместе Орест конеборец,
Трэх, этолийский копейщик, Гелен Энопид с Эномаем
И опоясанный пестроблестящей повязкой Оресбий,
Муж, обитающий в Гиле, усердный стяжатель богатства,
Около озера живший Кефисского, где и другие
Жили мужи-беотийцы, владельцы богатых участков.
Но не укрылось от глаз белолокотной Геры богини,
Как аргивян меднолатных в могучем бою они губят.

Быстро со словом крылатым она обратилась к Афине:
«Необоримая дочь Эгиоха-Кронида, беда нам!
Право, напрасно с тобой обнадежили мы Менелая,
Что разрушителем Трои высокой домой он вернется,
Раз позволяем свирепствовать так мужегубцу Аресу!
Дай-ка подумаем также и мы о сражении бурном!»
Так говорила, и с ней согласилась дева Афина.
Тотчас сама устремила коней запрягать златосбруйных
Дочь великого Крона, богиня старейшая Гера.
Геба ж с боков колесницы набросила гнутые круги
Медных колес восьмиспичных, ходящих по оси железной.
Ободы их – золотые, нетленные, сверху которых
Плотные медные шины наложены, диво для взора!
Окаймлены серебром по обоим бокам их ступицы.
Кузов же сам на ремнях золотых и серебряных крепких
Прочно лежит, и дугою два поручня тянутся сверху.
Дышло же из серебра. К окончанию его привязала
Геба ярмо золотое, к ярму же – нагрудник прекрасный,
Весь золотой. Под ярмо подвела лошадей своих быстрых
Гера-богиня, пылая желаньем вражды и убийства.
Дочь между тем Эгиоха-Кронида в чертоге отцовском⁴¹
Мягкий свой пеплос сняла и струей его на пол спустила, –
Пестроузорный, который сготовлен был ею самою.
Вместо него же надевши хитон молневержца Зевеса,
Для многослезного боя в доспехи она облеклась.
Плечи себе облачила эгидой, богатой кистями,
Страшною; ужас ее обтекает венком отовсюду,
Сила в ней, распря, напор, леденящая душу погоня,
В ней голова и Горгоны, чудовища, страшного видом,
Страшная, грозная, Зевса эгидодержавного чудо.
Шлем свой надела, имевший два гребня, четыре султана;
Образы ста градоборцев тот шлем золотой украшали,
В яркую став колесницу, тяжелой, огромной и крепкой
Вооружилась пикой, сражавшей фаланги героев,
Гнев на себя навлекавших богини могучеотцовой.
Гера проворно бичом погнала лошадей быстроногих.
Сами собой распахнулись у неба ворота, где Орам
Вверено стражу нести для охраны Олимпа и неба,
Вход открывать и опять загораживать облаком плотным.
В эти ворота богини коней своих быстрых погнали.
Вскоре нашли они Зевса. Один, вдалеке от бессмертных,
На высочайшей из многих вершин олимпийских сидел он.
Там удержала коней белорукая Гера богиня
И к высочайшему Зевсу-Крониону так обратилась:
«Не негодуешь ты, Зевс, на такие злодеяния Ареса?
Сколько мужей – и каких! – погубил он в ахейском народе, –

⁴¹ Каждый бог имел на Олимпе свой отдельный дворец, Афина же, любимая дочь Зевса, жила вместе с отцом в его дворце.

Не по-хорошему, даром. Скорблю я, тогда как Киприда
А Аполлон сребролукий спокойно душой веселятся,
В бой подстрекнув дурака, над которым не властны законы.
Зевс, наш отец! На меня раздразишься ты, если Ареса
Я прогоню из сраженья, его исхлеставши позорно?»
Ей отвечая, сказал собирающий тучи Кронион:
«Лучше пошли на Ареса добычницу деву Афину:
Больше привыкла она повергать его в тяжкие скорби».
И не была непослушна ему белорукая Гера.
Коней хлестнула бичом. Не лениво они полетели,
Между землею паря и усеянным звездами небом.
Сколько проникнет в пространство воздушное взор человека,
В даль винночерного моря глядящего с вышки дозорной,
Столько захватят прыжков громкоржущие кони бессмертных.
Прибыли вскоре они к Илиону, к струящимся рекам,
К месту, где струи сливают свои Симоент со Скамандром.
Там удержала коней белорукая Гера богиня,
Их отпрягла и туман вокруг коней разлила непроглядный;
На берегу Симоент им амвросию вырастил в пищу.
Двинулись обе, походкой подобные робким голубкам,⁴²
Жарким пылая желаньем прийти к аргивянам на помощь.
Прибыли к месту они, где всех больше мужей наилучших
Было; стояли вокруг силы они Диомеда героя,
Коней смирителя, львам плотядным подобные видом
Или же злым кабанам, обладающим силой немалой.
И закричала на них белорукая Гера, принявши
Образ могучего Стентора, медноголосого мужа;
Так он кричал, как зараз пятьдесят человек бы кричало:
«Стыдно, ахейцы! Вы трусы! Лишь с виду достойны вы чести!
Прежде, когда еще в битвы вступал Ахиллес благородный, –
Нет, никогда из Дарданских ворот не дерзали троянцы
Выступить: все трепетали его сокрушительной пики.
Нынче ж далеко от стен пред судами троянцы воюют!»
Так говоря, возбудила и силу, и мужество в каждом.
А совоокая дева Афина пошла к Диомеду.
Близ колесницы с конями стоял Диомед, охлаждая
Рану, которую горькой стрелою нанес ему Пандар.
Пот изнурял под широким ремнем, на котором держался
Щит закругленный; и пот изнурял, и рука уставала
Черную кровь вытирать, под ремнем выступавшую крепким.
Облокотясь о ярмо колесницы, сказала богиня:
«Сын у Тидея родился не очень с родителем схожий!
Ростом Тидей был совсем не высок, но боец несравнимый.
Даже когда воевать иль стараться блистать меж мужами
Я запрещала ему, – как в то время, когда появился
В Фивах один он послом от ахейан средь многих кадмейцев...
Я пировать ему с ними велела спокойно в чертогах.

⁴² Походка голубок – частый женский шаг в отличие от широкого шага мужчины («широко шагая»).

Но и тогда, как и раньше, был духом могуч он безмерно.
Юношей вызвав кадмейских, во всяких он их состязаньях
Очень легко победил. Сама я ему помогала.
Также и возле тебя я стою и тебя охраняю,
И побуждаю всем сердцем тебя с троянцами биться.
Но иль усталость от многих трудов тебе в члены проникла,
Иль бессердечная робость тобой овладела. Какой же
Ты после этого сын храбреца Инеида Тидея?»
Ей отвечая, сказал Диомед, воеватель могучий:
«Дочь Эгиоха-Кронида, тебя узнаю я, богиня!
Все я охотно тебе сообщу, ничего не скрывая.
Нет, не усталость, не робость меня бессердечная держит.
Но приказаний, какие давала ты мне, не забыл я.
Против блаженного бога сражаться ты мне запретила,
Кто бы он ни был; но если бы Зевсова дочь Афродита
В битву ввязалась, велела разить ее острою медью.
Вот почему я и сам отступаю теперь, й ахейцам
Всем остальным приказал собираться на этом вот месте.
Вижу Ареса: он сам управляет кровавою битвой».
Снова сказала ему совоокая дева Афина:
«Духу, Тидид, моему ты из всех наиболее приятен.
Больше не бойся теперь ни Ареса, ни бога другого, –
Вот я какою тебе помощницей буду сегодня.
Прямо направь на Ареса коней твоих однокопытных,
Бей изблизи, не страшись сумасшедшего этого бога, –
Зла, что себе приготовили люди души переметной!
Сам он недавно и мне обещал, и владычице Гере
Помощь давать аргивянам и против троянцев сражаться.
Нынче ж о тех он забыл и совместно с троянцами бьется!»
Так говоря, согнала с колесницы Сфенела на землю,
За руку взявши его; и тотчас с колесницы он спрыгнул.
Быстро сама поднялась в колесницу к Тидееву сыну,
Боем горящая. Тяжко дубовая ось застонала,
Разом ужасного бога поднявши и лучшего мужа.
В руки и вожжи, и бич захвативши, Паллада-Афина
Однокопытных тотчас же коней погнала на Ареса.
Труп Перифанта огромного он обнажал от доспехов, –
Лучшего меж этолийцев, Охезия сына. Его-то
Кровью залитый Арес обнажал. Чтоб ее он не видел,
Дочь Эгиоха-Кронида покрылася шлемом Аида.⁴³
Лишь увидал людобоец Арес Диомеда героя,
Бросил тотчас он лежать Перифанта огромного там же,
Где, умертвивши его, у сраженного душу исторгнул,
И устремился навстречу Тидееву храброму сыну.
После того, как, идя друг на друга, сошлись они близко,
Первым ударил Арес над ярмом лошадей и вожжами
Медною пикой, пылая желанием душу исторгнуть.

⁴³ Шлем-невидимка подземного бога Аида («невидимого»).

Но ухватила рукой совоокая дева Афина
Пику, толкнула ее, и она меж колес пролетела.
После того Диомед размахнулся могучеголосый
Медною пикой. Ее устремила Паллада-Афина
В низ живота, где Арес опоясан был повязью медной:
Пику туда он вонзил и, прекрасную плоть растерзавши,
Выдернул пику обратно. Арес заревел меднобронный
Так же, как если бы девять иль десять воскликнуло тысяч
Сильных мужей на войне, зачиная аресову распрю.
Дрогнули в ужасе все, – и дружины троян, и ахейцев;
Так заревел на все поле Арес, ненасытный войною.
Так же, как воздух под тучами нам представляется мрачным
Знойною летней порой, приходящей с удушливым ветром,
Взору Тидида таким же и медный Арес показался,
В небо широкое вверх поднимавшийся с тучами вместе.
Быстро взлетел на Олимп он высокий, жилище бессмертных,
Сел возле Зевса-Кронида с душой, огорченной безмерно,
Рану ему показал с вытекавшей бессмертною кровью
И обратил к нему слово крылатое, жалуясь горько:
«Не негодуешь, отец, на злодейства подобные глядя?
Вечно страшнейшие беды единственно друг из-за друга
Претерпеваем мы, боги бессмертные, людям на радость.
Все на тебя негодуем: безумную дочь породил ты,
Гибель несущую всем, лишь с одними злодействами в мыслях.
Прочие боги, какие ни есть на высоком Олимпе, –
Все мы послушны тебе и готовы во всем покоряться.
Только ее никогда не смиришь ты ни словом, ни делом,
Все позволяешь зловредной богине, рожденной тобою.
Нынче Тидеева сына она, наглеца Диомеда,
С ярою злобой напасть на бессмертных богов подстрекнула.
Прежде богине Киприде он руку поранил у кисти,
После и против меня устремился, похожий на бога.
Только проворные ноги спасли меня, иначе долго б
Там я простертый лежал между страшными горами трупов
Или б живой изнемог под ударами гибельной меди!»
Грозно взглянув, отвечал собирающий тучи Кронион:
«Будет сидеть и скулить! Душа переметная, смолкни!
Всех ненавистней ты мне из богов, на Олимпе живущих!
Милы тебе только распри, кровавые войны и битвы.
Матери дух у тебя, – необузданный, буйно строптивый, –
Геры, которую сам я с трудом укрощаю словами.
Думаю, ты и теперь пострадал от ее же советов.
Дольше однако тебя я страдающим видеть не в силах.
Ты от меня производишь, и мне тебя мать породила,
Если б, зловредный такой, от другого ты бога родился,
Был бы давно под землей ты, и глубже, чем все Ураниды!»⁴⁴

⁴⁴ Ураниды – титаны, дети бога Урана, старшее поколение богов. Младшее поколение богов, во главе с Зевсом, свергло титанов и заключило их в Тартаре, глубоко под землею.

Тотчас его исцелить он Пэону дал приказанье.
Боль утешающим средством осыпавши рану, Пэон
Скоро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Если смоковничий сок нальешь в молоко и смешаешь,
Жидкое вмиг молоко от подобного сока свернется.
С той же Арес быстротою от раны своей исцелился.
Геба омыла его, облачила красивой одеждой.
И близ Кронида воссел он в сознании радостном славы.
Снова тогда возвратились в жилище великого Зевса
Гера аргивская вместе с Алалкоменидой Афиной,
Мужеубийства заставив прервать людобойца Ареса.

Песнь шестая

Встреча Гектора с Андромахой

Яростный бой меж троян и ахейцев оставили боги.
Но по равнине туда и сюда простиралось сражение
Между мужами, одни на других направлявшими копья,
В поле, между теченьями рек Симоента и Ксанфа.
Первым Аякс Теламоний, оплот и защита ахейцев,
Строй у троянцев прорвал, товарищам свет показавши.
Мужа он сверг Акаманта, храбрейшего между фракийцев,
Сына Евсорова, ростом высокого, мощного силой.
Первый ударил он в козырь его коневласого шлема,
Лоб пронизав Акаманта. Прошло глубоко ему в череп
Медное жало копья. И глаза его тьмою покрылись.
Аксил же Тевфрана сын, Диомедом могучеголосым
Был ниспровергнут. В Арисбе прекрасно устроенной жил он,
В жизненных средствах нужды не имея, и людям был другом.
Всех он радушно в дому принимал у себя при дороге.
Но ни один между них от смерти не спас его грустной,
Помощи не дал никто, и лишились души они оба, –
Сам он и спутник Калесий, который в его колеснице
Быстрыми правил конями. Сошли они оба под землю.
Дреса же вместе с Офельтием сверг Евриал многомогущий
И устремился на Эсепа с Педасом, нимфой речною
Абарбареей рожденных прекрасному Буколиону.
Буколион же был сын знаменитого Лаомедонта,
Старший рождением, но матерью тайно, без брака, рожденный.
Он, пастухом, близ овец сочетался любовью и ложем
С нимфою; двух сыновей-близнецов родила ему нимфа.
И сокрушил им обоим прекрасные члены и силу
Сын Мекистея, и с плеч их совлек боевые доспехи.
Стойкий в бою Полипет распростер на земле Астиала,
Царь Одиссей же могучий Пидита убил перкотийца
Медною пикой, а Тевкр – Аретаона, схожего с богом.
Несторов сын Антилох опрокинул блестящею пикой
Албера, царь Агамемнон, мужей повелитель, – Елата.
У берегов обитал он струистого Сатнионента,
В городе Педасе. Страхом объятого Филака в бегстве
Леит настигнул герой. Евриал же Меланфия свергнул.
Взят живьем был Адраст Менелаем могучеголосым,
Кони его, по равнине широкой помчавшись в испуге,
О тамарисковый куст колесницей ударились гнутой,
Дышло ее на конце раздробили и к городу сами
Вскачь понеслись, куда и другие скакали в смятении.
Сам же Адраст, с колесницы стремглав к колесу покотившись,
Грянулся в пыльную землю лицом. Над упавшим мгновенно

Встал Менелай, занеся на него длиннотенную пику.
Быстро колени Адраст у него охватил и взмолился к Атриду:
«Дай, Менелай, мне пощаду! Получишь ты выкуп достойный!
Много сокровищ хранит у себя мой родитель. Богат он
Золотом, медью, а также для выделки трудным железом.
С радостью даст он тебе за меня неисчислимый выкуп,
Если услышит, что в стане ахейцев живой нахожусь я».
Так говорил он и дух в груди убедил Менелаю.
Тот собирался уже к кораблям быстроходным ахейцев
Спутнику дать своему отвести его. Вдруг Агамемнон
Быстро навстречу ему подбежал и воскликнул сурово:
«Что это как, Менелай мягкодушный, ты нынче к троянцам
Жалостлив? В доме твоём превосходное сделали дело
Эти троянцы! Пускай же из них ни один не избежит
Гибели быстрой и нашей руки! Пусть ребята, которых
Матери носят во чреве своем, – пусть и те погибают!
Пусть они все без следа и без похорон, – все пусть исчезнут!»
Так говоря, отвратил Агамемнон намеренье брата,
Правильно все говоря; Менелай русокудрый Адраста
Прочь рукой оттолкнул. Агамемнон герою в утробу
Пикой вонзил. Опрокинулся он, и мужей повелитель,
Ставши ногою на грудь, ясеновую выдернул пику.
Нестор к ахейцам взывал, возбуждая их криком громовым:
«О дорогие герои данайцы, о слуги Ареса!
Бейтесь с врагом, не кидайтесь пока на добычу, не стойте
Сзади рядов, чтобы с большей добычей домой воротиться!
Будем мужей убивать! А потом по равнине спокойно
Сможете вы обнажать от доспехов лежащие трупы».
Так говоря, возбудил он и силу, и мужество в каждом.
И побежали б троянцы от милых Аресу ахейцев
В свой Илион, покоряясь объявшей их слабости духа,
Если б, представ пред Энеем и Гектором, так не сказал им
Сын Приамов Гелен, превосходнейший птицегадатель:
«Гектор, Эней! Наболе, герои, на вас тяготеет
Бремя забот о троянцах, ликийцах: ведь всех вы отличней
В деле любом, где потребны совет иль рука боевая!
Остановитесь же здесь и троян у ворот удержите,
Всюду на помощь являясь, пока еще женам в объятья
В бегстве не пали они, на потеху и радость ахейцам.
После того ж, как троянские вы ободрите фаланги,
Мы, оставаясь на месте, упорнейше будем сражаться,
Сколько бы нас ни теснили данайцы: велит неизбежность.
Ты же, о Гектор, меж тем в Илион отправляйся и там ты
Матери скажешь твоей и моей: благородных троянок
Пусть созывает в акрополь пред храм светлоокой Афины.
Двери священного дома ключом пусть откроет и пышный
Пеплос, который, по мнению ее, средь хранимых в чертоге
Всех превосходней и больше, всего и самой ей дороже, –
Пусть на колени возложит прекрасноволосой Афине,

Пусть ей двенадцать телят годовалых, работы не знавших,
Даст обещание в жертву принести, если жалость проявит
К городу нашему, к женам троянским и малым младенцам,
Если она Илион защитит от Тидеева сына, –
Дикого, мощного силой бойца, рассевателя страха,
Мужа, который, скажу я, могучее всех средь ахейцев.
Так нас и сам Ахиллес не страшил, меж мужами первейший,
Хоть говорят, что рожден он богиней. Еще неудержней
Этот лютует, и в силе никто с ним не может сравняться».
Гектору так говорил он, и тот не ослушался брата.
Вмиг со своей колесницы с оружием прыгнул на землю.
Острые копья колебля в руке, обходил он все войско,
К бою мужей возбуждая. И грянула новая сеча.
Оборотившись назад, на ахейцев они налетели.
И аргивяне назад подались, прекратили убийство.
Им показалось, – один из бессмертных со звездного неба
В помощь к врагам их спустился, – таков был стремительный
натиск.
Гектор к троянцам взывал, возбуждая их криком громовым:
«Храбрые Трои сыны и союзники славные наши!
Будьте мужами, друзья, о неистовой вспомните силе!
Я ненадолго от вас в Илион отлучусь и скажу там
Старцам-советникам, также и нашим супругам любезным,
Чтобы молились богам, обещали бы им гекатомбы».
Так им сказав, к Илиону пошел шлемоблещущий Гектор.
Билася сзади краями по пяткам его и затылку
Крепкая черная кожа, что выпуклый щит окаймляла.
Главк, Гипполохом рожденный, и сын знаменитый Тидея
На середину меж тем выходили, желая сразиться.
После того как, идя друг на друга, сошлись они близко,
Первым ко Главку Тидид обратился могучеголосый:
«Кто ты, храбрец, из людей, на земле порожденных для смерти?
Прежде тебя не встречал я в боях, прославляющих мужа.
Нынче ж, как вижу, далеко ты смелостью всех превосходишь,
Если решаешься выждать мою длиннотенную пику.
Дети одних злополучных встречаются с силой моею!
Если же ты кто-нибудь из богов, низошедший на землю, –
Я никогда не дерзнул бы с богами небесными биться!
Нет, и могучий Ликург, порожденный Дриантом, недолго
Прожил на свете, с богами небесными ссору затеяв.
На воспитательниц шумного он Диониса нагрязнул
И по божественной Нисе за ними гонялся. На землю
Бросили тирсы они, батоном поражаемы острым
Людоубийцы Ликурга. А сам Дионис, уstraшенный,
Бросился в море и был там воспринят на лоно Фетидой.
В ужас и трепет пришел он от буйственных выкриков мужа.
Легко живущие боги на это весьма прогневились,
Зевс же Кронион его ослепил. И потом уж недолго
Прожил Ликург на земле, ненавидимый всеми богами.

Нет, ни за что не хочу я с богами бессмертными биться!
Если же смертный ты муж и плодами питаешься пашни, –
Ближе иди, чтобы смерти предела достичь поскорее!»
Так Диомеду ответил блистательный сын Гипполоха:
«Высокодушный Тидид, для чего узнаешь ты о роде?
Сходны судьбой поколения людей с поколениями листьев:
Листья – одни по земле рассеваются ветром, другие
Зеленью снова леса одевают с пришедшей весною.
Так же и люди: одни нарождаются, гибнут другие.
Если ж и это ты хочешь узнать, то скажу я, чтоб ведом
Был тебе род наш; немало на свете людей его знает.
В Аргосе конебогатом далекий есть город Эфира.
В городе этом Сизиф находился, хитрейший из смертных.
Сыном Эола он был; а сам был родителем Главка.
Главк же на свет произвел непорочного Беллерофонта.
Боги ему красоту с привлекательным мужеством дали.
Пройт же в душе на него нехорошее дело задумал;
Властию был он сильнее его, и заставил покинуть
Землю аргосцев: под скипетр Пройта он отдан был Зевсом.
С Беллерофонтом Антее божественной, Пройта супруге,
Тайно любовь завязать пожелалось, но к ней не склонила
Полного чувств благородных, разумного Беллерофонта.
И, клевета на него, заявила царю она Пройту:
«Пройт! Или сам умирай, или Беллерофонта убей ты!
Дерзкий со мною пытался в любви сочетаться насильно».
Гневом великим вскипел повелитель, такое услышав.
Сам умертвить уклонился, – настолько стыда оказалось.
Но приказал ему ехать в Ликию и дал две дощечки,
Много погибельных знаков внутри начертав смертоносных.
Тестю он поручил их отдать, посланцу на погибель.
Тот под надежной защитой бессмертных в дорогу пустился.
Вскоре он прибыл в Ликию, к прекрасным течениям Ксанфа.
Принял радушно его повелитель Ликий пространный.
Девять он дней пировал с ним и девять быков он зарезал.
Но лишь десятая в небе возшла розоперстая Эос,
Стал он расспрашивать гостя, и видеть ему пожелалось
Знаки, которые зять его Пройт посылает в дощечках.
А получивши от гостя злодейские зятевы знаки,
Прежде всего приказал он ему уничтожить Химеру
Необоримую: божьей породы была та Химера;
Спереди лев, дракон назади, коза в середине;
Страшную силу огня выдыхала Химера из пасти.
Следуя данным богами приметам, ее умертвил он.
В бой он вступил, во-вторых, с многославным солимским
народом.
Битвы, как сам говорил он, ужасней, чем эта, не знал он.
В-третьих, в бою перебил амазонок он мужеподобных.
При возвращении царь ему новые козни подстроил:
Выбрав храбрейших мужей по Ликий пространный, в засаду

Их поместил. Но назад не вернулся из них ни единый.
Беллерофонт непорочный их всех перебил без остатка.
Царь, наконец, убедился в божественном роде пришельца,
И удержал у себя, и отдал ему дочь свою в жены,
И передал половину всей почести царской. Ликийцы
Самый отрезали лучший участок ему, с превосходным
Садом и тучною пашней, чтоб им он владел и питался.
Дети у той родились от разумного Беллерофонта, –
Трое: Исандр, Гипполох и прекрасная Лаодамия.
С Лаодамией возлег промыслитель Кронид; разрешилась
Меднодоспешным она Сарпедоном, похожим на бога.
Сделавшись всем напоследок бессмертным богам ненавистен,⁴⁵
Беллерофонт по долине алейской блуждал одиноко.
Душу глoday себе и тропинок людских избегая.
Жадный до боя Арес умертвил его сына Исандра
В дни, как сражался с солимами он, знаменитым народом.
Дочь златоуздой убита была Артемидою в гневе.
От Гипполоха же я родился, – вот откуда я родом.

⁴⁵ Беллерофонт убил Химеру, сражаясь с нею на крылатом коне Пегасе. Впоследствии Беллерофонт захотел подняться на Пегасе на Олимп, но конь сбросил его. За такую попытку боги возненавидели Беллерофонта, Он ослеп, охромел и кончил жизнь всеми отвергнутый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.